

Сборник 10

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ
РОССИИ**

Сборник 10

Москва – 2015

Б 042(02)1

Издание основано в 1997 г. Я.Н. Шаповым

Редакционная коллегия:

Е.В. Белякова, В.М. Лавров, Н.Н. Лисовой,
В.В. Лобанов (*ответственный секретарь*),
А.В. Назаренко (*ответственный редактор*),
Е.М. Юхименко

Сборник подготовлен
в Центре истории религии и Церкви
ИРИ РАН

Вниманию читателя предлагается подготовленный Центром истории религии и церкви Института российской истории РАН очередной 10-й сборник серийного издания «Церковь в истории России».

В сборник включены научные статьи и публикации документов, хронологически охватывающие широкий период в истории Русской Церкви – от XIII в., когда была создана Русская редакция собрания церковных канонов, до середины XX столетия, отмеченного революционными потрясениями в общественной жизни и гонениями на православие и другие религиозные конфессии. Среди авторов сотрудники Центра истории религии и церкви, других подразделений Института, региональные историки, аспиранты.

ISBN 978-5-8055-0284-3

© Институт российской истории
РАН, 2015 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Вниманию читателя предлагается очередной 10-й выпуск серийного сборника «Церковь в истории России», издаваемого Центром истории религии и Церкви Института российской истории РАН.

Выпуск включает научные статьи и публикации документов, хронологически охватывающие широкий период в истории Русской Церкви: от XIII века, когда была создана Русская редакция собрания церковных канонов, до середины XX столетия, отмеченного революционными потрясениями в общественной жизни и гонениями со стороны государства на православие и другие религиозные конфессии.

Сборник открывает статья Е.В. Беляковой, которая прослеживает историю создания новых канонических правил на Руси на рубеже XVI–XVII вв., выделяя несколько жанров новых текстов: правила иерархов, вопросы-ответы, учительные статьи, поучения, обращенные к священникам. Указывается на разные приемы создания книжниками новых текстов: дополнительные вставки в уже известные статьи; переработка статей с привлечением нового содержания; создание блоков из уже известных статей и включение новых статей в эти блоки; создание новых статей и включение их в состав устойчивых собраний. Публикация дополнена несколькими приложениями.

К личности епископа Иоасафа (Заболотского), возглавлявшего в 1782–1783 гг. Нижегородскую кафедру, обращается А.В. Морохин. Епископ Иоасаф принадлежал к числу тех иерархов, которые возвысились в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, благодаря образованности и незаурядным ораторским способностям. Несмотря на достаточно короткий период управления Нижегородской епархией, преосвященный Иоасаф оставил заметный след в истории духовной жизни Нижегородчины, о чем, опираясь на новые архивные материалы, и рассказывает автор.

Статья И.Ю. Смирновой посвящена другому выдающемуся церковному иерарху – митрополиту Филарету (Дроздову). Тема

публикации – ранние контакты святителя Филарета с протестантскими миссионерами, связанные прежде всего с пребыванием Филарета, тогда еще архимандрита, в Санкт-Петербурге в должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии и взаимодействием его с британскими миссионерами, которые участвовали в создании и деятельности Российского Библейского общества. Также автор подробно останавливается на визите в Санкт-Петербург в конце 1818 г. членов «Общества друзей» – квакеров Вильяма Аллена и Этьена де Грилье де Мобилье, которые сумели снискать благосклонность императора Александра I. Представители этой протестантской организации пробыли в российской столице около четырех месяцев, посетив ряд представителей высшего общества, в том числе и будущего митрополита Филарета, о чем оставили содержательные воспоминания.

В статье Н.Ю. Безшлеевой рассматривается опыт миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Японии в конце XIX – начале XX в. на примере служения архиепископов Николая (Касаткина) и Андроника (Никольского). Исследовательница обращает внимание на некоторые особенности в деятельности Японской православной духовной миссии.

Русская Православная Церковь в первые годы советской власти, когда голод 1921–1922 гг. сопровождался государственной кампанией по изъятию церковных ценностей – тема статьи В.Ф. Зимы. Автор анализирует проблему церковно-государственных отношений в этот период, рассматривает вклад Церкви в борьбу с голодом, ход кампании по изъятию ценностей, ставшей наиболее масштабным наступлением на Церковь с момента прихода к власти большевистского руководства, ее итоги. Особое внимание уделяется экспроприации церковных ценностей на Украине. Используются документы Государственного архива Службы безопасности Украины, Центрального государственного архива общественных объединений Украины.

Судьбе протоиерея Иоанна Гавриловича Вениаминова (1856–1947), внука митрополита Иннокентия (Вениаминова) и духовника императрицы Марии Федоровны, супруги императо-

ра Александра III, посвящено исследование И.А. Курляндского. Герой этого очерка – прапрадед автора публикации, который использует для статьи ценные материалы из своего личного архива. Подробно рассмотрен жизненный путь И.Г. Вениаминова от рождения до кончины 90-летнего старца, пережившего революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны, тюрьму и ссылку, потерю близких. Повествование ведется на широком историческом фоне.

Отдельный раздел посвящен публикации документов.

Выдержки из журналов протоколов заседаний Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг. подготовлены к печати И.В. Лобановой. Из массива документов извлечены материалы, относящиеся к дискуссии о восстановлении в Русской Православной Церкви патриаршества, упраздненного Петром I. В обширной вступительной статье автор дает обзор работы Отдела о высшем церковном управлении, деятельность которого во многом способствовала положительному решению вопроса о восстановлении института патриаршества. Всего за три недели Отделом была подготовлена соответствующая формула, представленная на утверждение Поместного собора.

Другая группа документов, подготовленная к публикации В.В. Лобановым, – информационные бюллетени обновленческого Священного синода о ситуации в церковной жизни в 1927–1928 гг. С необходимыми комментариями в научный оборот вводятся шесть сводок Организационно-информационного отдела Синода, сохранившихся в фонде обновленческого Московского епархиального управления, которые содержат материал не только о положении обновленчества в указанный период, но и о состоянии дел в патриаршей Церкви, деятельности иных внутрицерковных течений и групп.

Редакционная коллегия прилагает усилия к тому, чтобы сделать сборник регулярным ежегодником, и приглашает к сотрудничеству историков Русской Церкви из других научных учреждений – как России, так и зарубежья. Главные требования к оформлению текстов потенциальные авторы без труда извлекут сами, познакомившись со сборником.

Новые тексты в составе Кормчих на рубеже XVI–XVII вв.**

Название «книга, глаголемая Кормчая», или «Книга, глаголемая Кормчий», как название собрания церковных канонов появляется в созданной на Руси Русской редакции собрания церковных канонов еще в XIII в.¹ После выхода печатного издания в 1653 г. это название окончательно закрепляется за сборниками, содержащими каноны вселенских и поместных соборов в определенном порядке. Состав церковных канонов, признанных православной Церковью, был определен 2-м правилом Трулльского собора (691 г.). В этот состав помимо апостольских правил, правил вселенских и поместных соборов оказались включены и правила, извлеченные из посланий отцов Церкви. То, что правила отдельных отцов могли пользоваться церковным авторитетом наряду с постановлениями соборов, оказало значительное влияние на последующую традицию. Создаваемые новые собрания правил могли исходить от лица отдельных иерархов. Именно в таком направлении идет создание новых канонических правил на Руси.

Греческие иерархи считали необходимым зафиксировать и объяснить церковные нормы, которые не были известны или понятны русской пастве. *Правила иерархов* – один из видов новых текстов, создаваемых на Руси. Наиболее ранним текстом этого рода являются правила митрополита Георгия (1061–1075)². Однако они не вошли в состав Кормчих, хотя и были широко известны (на них ссылался, в частности, Кирик в своем *Вопрошании*).

---

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Влияние византийских канонических текстов на славяно-русскую литературную традицию».

Первые правила, включенные в состав Кормчей, – это правила митрополита Иоанна (заглавие: «Иоанна, митрополита русского, нареченного пророком Христа, написавшего правила церковная»)³. Большинство историков относят их к Иоанну II (1077–1089)⁴. Определения собора во Владимире 1273 г. в рукописной традиции были названы «Правила Кюрила, митрополита руськаго»⁵. В списках Чудовской редакции появляются правила митрополита Максима (1283–1305)⁶. Правила митрополита Максима имеются также и в составе Лукашевической редакции⁷. Однако дальше этот жанр не получил своего развития – он уступает место определениям соборов и поучениям, которые также входят в состав Кормчих. Но, как будет показано ниже, в XVI в. постановления Стоглава могли быть озаглавлены как «Правила митрополита Макария».

Другой жанр, получивший распространение в канонических собраниях на Руси, это *вопросы-ответы*. Древнеславянская редакция Кормчей в ее древнейших списках не включала статей, выполненных в этом жанре. Однако он был хорошо известен по Изборнику 1073 г., большую часть которого составляют вопросы-ответы Анастасия Синаита. В Сербской редакции были представлены вопросы-ответы в следующих главах: 57 – Канонические вопросы святогорских монахов и ответы собора, бывшего в дни патриарха Николая III Грамматика (1084–1111); 58 – Ответы митрополита Ираклийского Никиты (XI в.); 60 – Ответы святого Диадоха (450 г.)⁸.

В XIV в. в славянских рукописях количество памятников этого жанра увеличивается. Появляются переведенные с греческого Правила Никифора Исповедника и Ответы Иоанна епископа Китрского. Эти правила встречаются как дополнения к Алфавитной Синтагме Матфея Властаря⁹ (к XIV в. относится среднеболгарский список в РГИА¹⁰), а также входят в состав Собрания с правилами Иоанна Зонары XV в. (ГИМ. Син. 307)¹¹.

Наиболее ранний русский текст этого жанра, включенный в Кормчую, это Вопрошание Кирика. Кирику отвечал Нифонт, епископ Новгородский, и митрополит Климент. К тексту при-
мыкают (и без него не встречаются) правила Ильи, правила Сав-

вы. Этот памятник в разных редакциях встречается не только в составе Кормчих, но и в составе многочисленных сборников¹².

Ответы Константинопольского синода на вопросы Сарайского епископа Феоноста имеются в составе рукописей Мясниковской и Чудовской редакций, а также входят в состав канонических сборников¹³.

Третий жанр, который также важен для канонических сборников, – это *учительные статьи*. Они, как правило, имеют форму посланий. Несомненно, что послания Василия Великого в значительной степени повлияли на формирование этого жанра. В греческие канонические собрания устойчиво входит послание Василия Великого к Григорию Богослову «О мнишеском строении». В Древнеславянской редакции Кормчей к этому жанру можно отнести и «Сказание» патриарха Антиохийского Анастасия¹⁴. Эта же статья читается в списках Сербской редакции, но отсутствует в Русской. В Сербской редакции к этому жанру относится также послание Нила Черноризца к Хариклину презвитеру. Учительный характер имеет и «Сказание о черноризчестем чину Кирилла, епископа Туровского». Оно вошло в состав древнейшего списка Русской редакции – Новгородско-Синодальной Кормчей 1282 г. и входит в состав сборников XVI в.¹⁵

Несомненно, что для русской традиции учительный жанр оказался наиболее важным. В ее рамках был составлен сборник Мерило Праведное, почти половину которого составляют поучения, обращенные к правителям и судьям¹⁶. Статьи, обличающие неправедных судей, не имели ни юридического, ни канонического характера. Они не предусматривали отлучения или каких-то других санкций. Они только грозили неправедным судьям Страшным судом и напоминали им о достоинстве судьи. Тем не менее эти статьи вошли в состав Чудовской редакции Кормчей, где не имели номеров, а были помещены между 103 и 104 главами.

Кроме того, Кормчие пополнялись *поучениями, обращенными к священникам*. Поучение новопоставленному священнику входит в состав Русской редакции¹⁷. Оно содержит как изложение требований к священнику (чтение писаний и выпол-

нение «заповеди прехвальных апостол и вселенских 6 собор и поместных святых отец правил»¹⁸, предписания быть добронравным, кротким, целомудренным), так и запреты на порочные действия: лихоимание, пьянство, бесстыдство, чтение отреченных книг, игру в «лекы» и шахматы. Особенно много внимания уделяется обязанностям священника как духовника: предписания не причащать недостойных (в первую очередь имеется в виду брачное состояние человека) ни за деньги, ни из-за отношения к ним («ни по дару, ни по страсти, ни по любви»). Среди обязанностей иереев упоминается участие в соборах: «А на собор приходи и на исправление церковных вещей и на приятие истинного разума, да можешь дать благодать послушающим тебя и явить всем». Это поучение не только копировалось в рукописных Кормчих, но и давалось в руки поставляемому в виде свитка, а с XVII в. издавалось в виде брошюры¹⁹.

В Кормчих Чудовской редакции к статье «Егда отстоит новопосвященный поп урок» примыкает другая статья, также обращенная к священникам и имеющая разные надписания в разных редакциях: «Слышите, иерейский преподобный соборе» (главы 64–65)²⁰. Наиболее ранний список этой статьи – РНБ, Погод., 31, имеется она и в Варсонофьевской Кормчей XIV в. (ГИМ, Чуд. 4). Эта статья обращена к священникам с предупреждениями об особой ответственности за собственные грехи и за грехи паствы. Статья перерабатывалась неоднократно, к ней были присоединены 10 кратких поучений, сопоставляемых с 10 заповедями на скрижалях, в которых после возможных вопросов, задаваемых неверными, давались богословские ответы, помогающие, с одной стороны, объяснить троичность, а с другой стороны – единство Бога, воскресение мертвых, Страшный суд. Расширение состава поучений для Западнорусской редакции отмечено Л.В. Мошковой²¹. В списках Лукашевической редакции Поучение к священникам только в первой и заключительной части совпадает с опубликованным в Русской исторической библиотеке. После слов «умножих талант от Бога» следует другой текст. Он начинается предписанием строго соблюдать каноны: «сего ради подобает всѣм вам страж и страх имѣти, еже нынѣ пишу вам, и паки еже имѣти поучение, и ис-

полнити божественных правил всѣх, яко душевныи врачеве, да тыи каноны душевныи язвы исцѣляете в себѣ, а духовнымъ вашимъ исцѣляете. Суть же канони иже вамъ предании недвижимо дръжати. Мнози попове невѣжи повелѣваютъ падшому ся іерею служити давшу опитемію. Таковыи вѣниидоут въ адово дно. И тѣхъ влекутъ діаволы с собою в огонь невгасимыи невидящи добрѣ божественнаго писанія и не вопрошати хотятъ оумѣющихъ, но ходяще по своему зломыслию»²². Далее следует большое наставление о крестномъ знаменіи (начало: «Сице благословите іерею и креститися 3-ми прѣсты»).

Поучение к ставленникамъ входитъ в одинъ блокъ со статьями, объясняющими содержание литургии. Формирование блока текстовъ, относящихся къ литургии, рассмотрено в исследованіи Т.А. Афанасьевой²³. От ставленника требовалось знаніе, а возможно, и запоминаніе наизусть этихъ статей.

В русскихъ Кормчихъ можно отметить тенденцію къ увеличенію юридическихъ статей, в томъ числѣ и включеніе памятниковъ русскаго происхожденія: Устава великаго князя Владиміра, Устава Ярослава²⁴, Слова 165-ти отцовъ, которые всегда образуютъ отдѣльный блокъ в спискахъ Чудовской редакціи, хотя внутри блока порядокъ статей можетъ меняться.

Новый періодъ в исторіи каноническаго права былъ открытъ Соборомъ 1551 г., созваннымъ митрополитомъ Макаріемъ. Его постановленія были оформлены в двухъ видахъ: Наказныхъ спискахъ и Стоглаве. В Стоглаве совмещена форма соборныхъ опредѣлений и вопросовъ-ответовъ. Создается впечатленіе, что составитель такъ до конца и не решилъ, в какомъ видѣ должны быть представлены постановленія Собора. 37 «царскихъ вопросовъ» помещены в 5-й главѣ, а ответы в видѣ постановленія занимаютъ главы 6–40, в главѣ 41-й помещены 32 вопроса, на каждый изъ которыхъ сразу данъ ответъ, с 42-й главы даются только ответы не столько в формѣ каноническихъ опредѣлений, сколько в формѣ предписаній и рассужденій. Важно отметить, что существуетъ редакція, в которой представлена только первая часть Стоглава, выполненная в одномъ жанрѣ, т.е. первые 40 главъ: это каноническій сборникъ второй половины XVI в. – ГИМ, Ув. 462.

Соотношение Стоглава и Кормчей рассматривалась в историографии только в одном контексте: Кормчая как источник статей Стоглава²⁵. Как повлиял Стоглав на состав Кормчих – такой вопрос не ставился. Во многом это определяется тем, что русские церковные постановления XVI в. не получили достаточного осмысления у историков, писавших в синодальный период. Изучение рукописной традиции показывает, что делались попытки объединения этих памятников и включения отдельных глав из Стоглава в состав Кормчих и канонических сборников.

Предметом нашего рассмотрения будут Кормчие Кирилло-Белозерской редакции. Эта редакция остается малоизвестной и малоизученной. Название редакции было дано исследователями по двум наиболее ранним спискам из Кирилло-Белозерского монастыря: оказавшемся в составе Рогожского собрания – РГБ. Рогож. 272 (20-е годы XVII в.) и РНБ, К/Б 3/1080 (30-е годы XVII в.)²⁶. Список РГБ, Рогож. 272 принадлежал иноку Кирилло-Белозерского монастыря Гедеону, о чем повествует владельческая запись. Другой список этой редакции находится в Синодальном собрании – ГИМ, Син. 570, датируется 1643–1644 гг. и связан с Московским Печатным Двором²⁷. Новый список был выявлен сотрудниками Археографической лаборатории МГУ. Он более ранний (10–20-е годы XVII в.), но не полный. Список находится в Пермской государственной художественной галерее (ПГХГ Р-5525)²⁸.

Начало исследования Кирилло-Белозерской редакции было положено Я.Н. Щаповым, который указал на три списка а также на наличие компиляции XIX в., включающей данную редакцию²⁹. Ученый относил создание этой редакции ко времени вскоре после учреждения патриаршества в России. Он отметил упоминание патриаршего места в Успенском соборе в статье «Об образе Спасове» и упоминание имени царя Федора Ивановича в Соборном приговоре 1503 г.³⁰ Историк считал, что редакция связана с Москвой, ее интересами и политикой, хотя не исключал и возможности составления ее в Кирилло-Белозерском монастыре³¹. Я.Н. Щапов отметил, что в составе этой редакции опущены Правила апостольские и соборные, но сохранены толкования к ним и включены древние памятники в

переработке XIV–XV вв., а также правила митрополитов Симона, Макария и выписи из Стоглава.

Кирилло-Белозерская редакция недавно была рассмотрена в статье М.В. Корогодиной. Исследовательница указала на то, что статья «Кажение на величание со владыкою», вошедшая в данную редакцию, имеется и в рукописи архиепископа Новгородского Феодосия – РГБ, Егор., ф. 98, № 472³². Она кратко охарактеризовала дополнительные статьи редакции. На основании датировки списков был сделан вывод, что более правильно относить появление редакции к 1620-м годам и не связывать ее с московской митрополичьей (патриаршей) кафедрой.

К наблюдением М.В. Корогодиной можно сделать ряд дополнений.

1. Наиболее новаторской частью данной редакции является переработка Указателя 14 титулов. Это на сегодня второй известный случай в восточнославянской традиции³³. Составитель значительно переработал Указатель, отказавшись от деления на титулы (границы). После 36-й главы первой границы он поместил первую главу второй границы как 37-ю главу, также поступил и со следующими границами и превратил Указатель в оглавление в 156-ти главах. Тем самым Указатель терял свою основную функцию – способствовать отысканию нужных правил, зато приобретал привычный для книжника характер оглавления («Изложения главам»).

2. Редактор считал нужным сократить и количество помещенных в Указателе правил, о чем он дважды предупреждал читателя: «Се убо отчасти явих о сочетании законных правил, а прочая яже по единому правилу коеждо вещи подлежит, та вся здѣ в сочетание не писах»³⁴; и вновь: «сие прочитающим да глаголю, яко не порядку вся правильная исполнения во книгу сию преписах, но отчасти и вкратцѣ»³⁵.

3. Редактор явно предпочитал толкования правилам, на что обратил внимание еще Я.Н. Шапов. Сам факт включения толкований, а не самих правил, заставляет более пристально отнестись к составу редакции. Именно толкования являются объединяющей частью Сербской и Русской редакций, поэтому важно поставить вопрос: что перед нами – работа редактора или ре-

зультат использования особого источника, в котором вместо правил были толкования. Пока есть основания говорить о работе редактора, который подвергал сокращению и сами толкования.

В основе созданной редакции лежит, по-видимому, Сербская редакция Даниловской подгруппы³⁶ (мы пользуемся термином Даниловская редакция). Митрополит Даниил дополнил Сербскую редакцию («Суздальские правила») новыми главами, в том числе Правилами Никифора Исповедника и Ответами Иоанна Китрского. Эти памятники появляются в славянской письменности уже после создания Сербской редакции. Кроме того, уже в Даниловскую редакцию были добавлены дисциплинарные правила из Студийского Устава³⁷ и вопросы-ответы Анастасия Синаита, входившие еще в Изборник 1073 г., но в другом переводе.

Даниловская редакция была расширена составителем Кирилло-Белозерской за счет включения как статей из Кормчей Чудовской редакции (главы 86–90), так и других статей различного происхождения. Одним из источников служил Стоглав. Глава 115 «Правило святителей русских о вдовых попах и диаконах» соответствует 80-й главе Стоглава³⁸; глава 116 «Правило Макария митрополита Московскаго и всея Руси о пострижении брад» воспроизводит конец 39-й главы и 40-ю главу Стоглава³⁹; глава 117 «Того ж Макария митрополита Московскаго и всея Руси о тафиях» – начало 39-й главы Стоглава⁴⁰; глава 124 «Сказание о иконописцах каковым подобает быти. Подобает убо изографом рекше иконописцам чистителным быти житием» – 43-ю главу Стоглава⁴¹. Последняя глава входит в состав «Собрания о иконописцах». Это собрание составляет главы Кормчей 123–127: глава 123 «О святых иконах, им же поклоняться подобает»; глава 124 «Сказание о иконописцах, каковым подобает быти»; глава 125 «О иконах, иже над вратами поставляеми»; глава 126 «О иконах, иже от рук неверных написаны, не примати и святых икон в руки неверных не предавати»; глава 127 «О том, на коих вещех писати изображати святыя иконы и на коих не писати. О том, еже не оскудити изографа».

Приведем главу 126:

«В неверных и иностранных римлян и германов иконнаго воображения православным христианом приимати не подобает. Аще ли же по некоему прилучаю от древних лет где обрящется в наших странах верных, рекше в греческих или в русских, а вообразуема будеть уже после расколу церковнаго, еже грекомъ с римляны и тогда аще и зело иконное изображение есть по подобию, хитропокланения ж им не творити, понеже от рук неверных воображени суть, аще и по подобию суть, но совесть их нечистоте подлежить. О таковых бо Павел божественный апостол к Титу посылая пишет, сице глаголя: все бо чиста чистым оскверненным же и неверным ничтоже чисто, понеже оскверни ся их ум и совесть. Бога исповедають ведати, а дела отмещутся Его, мерзкий суще и не покоривы и всякому делу благу неискусни. А неверным и иностранным, паче ж рещи нечестивым и поганымъ арменом святых икон не писати и на серебро и злато не меняти, понеже не в почесть но в поругание святыни предавати грех есть. Писано бо есть: не дадите святая псом»⁴².

В этой главе обращает на себя внимание то, что автор упоминает в качестве «наших верных стран» «греческие страны или русские». Если вспомнить, что греки в русских текстах той эпохи определялись как «обладаемые от неверных», то это не может не вызывать удивления. Автор явно заявляет о себе как о греке или, по меньшей мере, как о грекофиле. Возможно, это говорит о его западнорусском (украинском, белорусском) происхождении, т.е. из тех земель, которые были подчинены Константинопольскому патриарху. Не очень понятен в устах русского книжника и выпад против армян, покупающих иконы. Конечно, антиармянские произведения были хорошо известны русским книжникам: статьи об армянской вере имеются в составе Чудовской редакции Кормчей, в «Псевдо-Зонаре». Из Чудовской редакции эти статьи вошли и в данную редакцию (гл. 93). Но антиармянские статьи являются не оригинальными, а переведенными с греческого. Трудно представить себе, чтобы в Москве или в Новгороде именно армяне скупали православные иконы, в то время как во Львове уже в XV в. имелся большой армянский квартал и существовала армянская церковь.

Возможно, что и до нас русские книжники предполагали греческое происхождение статей об иконописцах и что именно этим объясняется тот факт, что главы 124–127 Кирилло-Белозерской редакции, относящиеся к иконописцам, находятся среди сочинений Максима Грека в двух старообрядческих собраниях. Н.К. Гаврюшин выявил и опубликовал эти тексты⁴³, однозначно приписав их Максиму Греку, по спискам: ГИМ, Хлуд. 75; РГБ, ф. 37 Большаков № 437 и РГБ, ф. 199 Никиф. 557, не оговорив того, что вторая глава данного собрания об иконописцах соответствует 124-ой главе Стоглава. Однако, на наш взгляд, атрибуция данных текстов Максиму Греку недостаточно обоснована. Рукопись РГБ, ф. 199 Никиф. 557 вообще не связана с Максимом Греком, это отдельная тетрадка XIX в., в которой собраны главы об иконописцах с нумерацией глав, соответствующей Кормчей Кирилло-Белозерской редакции, и с прямым указанием на источник на поле: «Древлеписменная кормчая глава 123»⁴⁴. Не исключено, что эта рукопись использовалась при составлении собрания сочинений Максима Грека, потому что на поле имеется еще и второй, подтертый номер – 201. В рукописи из Хлудовского собрания и из собрания Большакова, представляющих собой подбор сочинений Максима Грека, данные главы, полностью соответствующие главам Кормчей, помещены как глава 201 с той же разбивкой на подглавы. Имя Максима Грека есть только в заглавии в сборнике из собрания Большакова: «Того же Максима грѣка инока святых горы о святых иконах, имже поклоняться подобает. Глава 201»⁴⁵. А в Хлудовском собрании заглавие не содержит этого указания: «О святых иконах, имже поклоняться подобает»⁴⁶. Далее в обоих собраниях следует глава 202 – Список с судного списка, прение Даниила, митрополита Московскаго и всеа Руси, с иноком Максимом С(вя)тогорцем⁴⁷. Сборник из собрания Большакова на этой статье заканчивается, в то время как в Хлудовском списке имеются статьи, не являющиеся статьями Максима Грека: глава 203 «Выписано из книги Иосифа Маттафеева о ессеиском жителствѣ»⁴⁸; глава 204 «Написание Афанасия мниха Иерусалимскаго к Панкове о древе разумнем добру и

злу»⁴⁹ и другие⁵⁰. Хлудовское собрание заканчивается указанием на составление его в 1862 г.

Само расположение статьи в конце собрания перед статьями, не принадлежавшими непосредственно Максиму Греку, является аргументом в пользу того, что эти статьи включены дополнительно составителем собрания. Первая глава из подборки статей «О иконописании» начинается словами: «Понеже нещии тщатся вопрошати мя...», что имеет некоторое соответствие в главе 200-й данного собрания «Некоего вопросившаго с любопытным тщанием Максима инока грека святыя горы яже о граматикии...»⁵¹. Однако нельзя исключить, что книжник объединил статью Максима Грека об иконописании со статьями Стоглава, сделав новую подборку об иконописании. Эта подборка оказалось впоследствии очень востребована у староверов: многие старообрядческие сборники содержат эти же главы об иконописании.

Тема другой подборки, включенной в данную редакцию, – неугодность Богу жертв от несправедливого богатства. Это главы 120–121. Об опальном иноке-греке опять напоминает глава 121 «Сказание, како церковную святыню отгоняют неверныя руце предани бывают». В ней речь идет о том, что беззакония церковников становятся причиной уничтожения церкви и отдания их в руки неверных. Заглавие статьи перекликается с известной статьей Максима Грека: «О том, яко не оскверняются святая николи же, аще и многа лета обладаемы суть градове от поганах»⁵². Максим Грек возражал против представлений о том, что владычество иноверных само по себе оскверняет святыни Иерусалима. В статье из Кормчих акцент сделан на том, что грехи христиан и прежде всего клириков становятся причиной наказания от Бога в виде варварского нашествия, приходящего как расплата за грехи, которые могут быть «выжжены» только огнем. Этот же сюжет с сожжением церкви в Иерусалиме был использован и в поучениях Киевского митрополита в Кормчих Западнорусской редакции⁵³. Несомненно, что эта статья посвящена теме, которая давно волновала русское общество, – осквернение святыни. Ей предшествует глава 120 «Правило к зиждущим церковь от поучения Исидора Пустынника ко

Евсевию епископу Полисискому». Эта статья была в составе Изборника 1073 г.⁵⁴ Она имеется также в 22-й главе Пандектов Никона Черногорца⁵⁵. В ней утверждается, что нельзя создавать церкви от несправедливого богатства, «зане таковыи храм пред Богом на обличение обрящется, высок бо, украшен стоя вопия на тя во вѣки к Богу»⁵⁶. Статья Изборника расширена за счет дополнительных слов назидательного характера о том, что приносящий жертву Богу должен рассуждать, что именно он приносит. К этой статье присоединена новая подглава «Паки о церкви и о почести ея», в которой приводится редко встречающаяся в русской традиции цитата из Златоуста, что «церковь убо не стены, но народы верных благочестивых людей»⁵⁷. Обличение тех, кто строит церкви, а не творит добрых дел, заставляет вновь вспомнить о Максиме Греке.

Начало «Сказания, како церковную святыню отгоняют»: «Хощу же и се глаголати: иже аще церковь созиждет и всякими вещми украсит, греховными страстьми и неверными дѣлы аще себе оскверняет, то ничто же ему ползует» – перекликается и с текстом послания патриарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому: «А ведомо ти буди благословеный сыну, то аще всего мира исполниши церкви, и грады возградиши паче числа, гониши же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлеви, не единая же ти будет мзды и спасения»⁵⁸. Именно этот патриарх упомянут в главе 119-й «О том же гречестем царе Маноле Порфиригоните. Повесть чудна с ним же и о русском князе Андрее Георгиевиче». Эта Повесть, имеющаяся в Прологе под 1 августа, представляет собой одну из ранних попыток объединить русскую и византийскую историю⁵⁹. Казалось бы, она не имеет канонического значения, но в окончании статьи говорится о необходимости воинам причащаться и идти в поход с чистыми душами, чтобы получить мученические венцы, что перекликается с посланиями митрополита Макария к войску в Казань в 1552 г.⁶⁰ В Приложении мы помещаем текст данной статьи. Характерны изменения, отличающие текст от проложной редакции: князь Андрей не называется «царем»; князь Андрей выступает походом против сарацин, в то время как Мануил Комнин – против болгар. Можно предположить, что составите-

ля Кормчей смушал факт похода князя Андрея против «болгар», в то время как борьба византийских императоров с болгарями была ему известна. Интерес представляет и именование Константина «митрополитом Владимирским и всея Руси». Это единственный известный нам случай. Эту титулатуру следует рассматривать не как простую ошибку, а как определенную интерпретацию событий церковной истории.

Глава 118 – «Сказание об образе Спасове». Это Сказание упоминает грека Дмитрия Ласкирева, поведавшего новгородцам о происхождении иконы в Новгородской Софии от царя Мануила⁶¹. Икона была перенесена в Москву в Успенский собор, где поставлена, согласно списку Рог. 272 – «против царска места»⁶², а Син. 570 – «царска и патриаршеска»⁶³.

В данную редакцию вошли также главы: 130 «О принятии воды», 131 «О крещении мужеска полу и женска», 132 «О умирающих человецех». Эти последние главы содержат не сами чины освящения воды, крещения или отпевания, а краткие указания на то, как правильно их совершать, они фиксируют определенные изменения в самих чинах. В статье «О крещении мужеска полу и женска» составитель разрешает детей крестить летом в реке и запрещает их «в корытцах полоскати». Нельзя не отметить, что в статье, входящей в состав Мясниковской редакции, имелось прямое предписание крестить детей именно в корыте: «Подобаеть въ цръкви имѣти корыто на 5 вѣдер»⁶⁴. В главе о крещении была четко сформулирована идея мужского превосходства (хотя, разумеется, она не была новой для средневековой мысли⁶⁵): «Точию первие мужеск поль крестити и потом женескъ, занеже мужеску полу болшинство и первенство даруется присно»⁶⁶. В статье «О умирающих человецех» говорится о том, что на грудь умершего ставят икону и потом творят обряд «прощения»⁶⁷; подобных указаний нет в ранних чинах погребения. Предписания об усопших имеются в Кормчих в составе XIV-го, последнего, титула. Надо отметить, что чины погребения входят в состав Требника, однако и в Кормчие русской редакции включался чин погребения, в котором, впрочем, нет упоминаний об иконе.

Вопрос о том, кто же является составителем Кирилло-Белозерской редакции, остается открытым. В ее основе, как мы уже отмечали, лежит Даниловская редакция, известная в пяти списках (Киев. ИР НБУ НАН Украины, Ф. 312 Соф. 221/50; ГИМ, Барс. 157; РНБ, Погод. 242; ГИМ, Воскр. 28; РГАДА, ф. 181 № 1593⁶⁸). Воскресенский список был использован для издания Печатной Кормчей. Составитель должен был также располагать рядом памятников: Чудовской редакцией Кормчей, Стоглавом, Изборником 1073 г., Прологом, Скитским уставом (для главы 122 «О коленопоклонении, яко не подобает правоверному не радити о сих»).

Вопрос вызывает не начитанность редактора и богатство использованной библиотеки (достаточно вспомнить обилие использованных источников в Кормчей митрополита Даниила), а сочетание восточнорусской тематики с позиционированием автора себя как принадлежащего к греческому православию.

Возможно, что первый этап формирования редакции связан с митрополитом Макарием или митрополитом Филиппом – если принять во внимание обличительный характер ряда глав, а также включение главы о тафьях (тема конфликта с опричниками) и полное отсутствие глав о церковном землевладении. Необходимо вспомнить и о митрополите Дионисии, смещенном с кафедры и удаленном в 1587 г. в Хутынский монастырь, где он ранее был игуменом. Авторством Дионисия можно объяснить переработку новгородских тем в московских интересах.

Труднее объяснить «греческую» тему. Необходимо отметить, что в Белозерском крае в Спасо-Каменном монастыре после захвата русскими войсками Полоцка в 1563 г. оказывается Арсений, Полоцкий епископ.

Как уже отмечалось, указание на патриаршее место и на царя Федора Ивановича ведут ко времени первого патриарха Иова (1589–1605). При патриархе Иове на Русь прибыли греки Арсений Елассонский и Игнатий (будущий патриарх). Однако нет никаких оснований допускать, что они участвовали в создании данной редакции. Предполагаемое открытие новых епархий после учреждения патриаршества могло послужить толчком и для создания новой редакции Кормчей. В числе намечаемых

епархий были и северные: Белозерская, Великоустюжская. Возможно, что созданные списки предназначались для новых епархий.

Можно высказать и другую гипотезу. В 1626 г. Суздальскую кафедру получает Иосиф Курцевич, бывший епископ Владимирский и Брестский. Из описи келейной казны патриарха Филарета известно, что Иосиф получил в 1630 г. Кормчую патриарха Иова на копирование: «Книга правила святых апостол и святых отец, в десть, Иева патриарха. И 139 декабря в 31 день по указу государя патриарха та книга дана на список архиепископу Иосифу Суздальскому и Торусскому, взята у государя патриарха»⁶⁹. В 1634 г. Иосиф уже лишен кафедры и сослан в Антониев Сийский монастырь, затем после суда отправлен в Соловецкий монастырь, а позже переведен в Силантьев монастырь в Казани. В 1642 г. он умирает. Мог ли Иосиф работать над этой редакцией? Можно предположить, что Кормчая была у него в ссылке в Сийском монастыре, откуда и попала в Кирилло-Белозерский. Появление списка 1643 г. предположительно связано с описанием имущества опального епископа.

Списки с данной редакции были сделаны в староверских кругах для Белокриницкой митрополии в XIX в., о чем писали Я.Н. Щапов и М.В. Корогодина⁷⁰, при этом использовался список из Кирилло-Белозерского монастыря. Главы из этой редакции встречаются и в сборниках отдельно. Так, глава «выписано из Кормчия древлеписменные, глава 124. Сказание о иконописцах, каковым подобает бытии» имеется в старообрядческом сборнике из собрания Дружинина⁷¹, в другом сборнике из того же собрания есть статья об иконах⁷².

Вопрос о составителе новой редакции и ее источниках, о взаимоотношении списков нуждается в дальнейшем исследовании. Перед нами редкий случай переработки канонического свода, включение в его состав новых текстов, отвечающих на запросы времени. Распространение западноевропейской культуры в России, ее влияние через иноземцев и европейские печатные издания – все это волновало составителя Кормчей. Он помещал совершенно новые тексты (например, «Сказание о том, якоже всякого человека правоверного христианина не по-

добает нарицати от неподобных имянь»⁷³), так и перерабатывал уже существовавшие, внося в них новые темы. Важной темой было для него единство русской и греческой традиций.

Рассмотренные примеры дают возможность говорить о разных приемах книжников для создания новых текстов: 1) дополнительные вставки в уже хорошо известные статьи; 2) переработка статей с привнесением нового содержания; 3) создание блоков из уже известных статей и включение новых статей в эти блоки; 4) создание новых статей и включение их в состав устойчивых собраний.

Среди новых явлений, связанных, на наш взгляд, с возникновением книгопечатания, выступает и создание предисловий к сборникам, которые в рукописной традиции, как правило, не имели подобных. Предисловие – это обязательная часть напечатанной книги. В нем содержится информация как об издателе, так и о целях издания. Характерно, что предисловие появляется и в рукописных Кормчих. Так, в Кормчей, написанной в 1634 в. для Жировицкого монастыря василианином Никодимом Козицким, имеется небольшое предисловие-молитва, которое даже помещено в специальную рамку:

«да въдохнет ми въ сердце слово, иже боудеть на оустѣх всѣм живущим в заповѣдех твоих. Дѣло бо есть свѣтилник жизни Законъ твой свѣтъ стезямъ. Но мнѣ нынѣ пространно даждь Слово Отче и Сыне и Душе Святыи, просящему от тебе помощи. Руцѣ свои на высоту воздѣвъ присно. силу твою имамъ пріяти от Тебе. Ты бо подаеши силу достойным»⁷⁴.

Предисловие появилось и в Кормчих Кирилло-Белозерской редакции. В нем основной упор делается на необходимости соблюдать правила, а также объясняется работа составителя (см. прил. 3).

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Кормчая Кирилло-Белозерской редакции*	Пролог**
<p>О том же гречестем ц(а)рѣ Маноле Порфиригонитѣ Повѣсть чюдна, с ним же и о руском кн(я)зѣ Андрѣе Георгиевиче</p> <p>Сему же убо греческому ц(а)рю Мануилу Багрянородному мирно в любви и братолюбїи живушу с бл(а)говѣрным кн(я)зем Андрѣом Георгиевичем Долгоруково иже бысть внук великаго кн(я)зя Владимира Манамаха. Ему же тогда державствующу на Руси во градѣ Ростовѣ и случися има во едиин д(е)нь изыдти на брань. Мануиле убо ц(а)рю на българы, и кн(я)зю Андрѣю на срацины. Обычаи жн кн(я)зѣ Андрѣи имѣяше егда к боеви исходїти ему тогда чистою д(у)шею тща-шеса изыдти. і икону Сп(а)са</p>	<p>Месяца августа в 1 день празднуем Всемиловитому Спасу Господу нашему Иисусу Христу и Пречистеи его Матери Богородици Приснодевице Марьи Господи благослови. Ведети есть нам о сем возлюбленная братья, еже Пантократный день милости Божии празднуем. Благочестивому и верному нашему царю и князю Андрею уставлешо се праздновати с царем Мануиломъ повеленьем патрърарха и митрополита Костянтина всея Руси и Нестера епископа Ростовьского.</p> <p>Мануилу царю мирно в любви и братолюбїи живушу. с благочестивымъ князем нашимъ Андреемъ.</p> <p>случися им в един день изити на брань, оному из Царяграда на срацины, а сему из Ростова на болгары. Обычаи же имеше князь Андреи егда к боеви идяше всегда чистою душею, икону владычица наша Богородица Приснодевица Марья и крест прозвутера два в священных ризах ношаху и ту приимаше</p>

Кормчая Кирилло-Белозерской редакции*	Пролог**
<p>Хр(и)ста и Преч(и)стыя Его Б(о)г(о)м(а)т(е)ре, таже и ч(е)стныи кр(е)ст пресвитерии во ос(вя)щенных ризах носящее и тако да приимет от с(вя)тых таин тѣла и крови Г(оспод)ня. и вои иже сущи с ним.</p> <p>Тако же и Мануилу ц(а)рю бл(а)гочестія нрав имущу. И молящимся има побѣдиста сопротивная, // (л. 316 об.) и с великим одолением от сѣча възвратистася, бл(а)годряще Б(о)га и Пр(е)чстную Б(о)гом(а)т(е)рь. И тогда убо об видѣста ц(а)рь Мануил и кн(я)зь Андрѣи преславное чюдо еже от иконы Спса нашего и вл(а)д(ы)ки огненя луча исхожаху. И вся полки велии свѣтом освѣти, се же видѣвше, возваша славу Вседержителю Б(о)гу, и оставиша праздновати д(е)нь пантократорныи иже есть Вседержителю Сп(а)су, августа в 1 и водам ос(вя)щение происхождения ради ч(е)стнаго и животворящаго кр(е)ста Г(опод)ня. Сіе же бысть в лѣт(о) 6667</p>	<p>от святых таин плоти и крови Господня и сущи с ним. глаголя се: владычице Богородице родившия Христа Бога нашего, уповая на тя все не погибнет, аз же раб твои имею Тя стену и покров. и крест Сына Твоего оружие на врагы обоидуостро. и огонь попаляя лица противных наших хотящих брани, и падоша на колену пред Святою Богородицею со слезами целующе. И взяша 4 города болгарьскіи 5-е Бряхимов на Каме и воротився от сеча вси видеша луча огнены от иконы Спаса нашего владыки Бога и весь полк его открыт. Он же воротився опять попали города ты огнемь. и положи землю ту пусту. а прочии города осади дань платити.</p> <p>То же виденье и Мануил царь виде в 1 день августа праздновати уставиша милости Божия и человеколюбья, якоже рече пророк: его же хощю помилую и помилован будет. и ныне владыко покрыи Руськыя земля и люди твоя вся оуповающа на Тя. Темь вси припадем ти глаголюще, Господи Исусе Христе, – что Ти въздамы о всех, яже въздал еси нам. Велии бо еси и чюдна дела Твоя и величю Твоему несъ конца в роды и род възхвалять дела Твоя. Благословен Господь Бог иже не даст нас в плен врагом нашим, но сам призри на ны милость своею и человеколюбьемъ твоимъ защити ны. и славою вознесе десницу уповающих на Тя. и Матерне</p>

Кормчая Кирилло-Белозерской редакции*	Пролог**
<p>повелѣніем с(вя)теишаго Луки патриарха Ц(а)ря града и Константина митрополита Владимирскаго и всея Руси, и Нестера Ростовскія области еп(и)с(ко)па. Тако бо православным ц(а)рем и всѣм хр(и)столюбивым воинствам потщатися достоит пріимлющи пр(е)ч(и)стаго тѣла и ч(е)стныя крови Х(рист)а Б(о)га нашего и чистыми д(у)шами на сопротивныя исходити подобает, яко да храбрыи ратоборец прославлен имать быти или яко да вѣнец мученія от Х(рист)а Б(о)га пріимет и жизнь вѣчную во вѣки вѣком наслѣдит имать, яко же и прочии м(у)ч(е)н(и)цы с(вя)тии венец мучения от Христа Бога примет.</p>	<p>дерзновење услыша и помилова люди своя милостью. человеколюбья своего и церкы исполнися славы Твояе Владыко, юже яко дверь небесную показал л еси на земли, в ней же ти молимся глаголющее: Господи призри с небеси и вижь и посети винограда своего и верши еже насади десница святая Твоя. всех бо очи владыко на Тя уповают и твояе милости чающее щедрот и хвалы и пеня всылаем славе Твоеи и прослави сам уповающих на Тя славою многоименитаго Бога и Спаса нашего. Ты бо престол небо имея, подножье же землю. призри милосѣтныма очима. на вся люди, уповающие на Тя и вся святыня Твоя иже пострадаша за имя Твое. Аз же написах ти се повеленъем царя Мануила и всего причта церковнаго да празднуем вси обще месяца августа в 1 день в славу святыя Троица Отца ...</p>

* РГБ. Рог. 272.

** Оpubл. О.В. Лосевой по Прилуцкому Прологу: РНБ СПбДА А I.264.1.2. (перв. четверть XV в.) (орфография упрощена); *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 444–448 (Текст № 44).

№ 2

Глава 132. О умирающих человецех.

Аще мирянин умрет то м(о)л(и)тву прочтет над умершим д(у)ховный о(те)ц или ин поп иже ту будет, и потом поставляет с(вя)тыи образ на персех его и творят прощеніе. Аще кто умрет не имыи о(т)ца д(у)ховнаго, то пѣти над ним, тако же и м(о)л(и)тву прочести над ним. Прочее полагати на ч(е)л(ове)колюбіе Б(о)жіе. И аще что у него прилучится оставъшее имѣніе, то раздаяти по душе его в милостыню.

РГБ. Рог. 272. Л. 325.

№ 3

Мир мног любящим закон, рече Деместик псаломническаго св(я)щеннословія. о нем же и молящу ся Б(о)г(о)отцу рекшу: «отверзи очи мои и уразумѣю чудесная от закона твоего. И получивъ глас, еже и просветився тѣмъ рече, свѣщник ногамъ моим закон твои.и свѣт стезям моим», без него же кто шествуя, тѣи тмѣ быти виновень являшеся, яко ж рече: «беззаконницы ж изженутся въ вѣк». И паки: «прокляты иже уклоняющіися от заповѣди твоих».

Закон же и заповѣд(ь) і уставъ гл(агол)ется законная правила. юже от исперва познахом, яко ж речеса о Адамѣ и прочих по нем, о заповѣди. ея же не сохранив Адам, древнія породы изгнася, ея же сохранив Енох, иже в седмом роде о(свя)щен бысть, и в б(о)говѣдомое мѣсто преселися. ея же не сохранивъ, Каин злобы на братоубиство исполнился. Ея ж сохранив Авель, самого Б(о)га взыскателя крови его быти получи. иже и убицу на земли трясеніем мучитися осуди, еяже не сохранивъ Непрот ум о столпоздательствѣ в неподобное твореніе преврати. Тѣм и вселенная размшеніем пострада. Еяже сохранив, Евер Фалеков, тѣм от рода его мнози праотцы и с(вя)тѣи прор(о)цы провозсіяша. Тѣм и воплощеніе Слова Божіа влекшеся, еже от Преч(и)стыя и Пр(и)снод(е)вы М(а)рія на спасеніе наше

рождьшеса, иже естѣ І(су)сѣ Х(ристо)с Б(о)гъ нашъ|| , имже пакѣ банею обновихомся, і единогласно вселенную от всѣхъ языкъ во едино бл(а)говѣріе Еуа(г)гліемъ вся призва, еже вѣровати и креститися во имя Отца и С(ы)на и С(вя)т(а)го Д(у)ха, аминь. Тѣмъ же и б(о)ж(е)ственны ап(о)с(то)л Павел к Коринфяномъ рече, намъ единъ Б(о)гъ От(е)ць, изъ Него же вся. и мы у Него, и единъ Г(о)с(по)дь І(су)с Х(ристо)с имъ же вся. и мы тѣмъ, і единъ Д(у)хъ С(вя)тъ, в немъ же всяческая, и мы в немъ. Тѣмъ и комуждо дается явленіе Д(у)ха на ползу, овому убо Д(у)хомъ дается слово прем(у)дрости, иному же слово разума, о томъ же Д(у)сѣ, другому же вѣра тѣмъ же Д(у)хомъ. иному же дарованія изцѣленіямъ о томъ же Д(у)сѣ, другому же дѣиствія силамъ, иному же пр(о)рочество, другому же разсуженія духовомъ, иному роды языкомъ, другому же сказаншя языкомъ. Вся же сия дѣиствуетъ единъ Тѣи же Д(у)хъ, раздѣляя властію коемуждо, яко же хоцетъ, сирч, пр(о)рокомъ же и ап(о)с(то)ломъ, и пр(е)п(о)д(о)бнымъ отцемъ, и с(вя)тымъ всѣмъ, иже многими труды и подвиги оутвердиша законъ, и законнаа правила изложиша, яже не порядку вся, но отчасти избраніемъ во книзѣ сеи написашася, и с(вя)тыхъ отцевъ собранія, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ сказаніе сице предложихъ,

(Далее на л. 1 об.—2 идет перечисление вселенских соборов и на л. 2—13 — Указатель в 156 главах: «Та же по семъ і о сочтаніи правиламъ речемъ», которые мы пропускаем.)

И сіе прочитающимъ да гл(а)голю, яко не по ряду вся правильная исполненія в книгу сію преписахъ, но отчасти и вкратцѣ, яко же и в началѣ ап(о)с(то)льскихъ правилъ и всея книги переченьъ правиломъ быти рекохъ. И еже хотяи послушати б(о)ж(е)ственныхъ велѣній и от сего да приметъ ползю д(у)ши же реку и плоти. И потомъ великая воспріиметъ, реку всѣхъ б(о)ж(е)ственѣишихъ догматъ сіаниемъ словесная тогова д(у)ша умозрительно просвѣщающеса озарится и пр(и)сно во бл(а)год(е)нствіи здраваго ученія о Б(о)зѣ спасеніе получитъ.

РГБ. Рог. 272. Л. 1—13 об.

-
- ¹ О редакциях Кормчих см.: *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
  - ² *Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское вопрошание // *Славянский мир между Римом и Константинополем.* М., 2004. С. 211–262; *Баранкова Г.С.* Неведомых словес изложено Георгием митрополитом киевским, Герману вопрошающу, оному поведаящю: вопросы подлинности памятника и особенности его языка // *Религии мира. История и современность, 2006–2010.* М.; СПб., 2012. С. 15–43.
  - ³ *Павлов А.С.* Греческий текст канонических ответов русского митрополита Иоанна II // *Сб. ОРЯС. 1876 Т. 15/3; РИБ. СПб., 1908.* Т. 6. Стб. 1–21; *Бенешевич В.Н.* Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915. Вып. 1. С. 108–120. В составе Соловецкой Кормчей: *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / подгот. к изд. Бегуновым Ю.К., Чичуровым И.С., Щаповым Я.Н.; под общ. руководством Я.Н. Щапова. София, 1987. Т. II. С. 77–89.
  - ⁴ Библиографию см.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1995. С. 286–287, 304–305.
  - ⁵ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 83–100 (№ 6); *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов ... Т. II. С. 182–185.
  - ⁶ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 129–143 (№ 13).
  - ⁷ О Лукашевической редакции см.: *Корогодина М.В.* Спорные вопросы в изучении Лукашевической редакции Кормчей книги // *Религии мира. История и современность, 2006–2010.* М.; СПб., 2012. С. 126–133.
  - ⁸ Главы Сербской редакции имеют устойчивую нумерацию. О составе см.: *Троицки С.* Како треба издати Светосавску Крмчију: (Номоканон са тумаченима) // *Споменик САНУ.* Београд, 1952. С. II.
  - ⁹ *Бенешевич В.Н.* Два списка славянского перевода Синтагмы Матфея Властаря, хранящихся в СПб. Синодальной библиотеке // *Известия ОРЯС Имп. Академии наук.* 1901. СПб., 1901. Т. 6, кн. 4. С. 150–227.
  - ¹⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 2037. Необходимо отметить, что этот список происходит, возможно, из того же центра, что и древнейший список Мазуринской редакции (РГАДА. Ф. 198. № 834) – об этом говорят особенности орфографии и совпадение большинства водяных знаков.
  - ¹¹ *Белякова Е.В.* О сербском переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары // *Црквене студије: (годишњак Центра за црквене студије).* Ниш, 2010. Бр. 6. С. 235–242.

- ¹² Новейшая публикация: *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородца: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 351–537.
- ¹³ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 129–140 (№ 12).
- ¹⁴ *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. I. С. 637–640.
- ¹⁵ *Макеева И.И.* «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М., 2010. С. 355–381.
- ¹⁶ Мерило праведное по рукописи XIV века / изд. под наблюдением и со вступ. ст. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961.
- ¹⁷ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 102–110.
- ¹⁸ Там же. Стб. 102.
- ¹⁹ О хиротонии сиречь о рукоположении святительском на новопоставленном иереи. М., 1650 г. (экз. имеется в ОР ГИМ). См. также: *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958. № 228.
- ²⁰ Кормчая. Библиотека Пермского педагогического института. № 1. Л. 247–253.
- ²¹ *Мошкова Л.В.* Кормчие особого состава (предварительные замечания) // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в. РГАДА. М., 2005. Вып. 1. С. 442–455.
- ²² РГБ. Ф. 152. Лукаш. 1. Л. 396 об.
- ²³ *Афанасьева Т.И.* Древнеславянский перевод литургии в рукописной традиции XI–XVI вв.; автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 2012.
- ²⁴ Эти памятники были опубликованы неоднократно, но не в составе блоков – см.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976.
- ²⁵ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.
- ²⁶ Датировка этого списка 30-ми годами XVII в. была уточнена в статье М.В. Корогодина: *Корогодина М.В.* О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря // Каптеревские Чтения: сб. ст. М., 2010. Вып. 8. С. 23–34.
- ²⁷ Об этом списке см.: *Белякова Е.В.* Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 106–107.
- ²⁸ Приношу благодарность Ю. Белянкину за указание на эту рукопись и возможность ознакомиться с ее описанием. Рукописи РГБ, Рогож. 272 и ПГХГ Р-5525 восходят, по-видимому, к одному протографу. В рукописи из ПГХГ последние главы (с 104 по 132) отсутствуют, хотя они есть в указателе глав.
- ²⁹ *Брюсова В.Г., Шапов Я.Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом // Византийский временник. М., 1971. Т. 32. С. 87; см. также: *Шапов Я.Н.* Русский Номоканон. Сочетание общехристианских и местных церковно-канонических традиций // *Diritto e religione da Roma a Constantinopoli a Mosca.* Roma, 1991. P. 153–162.

- (Da Roma alla terza Roma). В XIX в. рукопись Рог. 272 была использована для создания новой редакции: РГБ. Рог. 273; Рог. 274; Егор. 666. См. Также: *Корогодина М.В.* О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря. С. 32–33.
- 30 Соборный приговор 1503 г. был опубликован по списку Рог. 272 в: *Ostrowski D.A.* «Fontological» Investigation of the Muscovite Church Council of 1503. The Pennsylvania State University, 1977. P. 569–572. Данная публикация была нам недоступна. Сведения взяты из: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / сост. Плигузов А.И. М., 1988. Т. 4. С. 756.
- 31 *Брюсова В.Г., Шапов Я.Н.* Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом. С. 87.
- 32 *Корогодина М.В.* О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря. С. 27.
- 33 Другой пример – Кормчая из Ягеллонской библиотеки 71/1952: Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики / сост. Я.Н. Шапов. М., 1978. Т. 1. С. 130–133.
- 34 РГБ. Ф. 247. № 272. Л.13.
- 35 Там же. Л. 13 об.
- 36 Такое название дал группе Кормчих Я.Н. Шапов: *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие ... С. 266–267.
- 37 *Белякова Е.В.* Источники Печатной Кормчей // Вестник церковной истории. 2008. 3 (11). С. 99–115.
- 38 Имеются существенные расхождения.
- 39 *Емченко Е.Б.* Стоглав. С. 302–304.
- 40 Там же. С. 301–302.
- 41 Там же. С. 319.
- 42 ГИМ. Син. 570. Л. 791; РГБ. Ф. 247. Л. 322.
- 43 Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: антология / сост., общ. ред. и пред. Н.К. Гаврюшина. М., 1993. С. 45–48.
- 44 РГБ. Ф. 199. Никиф. 557. Л. 1.
- 45 Там же. Ф. 37. № 437. Л. 460.
- 46 ГИМ. Хлуд. 75. Л. 772.
- 47 РГБ. Ф. 37. № 437. Л. 464; ГИМ. Хлуд. 75. Л. 775.
- 48 ГИМ. Хлуд. 75. Л. 788–791.
- 49 Там же. Л. 791 об.–793.
- 50 Там же. Л. 800–801.
- 51 Там же. Л. 765 об.–771 об.
- 52 *Максим Грек.* Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки. М., 2009. С. 324–327.
- 53 РГАДА. Ф. 196. № 1620. Л. 584 об.–585 об.
- 54 Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983. Л. 88. См. также: *Данилов И.И.* Письма Исидора Пелусиота в Из-

- борнике Святослава 1073 г. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М., 1955. Т. 11. С. 338–339.
- 55 В Пандектах этот текст более краткий, хотя перевод тот же самый – см., например: РГБ. Егор. 815. Л. 224.
- 56 ГИМ. Син. 570. Л. 778 об.; РГБ. Ф. 247. № 272. Л. 316 об.
- 57 ГИМ. Син. 570. Л. 779 об.
- 58 РИБ. СПб., 1908. Т. 6. № 3. С. 68.
- 59 О проложной статье см.: *Конявская Е.Л.* О времени создания проложной статьи на 1 августа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 3 (45). С. 57–58.
- 60 *Белякова Е.В.* Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // *Миротворчество в России. Церковь, политика, мыслители.* М., 2003. С. 59–60.
- 61 *Брюсова В.Г., Щапов Я.Н.* Новгородская легенда о Мануиле ... С. 85–103.
- 62 РГБ. Ф. 247. № 272. Л. 316.
- 63 ГИМ. Син. 570. Л. 776.
- 64 См. публикацию по Соловецкому списку: *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов ... Т. II. С. 125.
- 65 *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.
- 66 РГБ. Рог. 272. Л. 324; ГИМ. Син. 570. Л. 796.
- 67 ГИМ. Син. 570. Л. 798 об.
- 68 Рукопись РГАДА имеет постатейное описание, выполненное Л.В. Мошковой: *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века ...* С. 293–313.
- 69 РИБ. Т. 3. Стб. 906–907.
- 70 *Корогодина М.В.* О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря. С. 23–34.
- 71 БАН. Друж. 154 (190). Л. 134–137; *Сочинения писателей старообрядцев XVII века / сост. Бубнов Н.Ю.* Л., 1984. С. 207–208. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР; т. 7, вып. 1).
- 72 БАН. Друж. 155 (191). Л. 179 об.–180 об.; *Сочинения писателей старообрядцев ...* С. 208.
- 73 *Белякова Е.В.* Сказание об именах из Кормчей Кирилло-Белозерской редакции // *Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies.* 2013. Т. II, N 2. С. 184–198.
- 74 Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских. F19. № 242. Л. 1.

Иоасаф (Заболотский), епископ Нижегородский и Алатырский (1782–1783)

Среди лиц, возглавлявших Нижегородскую епархию, наряду с такими известными церковнополитическими деятелями, как архиепископ Питирим (1719–1738), епископы Дмитрий (Сеченов) (1742–1748) и Дамаскин (Руднев) (1783–1794), достойное место принадлежит и владыке Иоасафу (Заболотскому). Однако тот факт, что Иоасаф управлял Нижегородской епархией весьма непродолжительное время (май 1782 – сентябрь 1783 г.), во многом и обусловил отсутствие серьезного исследовательского интереса к деятельности этого иерарха. Хотя личности Иоасафа и посвящены некоторые работы историков XIX в., все они носят фрагментарный характер¹. Между тем ряд материалов из архивохранилищ Нижнего Новгорода позволяют воссоздать картину пребывания епископа Иоасафа на Нижегородской кафедре.

Иоасаф, в миру Иван Заболотский, родился в 1744 г. в селе Заболотье на Владимирщине в семье священника. Юношей он был отправлен для учебы в Новгородскую духовную семинарию, затем, зарекомендовав себя одним из лучших учеников, продолжил обучение в семинарии Троице-Сергиевой лавры. В 1774 г. Иван принял постриг под именем Иоасафа, после чего его церковная карьера быстро пошла в гору. Поначалу он трудился в должности проповедника при Московской академии, затем, в 1775 г., стал игуменом Крестовоздвиженского монастыря в Москве, в 1777 г. числился законоучителем при Академии Художеств, а уже в следующем, 1778 г., был посвящен в архимандриты Сергиевой пустыни, находившейся в 15 верстах

---

* Кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

от Санкт-Петербурга. Спустя два года, в 1780 г., 36-летний Иоасаф стал членом Святейшего Синода. Столь успешная карьера была отнюдь не случайной. Иоасаф, получив неплохое образование, видимо, смог обратить на себя внимание императрицы Екатерины II.

К середине XVIII в. важное место в общественной жизни заняла проповедь. Проповеди знаменитых церковных риторов стали важным общественным явлением, привлекая толпы слушателей из самых разных сословий². Благодаря блестящим ораторским способностям целый ряд церковнополитических деятелей, таких, как Платон (Левшин), Дамаскин (Руднев) совершили успешную карьеру в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. К числу таких деятелей принадлежал и Иоасаф.

Будучи настоятелем Сергиевой пустыни, Иоасаф выступал с проповедями при дворе в присутствии императрицы. В 1780 г. 12 поучительных слов и 2 речи архимандрита были даже отдельно изданы в Петербурге. Поэтому когда епископ Антоний 25 апреля 1782 г. был переведен из Нижнего Новгорода в Казанскую епархию, императрица решила поставить во главе нижегородской епархии Иоасафа, которому в то время исполнилось 38 лет. Екатерина II даже присутствовала при посвящении Иоасафа 16 мая 1782 г. в нижегородские епископы. Камерфурьерский журнал зафиксировал, что церемония посвящения состоялась в придворной церкви и новопоставленный епископ «читал в церкви ж присягу», а затем «говорил пред Ея Императорским Величеством краткую благодарную речь»³. На особое внимание к нижегородской епархии у императрицы были свои причины.

Посетив в мае 1767 г. во время своего путешествия по Волге Нижний Новгород, императрица, декларировавшая политику веротерпимости, осталась явно недовольна ситуацией в местной епархии и поведением владыки Феофана, вступившего в серьезный конфликт с нижегородскими старообрядцами. В письме к новгородскому епископу Дмитрию (Сеченову) Екатерина II даже отметила «дух гонения» нижегородского духовенства по отношению к «раскольникам»⁴. Надо полагать, императрица следила за ситуацией в Нижегородской епархии и при

первом возможном случае решила поставить во главе духовной жизни этого региона либерального архиерея, воспитанного в духе Просвещения и разделявшего взгляды самой государыни.

Предшественник Иоасафа, епископ Антоний, 1 июня 1782 г. отбыл в Казань, а уже на следующий день заседавшие в Духовной Консistorии Нижнего Новгорода игумен Благовещенского монастыря Александр и протоиереи Архангельского собора Матвей и Благовещенского собора Федор отправили в Москву «для встречи» нового владыки внушительную делегацию своих сотрудников – секретаря Василия Никольского, канцеляриста Ивана Петрова и еще несколько служащих, включая повара и конюха⁵.

Иоасаф прибыл в Нижний Новгород 28 июня и с первых же дней зарекомендовал себя весьма энергичным руководителем. Предшественник Иоасафа епископ Антоний также отличался «всегдашней ревностью к наукам», любил проповеди и активно внедрял эту форму влияния государства на народные массы на территории Нижегородского Поволжья⁶. Но в период управления нижегородской епархией епископа Иоасафа проповедничество приобретает еще больший размах, чему активно способствовал новый владыка. Уже в день своего приезда в Нижний Новгород Иоасаф произнес проповедь в кафедральном соборе города, в которой отметил: «Распри паче лжеучительныя означают или малодушие, или разврат сердца, или самое невежество. Противная или еще досадительная церкви мысль болше погибель навлекает, нежели мнимое спасение. Молю убо вы и аз братие! Да не будут в вас распри, порождения суевераго раскола; да будет же всяк хранитель верный установленных законов, и благоговейный хранитель сокровища веры...»⁷. Через несколько дней, 8 июля 1782 г., епископ выступил с новой проповедью по поводу праздника Пресвятой Богородицы Казанской, а 10 июля говорил новую речь в церкви нижегородской семинарии «при уволении семинаристов на вакации»⁸.

За 16 месяцев управления епархией Иоасаф успел лично посетить большинство крупных монастырей и населенных пунктов Нижегородчины, где выступал с проповедями. Так, 20 июля 1782 г., будучи в Макарьевском Желтоводском мо-

настыре, епископ говорил «Слово на праздник святого пророка Илии». Пребывая в обители, 22 июля того же года владыка выступил с новой речью «на тезоименитство Ея императорского высочества» (великой княгини Марии Федоровны. – А.М.). Спустя пять дней Иоасаф был в Лыскове, где вновь говорил «Слово» на освящение местной Преображенской церкви. Вернувшись в Нижний Новгород, 15 августа епископ вновь выступил с новой речью по случаю праздника Успения Пресвятой Богородицы. 21 августа того же года в нижегородском Благовещенском монастыре владыка говорил «Слово в неделю по Сошествии Святого Духа». В 20-х числах августа того же 1782 г. Иоасаф вновь отправился в поездку по епархии, посетив Оранский монастырь, Павлово, Золино, Ворсму. Свои визиты владыка по традиции сопровождал публичными проповедями. Например, в Павлове, известном центре старообрядчества, Иоасаф говорил: «Мятеся утроба моя о заблуждении многих бесчастных отшельников от боголюбезного нашего стада. Источниками слез призываю во един благоверный собор всякаго совратившагося с пути истины, и страждущаго по распутиям раскола; послушайте, молю, все таковые гласа нашего; он сколько усердием, столько и истиною растворен. Радуются на небеси Ангели о едином грешнике кающемся; возрадуется и вся святая приемля во объятия сои заблудшее овца...»⁹. Помимо своих личных публичных выступлений, Иоасаф всячески способствовал внедрению института проповедничества в нижегородской епархии. Уже 22 октября 1782 г. епископ, «разсуждая, что здешняго города Архангелской собор находится по кафедральном Спаспреображенском второй, к тому же и состоит он по близости к наместническому дому и протчим присудственным местам, потому и бывает во оном в высокаторжественныя, викариальныя и другие праздничныя дни у церковных служб знатныя собрания, а следовательно и должно быть тут для важности места частому проповеданию слова Божия», распорядился «в тот собор определить какого ни есть ученого священника»¹⁰. Уже вскоре после своего прибытия в Нижний Новгород Иоасаф, «разсуждая... что в моей нижегородской епархии, особливо в Курмышском, Ядринском, Алатарском и Саранском

уездах находится махометан и других иноверцов великое число», решил расширить миссионерскую деятельность среди неправославных народов Поволжья. В связи с тем, что в 1781 г. «ни одного... иноверца в обращении не было», в помощь к действующему миссионеру города Курмыша священнику Еремею Иванову Иоасаф определил двух помощников – священников Андрея Федоровского и Григория Новикова, «как в добрых поведениих и честных поступках, так и в проповеди слова Божия довольно известных». Епископ также добился выдачи жалованья миссионерам через лиц, «нарочно присылаемых» из консистории, «дабы по дальности разстояния не могли они терпеть напрасно в проездах изнурения, а в проповеди слова Божия не было остановки»¹¹.

Во время своих многочисленных поездок по епархии Иоасаф не ограничивался лишь выступлениями в публичных местах. Епископ лично вникал во все текущие дела. Посетив Саранск и проверив местное духовное правление, архиерей «разсматривая... записную сего года делам книгу», обратил внимание на то, что в ней «входящие дела с исходящими вместе смешены, а как по законам следует быть двум записным книгам, одной входящим а другой исходящим, да и по входящим за слушеньем делам журналов не имеется». Иоасаф распорядился «предписать указом» Саранскому духовному правлению «чтоб оное отныне впредь поступало в произвождении дел на основании государственных узаконений... то есть имея две книги, одну входящую, а другую исходящую, притом же и настольной реэстр, в коем присутствующим по выслушании дел писать резолюции а со оных сочинить журнал»¹². Находясь в Лыскове, епископ «усмотрел» протопопа местного Спасо-Преображенского собора Петра Осипова «весьма престарелым и слабым» и распорядился назначить на его место в собор другого, более молодого священника. Во время поездки по епархии в начале 1783 г. владыка 29 марта 1783 г. распорядился оштрафовать нескольких священников Алатырской и Ардатовской округи за то, что они «во время посещения Его Преосвященством епархии яко архипастырю своему достодолжной по церковной це-

ремони встречи, каковая ими упущена из крайняго нерадения»¹³.

Во время поездок Иоасаф проверял состояние вверенного ему духовенства. Неграмотные священники лишались своих мест, малограмотным епископ предписывал «изучится чрез полгода», а если эти указания не выполнялись, приказывал «отрешить от места». Замеченные в пьянстве церковнослужители также лишались своих мест. Некоторых церковников епископ лично наблюдал «безчувственно пьяными»¹⁴. Так, находясь в Оранском монастыре, Иоасаф «усмотрел» священника Дмитрия Стефанова, который был «весма пьяной а при том при многонародном собрании» затеял ссору с архиерейскими служителями. Епископ распорядился оправить виновного в Нижний Новгород в консисторию «под караулом», а затем отправил его на содержание в Благовещенский монастырь. 27 октября 1782 г., церковный староста Ильинской церкви Балахны Григорий Осипов с прихожанами подали владыке прошение, в котором жаловались на священника Даниила Иванова, обвинявшегося в пьянстве, «неспокойстве», плохом исполнении своих обязанностей. Разобравшись в этом деле, епископ распорядился: «Поелику и в бытность нашу как дворянство, так и обыватели балахонские все... представляли словесно пьянственное и негодное сего иерея состояние и общее неудовольствие... в городе он не годится». В другой раз дьячок села Работок Максим Иванов, будучи пьяным на одном из рынков Нижнего Новгорода, «протянув руку и сложив персты согласно раскольническому заблуждению, произносил слова такия: чем благословитесь, тем и креститесь». За то, что «сие произошло от него не яко от простова человека, но от духовного, которой бы должен был вместо того и самих раскольников склонять к правоверию», епископ 15 июля 1783 г. распорядился виновного «послать на полгода в Оранской монастырь и после приискывать ему другого места»¹⁵. В свою очередь, деятельность тех представителей клира, которые вели себя благоразумно, всячески поощрялась епископом. Так, служителя Консистории копииста Николая Шепетова, переведенного в Нижний Новгород из Горбатовского духовного правления, за то, что тот «ведет себя исправно, трезвенно, по-

стоянно, и в делах имеет понятие и успех имеет хорошей», Иоасаф 19 января 1783 г. распорядился перевести в подканцеляристы¹⁶.

За небольшой период руководства нижегородской епархией Иоасаф зарекомендовал себя рачительным хозяином. Известно, например, что уже через несколько дней после прибытия епископа в Нижний Новгород, в июле 1782 г., церковные власти озаботились ремонтом кафедрального Спасо-Преображенского собора, который намеревался проводить архитектор Я.А. Аннанин¹⁷. Озаботился владыка и епархиальными доходами. В мае 1783 г. он добился «отвода состоящей в нижегородской округе, при селе Ельне березовой рощи, как она сажена самими руками преосвященнаго Дмитрия (Сеченова, нижегородского епископа в 1742–1748 гг. – А.М.) и яко принадлежащая архиерейскому дому, с малою бывшею садовою дачею, во владение дому его преосвященства»¹⁸.

Указом от 22 сентября 1783 г. Иоасаф был переведен из Нижнего Новгорода в Тверь. По мнению исследователя Я. Горожанского, перевод Иоасафа был связан с тем, что Екатерине II не понравились «сильные и обличительные наставления» епископа в отношении нижегородских старообрядцев¹⁹. Несмотря на это предписание, епископ еще полтора месяца руководил духовной жизнью Нижегородчины. В конце сентября он отправился в Семенов, где 1 и 2 октября говорил «поучения против раскольников»²⁰. Судя по сохранившимся пометам на документах, делами нижегородской епархии Иоасаф занимался вплоть до 4 ноября 1783 г.²¹ Любопытные сведения о нижегородском периоде церковной карьеры Иоасафа сохранились в письмах его преемника по управлению нижегородской епархией – епископа Дамаскина, который в письме к ярославскому архиерею Арсению (Верещагину) 4 апреля 1788 г., уже после смерти Иоасафа, отмечал: «Жалею, что покойный Иоасаф не разбирает ни своих, ни казенных денег, и здесь (в Нижнем Новгороде. – А.М.) содержал казенных много. Но я не стал ни во что входить, даже и моих за три месяца жалованных и провизских около 500 рублей увез с собою... Но я и сего не желал и не требовал от него ничего, мы все смертны...»²².

- ¹ Сведения о епископе Иоасафе см.: Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1791. Ч. 18. С. 100; *Евгений (Болховитинов), митрополит*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 163; *Макарий (Миролюбов), архимандрит*. Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. С. 159–163; Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 289.
- ² *Цапина О.А.* Православное Просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 301–313.
- ³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1782 года. СПб., 1882. С. 212; Санкт-Петербург в 1782 году: письма Пикара к князю А.Б. Куракину // Русская Старина. 1878. Май. С. 59.
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Ибнеева Г.В.* Императрица Екатерина II и старообрядческое население Нижегородского края // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2010. Вып. 4. С. 64–79; *Морохин А.В.* Конфликты старообрядцев с официальным духовенством в Нижегородской епархии во второй половине XVIII века // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: сб. науч. тр. и материалов. Киев; Винница, 2010. Вып. 4. С. 218–232.
- ⁵ Центральный Архив Нижегородской Области (ЦАНО). Ф. 570. Оп. 555. Д. 2 (1782 г.) Л. 2.
- ⁶ *Макарий (Миролюбов), архимандрит*. Указ. соч. С. 151–157.
- ⁷ Нижегородская Государственная Областная Универсальная Научная Библиотека. Отдел Рукописей (НГОУНБ ОР). Ф. 1. Оп. 1. № 197. Л. 4.
- ⁸ Там же. Л. 6–13 об.
- ⁹ Там же. Л. 13 об. – 36 об.
- ¹⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 8 (1782 г.) Л. 1–1 об.
- ¹¹ Там же. Д. 3 (1782 г.). Л. 211–211 об.; Д. 3 (1783 г.) Л. 54–57 об.; *Снежневский В.И.* Опись журналам Нижегородского Наместнического Правления за 1781–1783 гг. // Действия НГУАК. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 164.
- ¹² ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 3 (1783 г.) Л. 60.
- ¹³ Там же. Д. 3 (1782 г.) Л. 167; Д. 60 (1783 г.) Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Д. 60 (1783 г.) Л. 10–12, 15 об., 22, 97, 120.
- ¹⁵ Там же. Д. 3 (1782 г.) Л. 185; Д. 3 (1783 г.) Л. 33, 97.
- ¹⁶ Там же. Д. 3 (1783 г.) Л. 29.
- ¹⁷ *Снежневский В.И.* Указ. соч. С. 136.
- ¹⁸ Там же. С. 165.
- ¹⁹ *Горожанский Я.* Дамаскин Семенов-Руднев, епископ нижегородский (1737–1795). Его жизнь и труды. Киев, 1894. С. 215.
- ²⁰ *Макарий (Миролюбов), архимандрит*. Указ. соч. С. 161–162.
- ²¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555. Д. 3 (1783 г.) Л. 155.
- ²² ОР РНБ. Ф. 35. Оп. 1. № 10. Л. 3 об.

Митрополит Филарет (Дроздов) и его ранние контакты с протестантскими миссионерами**

§ 1. «Петербургские англичане» и Российское библейское общество

«Британский вклад» в российское просвещение. Процесс развития отношений Русской Православной Церкви с другими христианскими Церквями неоднократно привлекал внимание российских и зарубежных историков и богословов. Так, в британской историографии существует обширный пласт эпистолярных и автобиографических источников, которые отражают процесс формирования и развития англо-русских церковных контактов на протяжении XIX в., и во многих из них упоминается имя митрополита Московского Филарета (Дроздова) (1782–1867), одного из наиболее авторитетных и влиятельных представителей российской иерархии XIX в.¹ При этом участие митрополита Филарета в межконфессиональных отношениях до настоящего времени недостаточно освещено в отечественной и зарубежной историографии. Между тем, благодаря сохранившимся дневникам, отчетам, письмам и мемуарам, можно составить представление о том круге вопросов, которые поднимались представителями британского и американского духовенства при встречах с московским святителем, что позволяет проследить процесс развития межконфессиональных контактов.

Первые известные нам контакты святителя Филарета с британскими миссионерами относятся ко времени его пребывания

---

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-61-00002а/П.

в Петербурге и связаны в первую очередь с деятельностью Российского библейского общества². Духовную атмосферу того времени в столице, настеж распахнутой для европейских миссионеров, протоиерей Георгий Флоровский называл «едва ли не самой высшей точкой западничества»³, отмечая при этом, что «от западного яда и противоядие искали на том же Западе»: «Усилилась инославная пропаганда. Оживилась деятельность иезуитского ордена, некогда сохраненного от папского прещения рвением екатерининского правительства. Возобновились и умножились масонские ложи. И в Россию хлынул бурный поток западного мистицизма, квиетического и протестантского»⁴. Инициативе британских миссионеров всецело обязано своим возникновением и Российское библейское общество.

К моменту учреждения Общества Филарет был уже хорошо известен в столице, куда прибыл в январе 1809 г. для участия в работе преобразованной Санкт-Петербургской духовной академии. Он обратил на себя внимание старшего члена Св. Синода Амвросия (Подобедова), взявшего его под свое покровительство. 30 июня 1811 г. иеромонах Филарет «Всемиловитейше пожалован за отличие в проповедовании слова Божия наперсным крестом с драгоценными камнями», а 8 июля возведен в сан архимандрита; в марте 1812 г. назначен ректором и профессором богословия С.-Петербургской духовной академии. Незаурядные дарования и расположение митрополита Санкт-Петербургского и обер-прокурора Св. Синода князя А.Н. Голицына способствовали выдвижению Филарета на авансцену церковного Петербурга.

Вскоре, не без содействия князя, произошло и знакомство архимандрита Филарета с императором Александром I. 30 ноября 1812 г. по просьбе князя в его домовую церковь архимандрит Филарет в присутствии императора произнес беседу «О молитве Господней». «Накануне сего дня, – писал он отцу, – не поверил бы я никакому предсказанию о том, что случилось со мною в сей день. Я слышал такие слова кротости, которые меня растопляли, как воск; такие слова благочестия, которые воспламеняли меня. Но я боюсь, чтобы не впасть в тщеславие тогда, как желаю изъяснить мое удивление и благоговение. Не

знаю, что хочет Бог сделать со мною моим излишним счастьем. Чувствую только, что вместе с ним более и более тяготеет на мне бремя обязанностей. Но да будет не по моей воле!»⁵. Одной из многих ответственных обязанностей Филарета стало участие в работе Российского библейского общества.

История Общества восходит к началу XVIII в., когда в 1710 г. барон Гильдебранд фон Канштейн основал в Галле библейское учреждение с целью распространения Библии по возможно дешевой цене. В 1804 г. по инициативе проповедника Томаса Чарльса в Англии было основано Британское и Иностранное библейское общество (British and Foreign Bible Society), главной целью которого было «издание и распространение Библии на разных языках и между членами всех христианских исповеданий и толков, *без всяких на нее истолкований, примечаний и рассуждений*»⁶. Свою деятельность Общество с самого начала рассматривало как общехристианскую и повсеместно расширяло сеть своих филиалов. Вскоре библейские общества, собрания и комитеты были открыты в разных городах Великобритании, Германии, Швейцарии, Америки, в Калькутте, в Финляндии.

В марте 1809 г. в Москву, по поручению Британского общества, приехал пастор Роберт Пинкертон, племянник епископа Солсбери Томаса Берджиса, одного из организаторов Библейского общества в Лондоне. До приезда в Россию Пинкертон был президентом Библейского общества в Эдинбурге, в мае 1805 г. он был отправлен обществом в качестве миссионера на Кавказ в Каррас (около Пятигорска), в сентябре 1808 г. из-за военных действий вернулся в Шотландию, откуда был снова командирован в Россию – на этот раз в Финляндию и Эстляндию. Большую часть 1810 и 1811 гг., как сообщает Пинкертон в своей книге, он провел в Москве, где старался устроить Библейское общество, в чем ему содействовала княгиня С.С. Мещерская⁷, в доме которой он служил учителем английского языка. Под влиянием Пинкертона княгиня занялась переводами и изданием религиозных, преимущественно английских, книг и брошюр, о которых Пинкертон писал: «Эти издания составили в России новую эпоху относительно религиозных книг, потому

что главнейшие догматические и религиозные книги у русских все написаны по-славянски... И только с тех пор, как появились эти книжки, Новый Завет снял с себя плотное древнеславянское покрывало десятого века, и Христос и апостолы могли говорить к русской нации на ее новейшем языке»⁸. «Можно спорить, – замечает протоиерей Георгий Флоровский, – о степени доступности и пригодности этих брошюр, “сочиненных некоторою благочестивою дамою” для “простого народа”, но принципиальную важность этого начинания вряд ли можно оспаривать»⁹. Библейское общество в Москве было создано позже Петербургского: из-за начавшейся войны 1812 г. вся организационная работа была приостановлена; Пинкертон выехал из Москвы за двое суток до прихода французов¹⁰.

В августе 1812 г. для напечатания Библии на финском языке прибыл другой представитель Британского общества, пастор Джон Патерсон. Первым делом он отправился в Москву, где его ждал Р. Пинкертон. В деле английских миссионеров принял участие известный издатель и масон А.Ф. Лабзин, которого давно интересовала деятельность Британского общества по переводу и распространению Библии и других христианских книг. Ему было известно, что президент Библейского общества лорд Каткорт планировал свой визит в Санкт-Петербург для учреждения подобного Общества и в России. 13 августа 1812 г. Лабзин сообщал своему ученику Д.П. Руничу, что «послал к нему в Москву Патерсона, члена и комиссара Английского библейского общества»¹¹. Не обошлось и без свойственной Лабзину конспирации: «Я участвую тут не своим лицом, а тайно, а потому и Патерсон меня и я Патерсона и не видел»¹².

Цели и задачи Британского библейского общества, озвученные Патерсоном и Пинкертоном, встретили горячее сочувствие князя А.Н. Голицына, обер-прокурора Святейшего Синода и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий. По согласованию с императором было заведено дело «Об учреждении в Петербурге Библейского общества 23 июня 1812 г. – 8 марта 1813 г.»¹³. Можно согласиться с Ю.Е. Кондаковым, считавшим возможным напрямую связать возникновение

Библейского общества в России с изменившимся курсом российской внешней политики.

Действительно, в преддверии войны с Францией Александр I следовал рекомендациям своего госсекретаря М.М. Сперанского, который считал, что будет неблагоприятно «вступая в войну с Францией, продолжать ее с Англией. Из сего само собою уже следует, что с первым, так сказать, выстрелом должно восстановить связь с Англией»¹⁴. Но еще до того, как была написана эта записка, было издано по сути антифранцузское «Положение о нейтральной торговле», автором которого являлся тот же Сперанский. Новые тарифные правила, делавшие невозможной всякую торговлю Франции с Россией, дали повод Наполеону заявить, что он считает их «равнозначными заключению Россией мира с Англией»¹⁵. (В качестве характерного штриха приведем наблюдение Филарета (Дроздова), сделанное им 30 мая 1812 г. в Петербурге: «Английские купцы на сих днях обнимались на бирже с русскими»¹⁶.) Следующим шагом русско-английского сближения было издание 4 августа 1812 г. Высочайшего указа «О восстановлении с Англией мира и о начатии торговых с оной отношений, на основании существующих узаконений».

Открытие Библейского общества в Петербурге было отложено до окончания войны с Наполеоном. 6 декабря 1812 г. князь Голицын представил на усмотрение императора всеподданнейший доклад с проектом Библейского общества в Петербурге, в котором обозначил его основные задачи: «Оставляя неприкосновенным издание книг Священного Писания на славянском языке для исповедующих греко-российскую веру, принадлежащее в особенности и исключительно ведомству Святейшего Синода, я нахожу означенный проект действительно полезным как для распространения в России чтения Ветхого и Нового Завета на разных других языках, между обитателями иностранных исповеданий, так и потому, что недостаточные люди могут покупать сию книгу за дешевую цену, а бедные будут получать ее безденежно»¹⁷. В тот же день проект Общества получил Высочайшее утверждение.

На первом собрании Общества, состоявшемся 11 января 1813 г. в доме князя Голицына, был составлен Комитет для «попечения о средствах к произведению в действо намерений Общества», в который не вошел никто из православного духовенства. Лишь в сентябре следующего года в состав Комитета были введены лица духовного звания: в вице-президенты от Православной Церкви были избраны митрополиты С.-Петербургский Амвросий (Подобедов) и Киевский Серапион (Александровский), архиепископы Черниговский Михаил (Десницкий), Тверской Серафим (Глаголевский), Екатеринославский Иов (Потемкин), Телавский и Грузино-Кавказский Досифей. Архимандрит Филарет (Дроздов) и придворный протопресвитер Н.В. Музовский вошли в комитет в качестве директоров (в 1818 г. Филарет, после посвящения в епископы, был избран вице-президентом). От других конфессий в вице-президенты общества были избраны римо-католический митрополит Сестрэнцевич-Богуш, армянский архиепископ Иоаннес, в директоры – аббат Манген.

Одной из первых поправок к первоначальным целям Общества, указанной во всеподданнейшем докладе князя Голицына, стало предложение о распространении Библии «на отечественном славянском языке для наделения оными россиян»¹⁸. Как отмечал И.Н. Корсунский, имеются «все основания утверждать, что мысль о том настойчивее всего высказываема была архимандритом Филаретом»¹⁹. Подтверждением тому может служить его письмо к отцу, протоиерею Михаилу Федоровичу Дроздову, написанное вскоре после собрания, 18 февраля 1813 г., в котором Филарет писал: «Не нравилось мне, что занимаются исключительно иноверцами, тогда как свои находят в такой же нужде, как и те, и обязанные пещися о сем не хотят или не могут пещися», и сообщал о данном ему обещании, «что, получив достаточную сумму, Общество представит ее С. Синоду для напечатания славянской Библии на правилах Общества»²⁰.

Действительно, благодаря щедрым пожертвованиям членов Общества, в том числе государя императора и членов императорской фамилии, в скором времени было выкуплено у Синода

«столько экземпляров Библии на славянском языке, сколько наличное тогда оных число позволило»²¹, и все они были распроданы по минимальной цене либо бесплатно розданы бедным. В том же 1814 г. Комитет в новом своем составе первым делом приступил к изданию славянской Библии, потребность в которой оставалась велика, поскольку закупленных синодальных экземпляров явно не хватало. Это первое издание славянской Библии, осуществленное Российским библейским обществом, было напечатано в московской синодальной типографии на средства и под наблюдением московского библейского комитета в 1816 г.

Одновременно Общество приступило к изданию славянской Библии *стереотипом*. По соглашению с Британским библейским обществом в Петербург прибыл представитель издательского дома Рутт, Томас Рутт, который при помощи пастора Патерсона наладил работу типографии, специально устроенной для Российского библейского общества. «Наблюдение за приличною и красивою вырезкою пунсонов для литер, – сообщает И.А. Чистович, – принял на себя директор комитета Российского библейского общества архимандрит Филарет»²². Кроме того, архимандрит Филарет и архимандрит Иннокентий (Смирнов), ректор Петербургской духовной семинарии, были назначены от Синода для наблюдения за печатанием славянской Библии; главный же надзор был возложен на члена Св. Синода архиепископа Черниговского Михаила (Десницкого).

Возможно, с этого времени, то есть с осени 1814 г., контакты Филарета с «петербургскими англичанами» становятся более или менее регулярными. Так, в письме к Попову от 23 декабря 1814 г. Филарет писал: «Странно, не могу сладить со славянской азбукою. Ошибки вижу, а поправить не умею и не нахожу знающего. Сегодня наудачу чертил я буквы и толковал теорию их г. Пинкертону. Он уверял, что разумеет мои правила и видит причины последовать оным. Он обещал повторить сей урок художнику и таким образом дополнить несовершенство моего черчения. Не знаю, что будет. Между тем все еще хочется сделать полную азбуку с помощью знающего рисовальщика или скорописца»²³.

Однако круг поднимаемых в их беседах вопросов не ограничивался начертанием славянского алфавита. Пинкертон в своей книге о России помещает письмо к нему архимандрита Филарета от 26 октября 1814 г., а также многие выдержки из его сочинений и проповедей за разные годы, судя по всему, хорошо ему известные. Английского пастора интересовало все, относящееся к духовным делам в империи, в том числе религиозные предпочтения учащихся духовных школ. Впоследствии, в своей книге о России он вспоминал о посещении духовных школ в России: «Профессора их, вышедшие из Невской академии, когда она была под управлением Филарета, очень склонны к библейскому критицизму и хорошо знакомы с лучшими писателями этого рода. Я часто предостерегал их от сочинений новейших немецких неологистов, с которыми иные из них уже знакомы. Как было бы жаль, если бы эти семинарии, которые должны доставлять священников и дьяконов больше чем для 26 000 церквей – и которые теперь, мы надеемся, отряхнут с себя невежество и суеверия, покрывавшие их столько веков – впадут в противоположную крайность рационализма и неверия»²⁴.

Стереотипное издание Нового Завета вышло из печати в начале 1816 г. («Исправностью сего издания, – как сказано в журнале комитета от 14 декабря, – комитет весьма много обязан преосвященному архиепископу Михаилу и достопочтенным гг. директорам комитета оо. архимандритам Филарету и Иннокентию, имевшим надзор за исправностью корректуры оно-го»²⁵.) Но еще в конце 1815 г. Александр I предложил «доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке»²⁶. Речь шла об издании Библии на русском языке.

Комиссии духовных училищ было поручено избрать «способных к сему важному труду» в Петербургской духовной академии, с тем, чтобы выполненные ими переводы поступали на рассмотрение членам Библейского общества духовного звания, и по одобрении, были изданы Российским библейским обществом вместе с древним славянским текстом. 13 марта 1816 г. определение Синода получило Высочайшее утверждение.

Дело перевода Нового Завета на русский язык, имевшее, по словам Корсунского, «значение для всей России»²⁷, было поручено архимандриту Филарету с выбором помощников по своему усмотрению. Видимо, и сама редакция определения Комиссии от 16 марта 1816 г. (с изложением всей схемы работы по переводу) принадлежала Филарету²⁸. Помимо общего руководства, Филарет взял на себя перевод Евангелие от Иоанна. «Теперь, – писал он 20 мая 1816 г. деду, коломенскому протоиерею Никите Афанасьевичу, – большую заботу делает предпринятое по Высочайшей воле изъяснительное предложение Нового Завета на российское наречие, частью для простого народа, частью для просвещенных нынешнего века, которые, не разумея славянского наречия, читают Евангелие на французском. Как-то сие намерение покажется Вашим старожилам? Ко мне и из купечества некоторые пишут о сем с желанием и радостью. Помолитесь, чтобы Господь укрепил слабые и недостойные наши руки, чтобы достойно сеять святое семя слова Его!»²⁹

Перевод Четвероевангелия вышел в свет весной 1819 г. Филарет, к тому времени (с 15 марта 1819 г.) архиепископ Тверской, сразу же поставил вопрос о его переиздании: «Второе издание немедленно начать и нужно и нет никакого сомнения», – писал он к секретарю Библейского общества Попову 9 апреля 1819 г.³⁰ В полном составе Новый Завет вышел в 1821 г. Несколько ранее, в 1820 г., «рабочим порядком» приступили к переводу Ветхого Завета, распределив перевод Ветхого Завета между тремя духовными академиями. В 1822 г. вышла Псалтирь в русском переводе (без славянского текста), которая предварялась обращением «К христоробивым читателям», составленным архиепископом Филаретом и подписанным тремя синодальными архиереями во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Серафимом (Глаголевским).

На протяжении всех лет работы Российского библейского общества петербургский комитет общества находился в тесной связи с Британским библейским обществом, чему содействовали пасторы Патерсон и Пинкертон, по определению А.Н. Пыпина, его «ревностные работники и посредники»³¹. При этом, как отмечает тот же автор, «сношения русского Общества с

Британским не ограничивались, конечно, одной внешней и материальной стороной дела. Мудрено себе представить, чтобы связь, соединявшая их в распространении Библии, не сопровождалась и другими нравственными влияниями. В своих письмах в Петербург члены Британского комитета извещали русских друзей о ходе всего дела и вводили их в подробности своих собственных планов и стремлений, которые шли у них рядом с распространением Библии. <...> Наконец, сообщения англичан давали прямые указания на то, каким образом дело, начатое распространением Библии, может или должно быть довершаемо в практическом осуществлении. Письма английских корреспондентов занимали видное место в прибавлениях к отчетам Петербургского комитета, особенно за это время, и составляли своего рода литературное влияние, без сомнения, не лишенное своей силы»³².

Отчасти эти влияния, подчас чуждые российскому читателю, имел в виду известный англиканский диакон Вильям Пальмер, давая свою оценку деятельности Российского библейского общества. Под впечатлением беседы с княгиней С.С. Мещерской во время своего первого визита в Петербург в 1840 г. Пальмер отметил, что «употребляемый ею язык – совершенно протестантский и недостойн языка православной русской»³³, а воспоминания княгини о деятельности в России Библейского общества привели Пальмера к выводу, что «русские, по-видимому, не имели никакого понятия о том, какой тонкий яд сокрыт был и заключался в каждой частице просвещенной ревности или ревности о просвещении, какую отличалось это общество»³⁴.

«Госпожа Мещерская, – пишет Пальмер, – была жертвою, как я должен назвать ее, одного из двух религиозных движений против Православной Церкви, которые были произведены или поддерживаемы двумя антагонистическими обществами, <...> именно общества иезуитов и общества библейского. Каждое из них имело временный успех, но наконец сначала одно, а затем и другое были насильственно извергнуты из страны, как скоро правительство и иерархия увидели, что как то, так и другое, каждое со своей стороны, противодействовали церковным преданиям и народным понятиям России»³⁵.

Разумеется, точка зрения Пальмера, совпадавшая с официальным мнением лиц того круга, в котором он вращался в Петербурге в начале 1840-х годов, не отражает всей сложности ситуации, сложившейся вокруг Российского библейского общества и приведшей в конечном счете к его закрытию, или, по выражению Пальмера, «извержению из страны». Общество было учреждено и действовало по Высочайшей воле, о чем, кстати, писал в своей, небезызвестной Пальмеру книге и Роберт Пинкертон: «Главным источником всех этих христианских и человеколюбивых трудов был, без сомнения, император; потому что в такой стране как Россия ничто в подобном роде не могло совершаться без одобрения власти»³⁶.

Не входя в подробности известной кампании, начатой графом А.А. Аракчеевым и А.Ф. Шишковым против князя А.Н. Голицына, отметим только, что тогда, в 1824 г., цели недоброжелателей князя были достигнуты – в мае 1824 г. он лишился своего поста в Святейшем Синоде, было упразднено «двойное министерство». О причинах, повлекших закрытие Общества, митрополит Филарет позже писал: «Думаю, что в 1824 г. восстание против министра духовных дел и против Библейского общества и перевода священных книг образовали люди, водимые личными выгодами, которые, чтобы увлечь за собою других, благонамеренных, употребили не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумывали, и клеветали»³⁷.

У Филарета было собственное отношение к Библейскому обществу и к тому иноземно-инославному влиянию, которого, разумеется, он не мог не замечать или игнорировать. Протоиерей Георгий Флоровский отмечал, что несмотря на то, что Филарет «с таким вдохновением принял участие в работе Библейского общества», самая организация общества по инославному и междуисповедному началу «и смущала его»³⁸. Объяснение подобного смущения и даже скепсиса можно найти в известных записках Н.В. Сушкова: «Недоверчиво смотрел наш богослов на западные писания философско-религиозные и нравственно-философские, на учебники и издания Библии, встречая в них то “мудрствование по стихиям мира”, противопоставленное и даже порой вообще не христианское, то уроки

вольномудства, ведущие к своеволию, не признающие никакой власти и стремящиеся к самоуправству и безнаказанности, то, наконец, явное еретическое учение»³⁹.

Отсутствие резкого противодействия в отношениях Филарета к негативной деятельности Библейского общества митрополит Иоанн (Снычев) объясняет «сдержанностью его характера и разумной осторожностью»⁴⁰. Действительно, в одном из писем Филарет изложил основные критерии, которыми он руководствовался: «Не быв призваны, не бросайтесь; имейте ревность, но берегитесь дерзости»⁴¹. При этом, не взирая на сильную оппозицию, Филарет отстаивал необходимость продолжения перевода Библии на русский язык и ту духовную пользу, которое может оказать издание «писанного Слова Божия». Защищая Общество и его труды от нападок, святитель задавался вопросом, «какой духовный плод принесло сокровище писанного Слова Божия в руках Библейского общества»:

«Посмотрите: во всех всякого рода училищах теперь читают Слово Божие; люди, которые не читали ничего или читали по большей части бесполезное или вредное, теперь читают Слово Божие; в жилищах, где преступники учили друг друга новым преступлениям, читают Слово Божие; народы, которые Иисуса Христа едва умели назвать или даже совсем не знали, начинают читать Слово Божие и познавать своего Спасителя. Не видите, что не плевелы всходят?»⁴²

В речи, сказанной в собрании московского отделения Общества 24 марта 1824 г., за два месяца до падения «двойного министерства» и отстранения князя Голицына, Филарет, невзирая на развернувшуюся против Общества кампанию, продолжал отстаивать его цели, которые считал «бесспорно нравственными и духовными»⁴³, и признавал невозможным объективно исчислить «нравственную прибыль Библейского общества христианскому и человеческому обществу»:

«Сей отчет, – говорил он в собрании 1824 г., – получают в свое время потомки... Сеющие семя Слова Божия сеют для вечности, не поздно будет, если сильный всход постоянного более окажется во втором, нежели в первом роде, от семени, которое падет на мягкую землю юных сердец при улучшенном воспитании»⁴⁴.

Протоиерей Г. Флоровский, целиком разделявший позицию Филарета, считал «созидательные последствия библейской работы очевидными и достоверными» и подчеркивал, что «издание русской Библии отвечало несомненной потребности, утоляло действительный “глад слышания слова Божия”, как выражался Филарет»⁴⁵. По справедливому замечанию историка, «борьба за русскую Библию была борьбою за свободу православной мысли и за свободу благочестивого любознания», и в этом он видит «великое дело Филарета Московского»⁴⁶.

О характере протестантского миссионерства. В действующем в России Библейском обществе имело место непосредственное соприкосновение двух различных тенденций, двух различных друг от друга христианских культур – протестантской и православной, первую из которых представляли сотрудники Британского библейского общества, участвовавшие в создании общества в России, Патерсон, Пинкертон и позже присоединившийся к ним Гендерсон, «ревностные агенты лондонского Общества», служившие проводниками его влияния⁴⁷; представителями православной культуры и носителями православной духовности – российские иерархи и их ближайшие сотрудники.

Первые англичане, появившиеся на филаретовском горизонте, о которых, к сожалению, известно не так уж много, были личностями во многих отношениях примечательными. Во время существования Библейского общества в России все заботы, связанные с издательским делом, взял на себя пастор Джон Патерсон. Он «заведывал печатанием книг, заготовлением материалов для оного, типографией, книгохранилищем, распределением и рассылкою экземпляров – с 1813 по 1822 г. безмездно, и только с 1822 г., когда лондонское Общество прекратило свое пособие ему, с вознаграждением по 6000 р. в год»⁴⁸. Его неутомимое служение делу распространения Писания высоко ценилось членами Российского библейского общества. В отчете за 1818 г. было сказано: «Постоянные труды в управлении сим делом г. Патерсона суть *превыше всякого воздаяния со стороны человека*»⁴⁹. Когда Лондонское общество в 1822 г. перестало платить Патерсону пособие, князь Голицын, ходатайствуя за

него перед Комитетом Библейского общества, дал следующую оценку трудам пастора: «Все сие важное и многотрудное дело с самого учреждения Комитета лежало на почтенном сочлене и сотруднике нашем пасторе Патерсоне, без всякого прямого с его стороны к тому обязательства: единое его неограниченное усердие к делу библейскому и христианская ревность к размножению книг слова Божия между ближними нашими служили ему сильнейшим побуждением к деятельности; бескорыстная скромность заставляла его производить все сие не только в безмолвной с своей стороны тишине, но даже отклонять все, что могло послужить к некоему оглашению необыкновенных его трудов и забот, подъемлемых и переносимых им единственно из любви к Богу, для служения человекам в деле, только для них полезном и спасительном»⁵⁰. В 1827 г. жалование, получаемое Патерсоном, с закрытием Общества было «обращено ему в пенсион, в вознаграждение усердного четырнадцатилетнего служения и многих полезных трудов, подъятых им для комитета РБО, с Высочайшим повелением выдавать ему такой пенсион во всяком месте его пребывания, как здесь, в России, так и в чужих краях, где он изберет себе жительство»⁵¹.

Роберт Пинкертон, в отличие от своего соотечественника, занимался преимущественно внешними делами Общества, предпринимая в качестве сотрудника Британского общества путешествия по России и Европе, занимаясь устройством филиалов, комитетов, товариществ и проч. для распространения действий библейских обществ. Главными центрами, на которые опиралась его деятельность, были Лондон и Петербург⁵². В 1814 г. Пинкертон участвовал в создании Библейских обществ в Амстердаме, Берлине, Ганновере, Дрездене, Варшаве. Затем вернулся в Санкт-Петербург, где, помимо славянской Библии, участвовал в издании Библии на грузинском языке, а в следующем, 1815 г. занимался изданием Библии на болгарском, греческом и турецком языках. После того, как в 1816 г. были изданы оба варианта славянской Библии, Пинкертон, по поручению руководства Британского общества, совершил длительную поездку по России, во всех городах посещая больницы, храмы, тюрьмы и другие места, где бесплатно распространял книги

Священного Писания. Выехав 22 марта 1816 г., он посетил Москву, Тулу, Воронеж, Таганрог, Феодосию, Бахчисарай, Одессу, Кишинев. В Санкт-Петербург он возвратился в декабре 1816 г.

25 мая 1818 г. он отправился в новое путешествие – через Беларусь и Литву, посетив Гатчину, Лугу, Боровичи, Псков, Полоцк, Витебск, Минск, Могилев, Оршу, Борисов, Вильно, Тракай, Росиену, Шауляй, Поланген, Кенигсберг, Мариенвердер, Торн, Познань, и потом через всю Европу добрался до Лондона. В 1819 г., посетив ряд государств Южной Европы, Пинкертон через Италию и Мальту, отправился в Грецию, Архипелаг и Константинополь. «Везде он или распространял сведения о Библейских обществах и их деятельности, или даже основывал их, как в Мальте, в Корфу, или искал новых путей для библейской пропаганды, заботился о новых переводах Св. Писания и т.д.»⁵³.

На Православном Востоке ему удалось заинтересовать греческих иерархов целями Библейского общества, и он несколько месяцев занимался устройством новых обществ в Корфу, Кефалонии, Афинах, «вел переговоры о новых переводах и изданиях, например, албанском переводе, издании турецкого Нового Завета греческими буквами (иметь такое издание желал Патриарх Иерусалимский)»⁵⁴. Была достигнута договоренность и о переводе Библии на болгарский язык.

В связи с распространением переводов Библии среди народов Османской империи, Пыпин восклицает: «Англичанин, иностранный агент Британского общества, является здесь деятелем славянского возрождения. Со своей религиозно-филантропической точки зрения он указывает новую цель для русского Библейского общества на Православном Востоке»⁵⁵. Однако, если трезво подойти к деятельности «петербургских англичан» как в России, так и за ее пределами, то восторженный отзыв об «их бескорыстной ревности», который дается в работе Пыпина, покажется неубедительным. Насколько действительно *филантропической* была их миссия – вопрос неоднозначный. Обращает внимание тот факт, что свою миссионерскую работу англичане из Британского библейского общества начинали там, где в скором времени разворачивались серьезные международные

военные конфликты и перевороты, так сказать, «в зоне повышенной опасности», которая оказывалась в фокусе общеевропейского, в том числе британского дипломатического внимания. Само основание Библейского общества в Петербурге Ю.Е. Кондаков связывает с раскладом политических сил в Европе, утверждая, что «развитию английских учреждений в России мешал вынужденный союз с Францией; не случайно приезд эмиссаров Английского библейского общества, пасторов Патерсона и Пинкертона, в Санкт-Петербург совпал с началом военных действий»⁵⁶.

Не исключаем, что и посещение Пинкертоном Греции и Константинополя незадолго до Греческого восстания 1821 г. было предпринято с двоякой целью – весь регион, где миссионер усиленно насаждал новые библейские общества под патронатом общества Британского, в ближайшем будущем войдет в сферу приоритетных интересов Британской империи. Забегая вперед, можно упомянуть деятельность другого, также британского, миссионерского общества – Лондонского общества по распространению христианства среди евреев (*The London Society for Promoting Christianity amongst the Jews*), действовавшего в Иерусалиме с 1820 г., которое имело в виду прежде всего внешнеполитические задачи и действовало в интересах британской дипломатии, используя церковный фактор в качестве основного инструмента влияния в Средиземноморье. Так же впоследствии работали в Палестине, Сирии и Египте учрежденные в Великобритании всевозможные «филантропические» и научно-археологические общества, под видом раскопок и научных исследований осуществлявших топографическую съемку местности стран библейского региона. И вновь вспоминаются наши «петербургские англичане», на этот раз Гендерсон и его книга «Библейские исследования и путешествия по России», вышедшая в Лондоне в 1826 г.⁵⁷

Покинув Россию в 1823 г., Пинкертон оставался координатором по распространению библейских обществ в Европе. В 1825 г. он инспектировал работу Библейских обществ в Нидерландах, Ганновере, Саксонии, Бадене, Гессене, Дармштадте, Франции и Пруссии. С мая 1830 г., как сотрудник Библейского

общества Германии и соседних стран, занимался изданием Библии во Франкфурте. Он посещал Австрию, Швейцарию, Венгрию, Польшу и другие страны, которые как раз в то время переживали новые революционные потрясения.

Пинкертон о русских митрополитах в его книге о России. В 1833 г. Пинкертон издал в Лондоне книгу под названием «Россия, или разные наблюдения относительно прошлого и настоящего этой страны и ее обитателей. Составлено по заметкам, сделанным во время путешествий, в разное время, при выполнении заданий Библейского общества и многолетнем проживании в этой стране»⁵⁸. Часть книги посвящена истории России, но особое внимание уделено Российскому библейскому обществу.

Некоторые изложенные в книге сведения – о Русской Церкви, ее истории, административном устройстве и проч. – стали известны Пинкертону благодаря беседам с архимандритом, а затем епископом и архиепископом, Филаретом на протяжении нескольких лет, проведенных автором в России, а также их переписке. Пинкертон отдает честь усердию и работоспособности святителя, его отзывы проникнуты уважением и глубокой почтительностью: «Филарет был одним из наиболее неутомимых тружеников в работе Библейского общества в целом и особенно в переводе Священного Писания на современный русский язык; и никто не мог бы радоваться более искренне, чем он, увидев этот институт возвращенным к его первоначальной деятельности и полноценности»⁵⁹.

При этом есть в книге Пинкертона и явные натяжки. Так, когда он приводит рассуждения митрополита Платона из его «Сокращенной христианской богословии» о почитании икон или обращении к молитвенной помощи святых, то абсолютно здравая православная позиция Платона в этих неприемлемых для протестантского сознания вопросах подвергается обвинениям в якобы «слабой защите» и откровенно переиначивается в выгодном для английского читателя свете.

Собственное же, типичное для протестанта отношение к иконопочитанию в России миссионер выказал в своей книге о России при описании псковской крестьянской избы:

«В избах простонародья красный угол почитается семейным алтарем, и именно здесь, на небольшой полке пред образами, несколькими годами позднее во многих домах появилась Библия, в той единственной части жилища, где можно узреть хоть какие-то признаки приобщенности к цивилизованному искусству. Иконы заботливо обрамлены окладами, иногда посеребренными или позолоченными... И как прискорбно при этом осознавать, что этот красный угол, этот семейный алтарь часто оказывается для грубых и невежественных крестьян (лишь некоторые из которых умеют читать) немногим лучше капища идолов! Увы, иное им неведомо! Когда же я имел удовольствие лицезреть Библию на деревянной полке, посреди святых ликов, и слышать, как обитатели избы с волнением спрашивали о ее содержании одного из своих грамотных сородичей, то я понял, что истинное противоядие злу теперь обеспечено»⁶⁰.

Подобные иллюстрации должны были подчеркивать в глазах соотечественников Пинкертона актуальность британского миссионерства среди «невежественного» населения России:

«Что, кроме света божественного откровения, способно рассеять эту языческую тьму и указать жителям современной Плесковии единственный объект поклонения, единственного Посредника между Богом и человеком! <...> Насколько же важно вложить Библию в руки народа, подобного этому! Ведь в других местах, более или менее нам известных, такие зрелища тоже можно часто увидеть»⁶¹.

Подвергнув критике, а точнее, умолчав об учении митрополита Платона о молитвенной помощи святых и об иконопочитании в Православной Церкви, отметив лишь признание важности и авторитета Священного Писания как самим Платоном, так и его последователями, Пинкертона, опять-таки ради оправдания собственно прозелитических целей, утверждает следующее: «То, что такой принцип был решительно принят Платоном, Филаретом и многими тысячами клириков, получивших образование в духовных академиях и семинариях под их руко-

водством, позволяет надеяться на постепенное улучшение более чистого религиозного вероисповедания среди русских: и насколько далеко этот желанный объект был продвинут трудами Библейских обществ в этой империи, будущее поколение сможет в большей степени оценить, чем нынешнее»⁶².

Но и ранее, при издании своего перевода «Сокращенной христианской богословии» на английский язык, Пинкертон обозначил основные намерения Британского общества по отношению к России: «Автор полагает, – писал он в предисловии, – что настоящая публикация, представляя более точно, чем это было сделано до сих пор, учение и настоящее состояние Русской Церкви, возбудит в британской нации глубокие чувства христианской заботы о жителях этой обширной империи и внушит еще большие побуждения к неослабным усилиям и пламенной молитве за ее народ, с тем чтобы основная цель Санкт-Петербургского библейского общества была в скором времени достигнута, каждая семья стала обладать словом Божиим на своем собственном языке»⁶³.

Из приведенных цитат совершенно очевидно, что перед английскими агентами Библейского общества стояли вполне прозелитические задачи: «перевоспитание» и «просвещение» русского православного народа, с точки зрения англичан, темного, невежественного, неправильно исповедующего христианскую веру. Желая познакомить британское общество с наиболее яркими и авторитетными церковными деятелями Русской Церкви, Пинкертон пытался представить митрополита Платона, а также наиболее авторитетного его воспитанника Филарета, в наиболее выгодном для церковной Англии свете, сознательно расставляя акценты на тех мнениях российских богословов, которые не вызывали бы отторжения у приверженцев протестантизма. Излишне распространяться, что усилия Пинкертона не выдерживают никакой критики. Достаточно вспомнить, что еще в 1808 г., в присутствии митрополита Платона, при освящении Троицкой церкви в Махрищском монастыре, Филарет (в то время учитель высшего красноречия и риторики Троицкой семинарии Василий Дроздов), указывая на настенные фрески и храмовые иконы, обращался к присутствующим: «Не преврати-

лись бы для нас в идолов и сии священные изображения, если бы мы повергались перед ними в слепой надежде получить от них освящение, а не потому, что, читая сию открытую книгу таин благопознания и добродетелей христианских, возвышаемся духом в горня?»⁶⁴

Но если и допустить влияние на российское духовенство, в том числе и на ученое монашество, системы богословских взглядов митрополита Платона, который, по словам о. Георгия Флоровского, был «весь в новой России и в западном опыте»⁶⁵, то не будем забывать и того, что Платон в то же время «стремился сблизить богословие с жизнью»⁶⁶ и в поисках «живого и жизненного богословия»⁶⁷ первый ввел в московскую духовную школу изучение греческого языка и творений святых отцов Церкви, переписывался с преподобным Паисием (Величковским) и находился в переписке с лучшими иерархами своего времени – митрополитами Петербургскими Гавриилом (Поповым) и Амвросием (Подобедовым).

Даже допуская отчасти «внешнее влияние той “старопротестантской” богословской школы, в которой Филарет вырос и был воспитан», отец Г. Флоровский признает, что «это был скорее только условный язык эпохи, нежели действительная неточность или неверность созерцания»⁶⁸. И если Пинкертон ставит во главу угла исключительное внимание как Платона, так и Филарета к Священному Писанию, из чего приходит к заключению о их «правильном» (надо понимать, «протестантском», мировоззрении), то отец Георгий Флоровский выступает в защиту богословия Филарета от упреков в протестантизме, утверждая, что «под какими бы влияниями и впечатлениями не сложилась “система” Филарета, по внутреннему своему строю оно принадлежит святоотеческому типу»⁶⁹.

§ 2. Визит квакеров в 1818 г.

Англичане из Библейского общества были не единственными иностранцами, с которыми Филарету довелось иметь дело в Петербурге. В конце 1818 г. молодого викария посетили члены

«Общества друзей»⁷⁰ – квакеры Вильям Аллен и Этьен де Грелье де Мобилье.

Основателем «Общества друзей» был сын английского ткача Джордж Фокс (1624–1691), который, испытав в 1647 г. некое мистическое озарение, начал проповедовать учение о «внутреннем свете», о том, что «общение с Богом может происходить только посредством божественного откровения, жизнь христианина должна быть подчинена поиску внутреннего контакта с Богом; любой, кто обрел Христа в собственной душе (“the Christ within”) не нуждается в Церкви и ее религиозных атрибутах»⁷¹. Эти положения легли в основу вероучения «Общества друзей», члены которого отвергали церковные догматы, а написанию богословских сочинений предпочитали дневниковые записи, отравившие их духовную практику.

К моменту появления квакеров в России Общество имело довольно продолжительную историю, в том числе зарубежную – в его намерения, как, впрочем, и многих других британских обществ, вовсе не входило ограничиваться пределами «туманного Альбиона» и даже Нового Света, оно намеревалось проповедовать «общечеловеческую филантропию и смягчение нравов» везде, где это окажется возможным: «квакеры уже издавна задумывали планы пропаганды, которая ставила себе самые обширные цели: убежденные в истине своей *духовной религии*, они старались если не доставить ей всеобщее господство, то, по крайней мере, сделать ее принципы сколько можно более известными»⁷². Для этого они стремились выйти на самый высокий уровень: встречались и с Римским Папой, и с турецким султаном, и с европейскими монархами. Не было исключением и русский государь – еще в 1698 г. в период Великого Посольства состоялась встреча квакеров с Петром I в Лондоне. Как пишет Кеннингэм, «квакеры всегда стремились найти себе прозелитов между государями, и во время пребывания в Лондоне Петра двое из них успели получить доступ к этому удивительному человеку, в котором высочайший гений привился к самому дикому корню. <...> Они думали, что если бы им удалось сделать его квакером, то он держал бы в своих руках как правительство, так и религию великой Московской империи»⁷³. И хотя автор огова-

ривается, что «как ни кажется нам нелепой эта мысль, она вовсе не казалась нелепой для них», тем не менее, подобный способ вербовки «агентов влияния» оставался действенным и в последующее время — квакеров часто можно было видеть на дипломатических приемах, в великосветских салонах, при дворах монархов.

На рубеже XVIII–XIX вв. «Общество друзей» активно участвовало в различных миссионерско-просветительных программах – содействовало учреждению союзов воскресных школ и учебных заведений с преподаванием по Белл-Ланкастерской системе⁷⁴, Британского и Американского библейских обществ. «Под эгидой Библейских обществ (или без оной) друзья-миссионеры бороздят просторы, распространяют религиозные тексты и переводят их на разные языки»⁷⁵.

Особенно деятельную роль в квакерском «Обществе» играли прибывшие в Петербург в 1818 г. Вильям Аллен и Этьен де Грелье де Мобилье.

Вильям Аллен (1770–1843), выходец из семьи британских промышленников, получил солидное естественнонаучное образование, впоследствии состоял членом Королевского научного общества и занимал профессорскую кафедру в одном из химических заведений. В 1813 г. Аллен стал партнером известного социалиста-филантропа Роберта Оуэна⁷⁶, который желал работать именно с Алленом, зная, что он пользовался большим уважением в религиозном мире. В конце концов Аллен дал согласие присоединиться к делу Оуэна и совместно с ним участвовал в покупке деревни Нью-Ланарк, где предполагалось проведение широких нравственных преобразований. При этом Аллен, который «все строил на духовно-религиозном принципе», делом первостепенной важности считал введение религиозного образования в Нью-Ланаркской общине, основанной Оуэном. Имея непосредственное отношение к системе образования, Аллен был воодушевлен идеей распространения народного образования и его имя «тесно связывается с историей ланкастерской школы»⁷⁷. Несмотря на имевшиеся расхождения и несогласия, они долго оставались партнерами и окончательно разошлись лишь в 1828 г.

Этьен де Грелье де Мобилье (Etienne de Grellet de Mobillier), (1773–1855), выходец из французской аристократической семьи, в 1792 г., скрываясь от преследовавших его семью французских революционеров, вступил в роялистскую армию, был взят в плен, но сумел бежать в Голландию и после трехлетних скитаний эмигрировал в Северную Америку. В Нью-Йорке бывший католик Этьен де Грелье, а теперь американец Стефан Грелье познакомился с квакерами и увлекся сочинениями известного квакерского деятеля Вильяма Пенна. В 1796 г., после ряда сверхъестественных видений, обратился к религии и вступил в члены «Общества друзей».

Отныне он видел смысл своей жизни в «служении страждущим и религиозном миссионерстве»⁷⁸. Неотъемлемой частью жизни Грелье стали продолжительные миссионерские поездки по американскому континенту и Европе. Он отправлялся в такие места, где свирепствовала лихорадка, ухаживал за больными, помогал хоронить мертвых, проповедовал в таких тюрьмах, куда никто не отваживался входить. Неоднократно, оставив семью в Соединенных Штатах, он отправлялся в Старый Свет, проповедовал в Англии, путешествовал по Европе. «Это был настоящий странствующий рыцарь религиозной проповеди и филантропического самоотвержения»⁷⁹. Современники называли его «современным квакерским апостолом» и считали уникальной личностью эпохи⁸⁰.

Как и миссионеры Британского библейского общества, Аллен и Грелье сумели снискать благосклонность Александра I, первая встреча с которым состоялась летом в 1814 г. в Лондоне, куда император прибыл из Парижа на совещание европейских монархов. К этой встрече квакеры готовились заблаговременно – на годовом собрании в мае 1814 г., когда были получены известия о посещении Англии монархами союзных держав, «Грелье подал мысль, что это был бы благоприятный случай внушить им, что царство Христа есть царство справедливости и мира»⁸¹. К королю Прусскому и императору Александру Общество делегировало Вильяма Аллена, Стефана Грелье, Джона Вилькинсона и Люка Говарда. Представленные императору посланником в Лондоне князем Х.А. Ливеном, они встретили у

российского императора самый теплый прием. Последовал ряд встреч и бесед, свидетельствовавших об интересе императора к учению квакеров. Вилькинсон в письме от 21 июля 1814 г., в котором он делится впечатлениями о встречах с Александром I, приводит слова императора, обращенные при прощании к квакерам: «Каким образом никто из людей вашего общества не был в России? Если кто-нибудь отправится в мою страну по религиозным предметам, пусть он не ждет представления, а приходит прямо ко мне; я буду рад видеть его»⁸². Слова русского монарха не могли быть восприняты иначе как приглашение посетить Россию.

В середине 1818 г. Грелье вновь приезжает в Англию, откуда совместно с Алленом предпринимает путешествие по Северной Европе. В Швеции они не преминули воспользоваться случаем встретиться с шведским королем, оказавшим им любезный прием. 12 ноября 1818 г. квакеры прибыли в Петербург, и хотя император был в отъезде, он письменно просил князя Голицына «принять квакеров как его друзей и удержать их до его возвращения»⁸³. Гостям предоставили возможность ознакомиться с работой различных государственных и общественных учреждений – школ, больниц, тюрем. Квакеры были представлены влиятельным членам Российского библейского общества: министру внутренних дел О.П. Козодавлеву, княгине С.С. Мещерской, графу К.А. Ливену, старшему брату посланника в Лондоне, секретарю общества В.М. Попову. На протяжении всего своего пребывания в России (с 12 ноября 1818 г. по 8 июля 1819 г.), из которого четыре месяца они провели в Петербурге, квакеры общались с теми же представителями высшего света, дорога к которым была уже проложена Пинкертоном и Патерсоном, имя которого неоднократно встречается на петербургских страницах мемуаров Грелье. По рекомендации князя Голицына квакеры посетили также первоприсутствующего члена Святейшего Синода митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Михаила (Десницкого) и его викария, Ревельского епископа Филарета (Дроздова).

В одном из писем Грелье с восхищением пишет о Петербурге, как о «прекрасном месте, столице великой империи», в ко-

торой им «предстоит многое сделать», и что им открыт вход «ко многим замечательным умам»⁸⁴. «Из наших частых встреч с великими и общественными лицами, а также видя распахнутые перед нами, по Божьему промыслу, двери, могут сделать вывод, что мы – на королевском коне»⁸⁵.

Интересные свидетельства о пребывании Грелье и Аллена в России сохранились в их дневниках⁸⁶. Важнейшим источником по истории квакерского движения являются «Мемуары» Грелье, вышедшие в Англии в 1862 г. Но еще до появления в печати фрагментов из «Мемуаров» в переводе И.Н. Осинина (1874 г.)⁸⁷ были опубликованы заметки Н.В. Сушкова о квакерах и их знакомстве с петербургскими иерархами – митрополитом Михаилом и епископом Филаретом (Дроздовым)⁸⁸. Эта встреча, состоявшаяся 14 декабря 1818 г., произвела на иноземных проповедников, насколько можно судить по дневниковым записям Грелье, сильнейшее впечатление. Грелье был ошеломлен торжеством оказанного им приема, убранством митрополичьих покоев, пышностью облачения: «Михаил в тиаре (конечно в белом клобуке, украшенном алмазным крестом), с панагией на шее, с четками в руках и звездой на груди произвел на него странное впечатление: он видел в нем первосвященника Иудейского!.. Впрочем, квакер остался доволен его с ним беседою, разумеется, приветливой и, можно прибавить, осторожной. Воспитанник “Дружеского общества” должен был знать мнения, обычаи и странности члена “Общества Друзей”»⁸⁹.

На этом фоне посещение квакерами епископа Филарета кардинально отличалось от визита к митрополиту. «Его апартаменты отличались большой простотой, как келья монаха, чему соответствовало небольшое количество мебели; его одежда походила на облачение греческого духовенства»⁹⁰. Резительный контраст отмечает и Сушков: «Сколько праздничная одежда митрополита, его пространные залы, не без украшения, с портретами, с канделябрами, с покойной мебелью, не удовлетворили простоте вкусов и привычек квакерских, столько же Грелье был доволен необширными покоями викария Филарета, без всякого убранства и с простою, необходимою только мебелью, “как мо-

нашеская келья”. Молодой епископ был одет по будничному, и это также было гостю любо»⁹¹.

Грелье оставил лаконичный, но емкий духовный портрет Филарета, которому только что исполнилось 36 лет: «В нем было заметно большое смирение. Он был известен как благочестивый и духовный человек. Мы думаем, по нашим собственным наблюдениям и по тому, что нам говорили, что он заслуживает эту репутацию»⁹². К сожалению, Грелье не оставил подробной записи их беседы, но по контексту записанных в дневнике фрагментов можно составить представление о затронутых вопросах. Прежде всего, разговор шел о деятельности Российского библейского общества и о тех переводах Нового Завета, которые осуществлялись под непосредственным руководством епископа Филарета (на момент пребывания квакеров в Петербурге шла работа по переводу на русский язык Четвероевангелия, который был окончен к марту 1819 г., а сам Филарет трудился над переводом Евангелия от Иоанна).

Назвав Филарета «человеком науки, знакомым со всеми мертвыми и восточными языками», Грелье записывает его высказывание о том, «что изучение древних языков может облегчить понимание того, что написано, но что только Дух Божий может дать истинное суждение о божественных предметах, потому что они могут быть познаны только духовно»⁹³. Позже, Филарет в своем Катихизисе, касаясь богодухновенности Священного Писания, писал, что оно состоит из «книг, написанных Духом Божиим, чрез освященных от Бога людей, называемых пророками и апостолами», и «понимать оное должно согласно с изъяснением Православной Церкви и святых отец»⁹⁴, то есть вполне строго и церковно, без понятных в беседах с протестантами упований на «понимание в Духе».

Разговор коснулся и вероисповедных особенностей учения «Общества друзей», противопоставлявших *живую веру* церковной традиции, отвергавших таинства и обряды. Епископ Филарет, по-видимому, был знаком с этими положениями квакерского учения, потому что, как отмечает Греллет, он «очень деликатно выразил желание узнать, почему мы отказываемся от общего для всех христиан обычая приобщаться Святых Христо-

вых Таин, от Евхаристии»⁹⁵. Аллен и Грелье изложили, что, по их мнению, значит жить во Христе, быть истинным христианином, в соответствии с определением Священного Писания, после чего, вернувшись к вопросу, отвечали, что «хлеб, живой хлеб, которым христиане должны питаться в действительности, а не призрачно, значит жить по Христу, посредством Духа, и это есть единственно живой хлеб души, эта единственная пища питает ее для вечной жизни»⁹⁶.

В ответ на это, как записано в дневнике Грелье, Филарет сказал: «Среди нас были пустынножители, которые по разным причинам жили полностью отделенными от мира и которым было бы невозможно участвовать ни в приобщении тела и крови Христовой (в тексте – “хлеба и вина”), ни в других Божественных богослужениях, но которые, тем не менее, в своем уединении были действительно питаемы Господом нашим Иисусом Христом духовно, через их живую веру в Него. Они не имели ни мест для богослужений, чтобы посещать их, ни того, кто бы служил им, но Господь Иисус Христос, Священник алтаря, был их служителем, и их богослужение было в Духе и в истине»⁹⁷.

Эту запись из дневника Грелье, слишком квакерскую по своему смыслу, легко заподозрить в квакерском толковании и гораздо труднее с полным доверием приписать православному епископу. Она полностью подтверждает отношение к Евхаристии самого автора, который придерживался мнения, что «только крещение Духом Христовым позволяет истинно участвовать в Его вечери и питаться Хлебом жизни, вкушая который, человек будет жить вечно, в отличии от манны, которую вкушали иудеи и умерли, и хлеба, которого многие христиане так часто причащаются, называя это Вечерей Господней, и все еще продолжают умирать в грехах и прегрешениях»⁹⁸.

Мы располагаем и позднейшим комментарием к записи Грелье самого митрополита Филарета, записанным Сушковым, который, получив от издателя «Русского архива» П.И. Бартенева французскую рукопись «Мемуаров», зачитывал выдержки из них святителю. «Здесь, – вспоминал позже Сушков, – как заметил мне владыка, прослушав эту запись, Грелье неверно истолковал его <Филарета> слова. Он объяснял ему историческими

примерами, что и в пустыни некоторые из отшельников удостоивались приобщения пред смертью, но *не непосредственно, или в духе*, по квакерским понятиям, а *видимо, при посещении их священнослужителем*, случайно ли, по слуху ли о болезни и т.д., всегда же по устроению Божию. Таким образом, “служитель алтаря был их служителем”, т.е. свидетелем последней их исповеди и подателем напутственной им Евхаристии. Так “богодвижимый” Зосима пришел на помощь к Марии Египетской. Эта мысль подробно изложена им в одной из проповедей⁹⁹. Действительно, в проповеди, произнесенной митрополитом Филаретом 24 мая 1836 г. на освящении соборного храма Пресвятой Троицы в Клину святитель, надо полагать, воспроизводит те же слова и мысли, которые когда-то, а именно 14 декабря 1818 г., приводил квакером¹⁰⁰.

Имея возможность сравнить подлинное высказывание Филарета с записью, оставленной в Мемуарах, заметим, что Грелье интерпретирует слова Филарета о главном таинстве Православной Церкви в соответствии с учением квакеров. Приведенный фрагмент беседы квакеров с епископом Филаретом, пожалуй, более других убеждает в том, что от дневниковых записей Грелье, как, впрочем, и от книги Пинкертон о России, нельзя ожидать какой-либо объективности – в рассказе квакера о посещении святителя Филарета весьма заметно превалирует его личное восприятие, те коррективы, которые он вносит в слова собеседника, представляют, скорее учение «Общества друзей», якобы разделяемое авторитетными российскими иерархами.

Грелье считает необходимым упомянуть, что «Филарет провел много реформ в духовенстве, что император, который знает его заслуги, очень ему доверяет, и именно ему доверено выбрать людей, наиболее уважаемых за их благоговение и духовность, которые призваны занять важные места в Греческой Церкви и быть поставленными во главе больших школ, которых в империи несколько и которые поддерживаются правительством»¹⁰¹. О влиятельности викарного епископа упоминает в своих воспоминаниях и Вильям Аллен, который указал на запрещение, «по его влиянию», переиздания книги «О должностях человека и гражданина», изданной еще в 1783 г. Комментируя

замечание Аллена, Сушков вспоминал, что «не без повода, не из человекоугодия, взялся он (Филарет) за просмотр давней книги. Начальство, т.е. князь А.Н. Голицын, возложил на него скучный труд перебирать старые грехи. И запрещена она не Филаретом и не главным правлением училищ, а министром духовных дел и народного просвещения, с разрешения которого, а не сам по себе, он и мог сказать о ней свое мнение»¹⁰², которое сводилось к тому, что «обязанности человека и гражданина изложены <...> “по философским началам, всегда слабым”»¹⁰³.

Как и Грелье, Вильям Аллен уделил беседам с митрополитом Михаилом и его викарным епископом особое внимание. Филарет назван им «следующим по авторитету» после митрополита Новгородского, который «целиком возглавляет образование духовенства и выглядит очень набожным человеком». Содержание же самой беседы передано им весьма кратко, и едва ли можно воспроизвести по его запискам весь ход разговора. В частности Аллен отметил, что «епископ, как и митрополит, задавал вопросы с величайшей деликатностью и кротостью, и одним из них было замечено, что праведники никогда не получали предписаний извне, но и не нуждались в них, поскольку наслаждались общением духовно, тем не менее когда обстоятельства позволяли, они считали своей обязанностью исполнять правила»¹⁰⁴.

Последняя встреча квакеров с епископом Филаретом состоялась 9 марта 1819 г. перед их отъездом из Петербурга в южную Россию. Их сопровождал В.М. Попов, личный секретарь князя Голицына и одновременно секретарь Российского библейского общества, выступавший в качестве переводчика во время аудиенций с иерархами. «Мы, – вспоминал Аллен, – испытывали драгоценные чувствования, проведя в монастыре около четырех часов. Наш друг Попов был очень доволен беседой, и мы также испытывали большое удовлетворение»¹⁰⁵. Грелье также отметил, что встреча «была очень торжественной и полной переживаний»¹⁰⁶; Филарет, как всегда, был дружелюбен и обходителен, «свободно и с христианской любовью рассказывал о своих занятиях и христианских заботах»¹⁰⁷.

Грелье также упоминает о том, что, надо полагать, было для него наиболее значимым, а именно, что они провели несколько

благоговейных мгновений и испытали чувство духовной общности. По поводу выражения Грелье о том, что их «осенило крещение истиной»¹⁰⁸, Сушков с понятным скепсисом задается вопросом, «насколько верно переданы беседы квакеров с твердо православным архиереем, насколько могли понять они истинный смысл его выражений, насколько должно отнести их ощущения и выводы к обычным им взглядам и убеждениям, под впечатлением которых они себе все объясняют со своей квакерской точки зрения на людей, на религию, на события?»¹⁰⁹.

Аллен, которому сентиментальность была, по-видимому, менее свойственна, чем его компаньону, при описании прощальной встречи с Филаретом упоминает об участии квакеров в организации ланкастерских школ, а именно подготовке для них учебных пособий. Если же принять во внимание, что и в дневнике Грелье встречаются упоминания об обозрении школ взаимного обучения, то можно видеть, что квакеры, по-видимому, не без помощи министра народного просвещения О.П. Козодавлева и члена Комитета по устройству учебных заведений графа К.А. Ливена имели прямое отношение к созданию в 1819 г. Санкт-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения, в результате деятельности которого в последующие годы Белл-Ланкастерская система, широко распространенная в Британской империи, начинает применяться в целом ряде российских учебных заведений.

Из записок Аллена видно, что к новой школьной программе был привлечен и преосвященный Филарет. «Мы нашли, – пишет Аллен, – что он получил подготовленные нами “Уроки по Священному Писанию” (“the Scripture Lessons”), и перерабатывал их на русском языке. Он выражал свою благодарность за то, что мы были посланы сюда, чтобы дать ход этому важному делу, и высказал мысль, что после того как “Уроки” будут напечатаны отдельным изданием в форме небольшой брошюры, они должны бы быть опубликованы для употребления в общеобразовательных школах и для распространения по всей России»¹¹⁰.

Действительно в том же 1819 г. Главное правление училищ издало пособие «Таблица чтения из Священного Писания, церковной и гражданской печати», под именем высокопреосвящен-

ного Филарета. Вскоре книга вышла в Англии, в переводе на английский язык¹¹¹. Впрочем, как отмечает Сушков, ланкастерские таблицы были всего лишь эпизодом в бесконечной череде филаретовских обязанностей: «Он так мало ценил свои таблицы, что, вероятно, и забыл о них: в продолжение сорокалетних рассказов мне о былом, он ни разу, хотя бы мимоходом, не вспомнил о них, как и о самих квакерах»¹¹². Но эти слова были написаны полвека спустя, а тогда, в марте 1819 г., викарный епископ Филарет (не пройдет и недели, как он будет возведен в сан архиепископа Тверского с назначением членом Святейшего Синода), прощаясь с квакерами, найдет для них самые теплые слова и оставит о себе добрую память.

После трогательного прощания с Филаретом, квакеры получили от него несколько рекомендательных писем к лицам, известным своей духовностью¹¹³, и в числе прочих к его бывшему ученику архимандриту Макарию (Глухареву). После встреч с митрополитом Михаилом, епископом Филаретом и другими представителями российского духовенства, Грелье писал: «Удивительно, насколько больше живой религии у некоторых высокопоставленных духовных лиц Греческой Церкви, чем среди папистов. Как правило, их образ жизни проще; к тому же те, которых мы встречали, отличались благоговением»¹¹⁴.

Проведя четыре месяца в Петербурге, 16 марта 1819 г. квакеры отправляются в путешествие по южной России и Крыму. Из дневника Грелье известно, что «в Новороссийском крае они раздавали Библии, изучали расколы методистов и молокан, познакомились с попечителем колоний южного края И.Н. Инзовым и с аббатом Никодем»¹¹⁵, посетили Симферополь, Севастополь, Перекоп, Феодосию, Николаев, Херсон, Одессу. 8 июля 1819 г. квакеры отплыли из Одессы в Константинополь. Грелье записал в дневнике: «Я испытываю чувство глубокого удовлетворения, оглядываясь на те разнообразные религиозные труды, которые я понес в этой империи»¹¹⁶.

Отметим тот факт, что отправившись из России в Константинополь¹¹⁷, а оттуда в Грецию и на Ионические острова, квакеры практически повторяли путь следования Роберта Пинкертона, да и время их путешествия по турецкому Востоку факти-

чески совпало с пребыванием там британского миссионера: в дневниковой записи от 28 августа 1819 г. по приезде в Афины Грелье упоминает о встрече с Пинкертоном, направлявшимся обратно в Константинополь¹¹⁸. Как можно видеть из приведенных фактов, члены Общества друзей, наряду с агентами британского и американского Библейских обществ, действуя с прозелитическими целями и используя церковные каналы, прокладывали своим соотечественникам торную дорогу на турецкий Восток, где к тому времени уже существовала достаточно развитая британская консульская сеть, что хорошо иллюстрируется дневниковыми записями Грелье.

Грелье и Аллен расстались на Мальте в октябре 1819 г. Грелье отправился в Италию, «в Риме он беседовал с Папой, провозглашал в его дворце свободу совести и внушал святому отцу, чтобы он отказался от своего мнимого главенства над Церковью»¹¹⁹. Из Англии Грелье возвратился в Америку. О Вильяме Аллене известно, что спустя три года, в конце сентября 1822 г. он встречался с Александром I в Вене, где приобрел большую известность. Тогда же он наносил визиты дипломатам, особенно князю Эстергази и герцогу Веллингтону¹²⁰, а затем, по их совету, отправился в Верону, где дважды имел встречи с Александром и внушал ему свои представления о веротерпимости. «Император полагал, что если сектаторы нападают на господствующую религию, то власть должна вмешаться, но квакер не соглашался с этим и изложил взгляд своей секты о полной свободе в предметах религии. Концом их бесед и теперь, как прежде, было молчание, в ожидании осенения Святого Духа, и молитва»¹²¹. Судя по всему, изначальная стратегия Общества друзей – искать «прозелитов между государями» – осталась той же, что и во времена Петра I. Путешествуя по Европе, России и Православному Востоку, квакеры не упускали случая оказаться в центре политической жизни, среди сильных мира сего, их собеседниками становились как монархи, так и представители государственной, дипломатической (вспомним, к примеру, встречу Р. Пинкертона с князем Меттернихом в 1816 г.) или духовной элиты. Об этом выразительно свидетельствуют

дневниковые записи Этьена де Грелье, значительная часть которых посвящена пребыванию квакеров в России.

Подводя итог обзору ранних «протестантских» контактов святителя Филарета, связанных главным образом с деятельностью Российского библейского общества в Петербурге, отметим, что, несмотря на скудость информации, они позволяют сделать некоторые выводы о характере британского и американского прозелитизма 1810–1820-х годов, когда Александр I, лично руководивший дипломатией, при едва наметившемся потеплении русско-британских отношений открыл перед английскими, а вслед за ними и американскими миссионерами широкие возможности для ознакомления с государственной, дипломатической, культурной и религиозной сферами российской жизни, чем они не преминули воспользоваться. Вслед за Пинкертоном, Патерсоном и Гендерсоном следовали Грелье, Аллен и многие другие, имея карт-бланш от первых лиц государства, используя каналы, налаженные своими предшественниками, преследуя собственные религиозные интересы и задачи.

Что касается личного знакомства Филарета с представителями протестантского миссионерства, можно сказать, что его ранние петербургские встречи сначала с британскими агентами Библейского общества, а затем и с квакерами стали первыми звеньями в последующей цепочке контактов с английскими и американскими церковными деятелями. Вопреки поверхностному и излишне категоричному мнению Н.В. Сушкова, что они остались будто бы случайными эпизодами, о которых святитель никогда больше не вспоминал¹²², полагаем, что этот первый опыт его знакомства с протестантским миром заслуживает самого пристального внимания.

Соприкасаясь с миссионерами лишь в той мере, какой требовала его деятельность в Российском библейском обществе, как с Пинкертоном и Патерсоном, или по желанию своих высоких покровителей, императора Александра и князя Голицына, как в случае с квакерами, Филарет представлял в своем лице российскую иерархию и не мог не чувствовать ответственности за формирование отношения со стороны иностранцев к Русской Церкви и ее духовенству. Он не считал нужным уклоняться от

бесед или дискуссий по вопросам конфессиональных различий, участвуя в них с той неизменной сердечностью и доброжелательностью, о которой упоминали в своих воспоминаниях квакеры и которая была впоследствии отмечена едва ли не всеми иностранцами, удостоившимися беседы с московским архипастырем. Можно, конечно, предположить, что гостеприимство Филарета связано с рекомендациями князя Голицына, за которым стоял сам император. Квакеры были гостями Александра I, и епископ Филарет, как, впрочем, и митрополит Новгородский Михаил, не мог не принять их соответствующим образом. «Я нарушил бы все обязанности гостеприимства, – сказал он однажды, – если бы со всем вниманием не принял монаха и иностранца»¹²³. Но, думается, помимо соображений элементарной вежливости, Филарет с присущей ему открытостью к различным проявлениям духовной жизни, не без личного интереса вступал с ними в знакомство, открывая в непосредственном общении много для себя нового и полезного.

Кроме того, общение с инославными миссионерами знакомо Филарету и с организацией миссионерской работы западных религиозных учреждений. Впервые соприкоснувшись с деятельностью британских обществ, Филарет не мог не отметить той щедрой материальной поддержки, которую оказывали они своим членам и агентам, а также деловых качеств самих миссионеров – их неутомимости, целеустремленности и взаимопомощи, а также постоянной готовности к дальним путешествиям. Неутомимый труженик на церковной ниве, где «жатвы много, а делателей мало», Филарет не мог не симпатизировать энтузиазму протестантских миссионеров, приносивших в жертву религиозному делу личный покой и безопасность. Знакомство с западными миссионерами, безусловно, скажется на отношении московского митрополита к делу православного миссионерства в целом. Не случайно именно он на протяжении многих десятилетий будет впоследствии оказывать помощь православным духовным миссиям, в каких бы отдаленных краях – в России и за границей – они не учреждались.

Существует и еще один момент, существенный для понимания характера контактов святителя Филарета с иностранцами. В

своих мемуарах после одной из последних встреч с преосвященным Филаретом Аллен записал, что находит «греческое духовенство чрезвычайно либеральным и толерантным, в том случае, если о их правилах, обрядах и веровании не говорится ничего непочтительного»¹²⁴. На наш взгляд, дело здесь вовсе не в либеральности или толерантности. Открытость святителя, его готовность к диалогу, к обсуждению догматических и канонических различий также носили прежде всего миссионерский характер: он не утаивал от собеседников сокровищ своей веры. К сожалению, открытость Филарета к богословскому диалогу в совместной работе с членами Библейского общества имела для него и обратную сторону – до наших дней существует мнение о его якобы протестантизме.

С другой стороны, в Великобритании, где, благодаря Пинкертону и квакерам стало известно о влиятельности и авторитетности московского митрополита, неумеренные похвалы его толерантности искажали истинный образ святителя и невольно вводили в заблуждение тех, кому впоследствии предстояло иметь дело с митрополитом Филаретом по тем или иным церковным вопросам и встречать с его стороны непоколебимое требование соблюдения канонических устоев Православной Церкви.

---

¹ *Pinkerton R.* Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. London, 1833; *Allen W.* Life of William Allen: with selections from his correspondence ... Philadelphia, 1847. 2 vol.; *Grellet S.* Memoirs of the life and Gospel labours of Stephen Grellet: in 2 vols. London, 1862. 2 vol.; *Palmer W.* Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841. London, 1882.

² Об истории Российского библейского общества см.: *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873. Ч. 1–2 (2-е изд.: СПб., 1899); *Корсунский И.Н.* О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык. М., 1883; *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 147–176; *Рижский М.И.* Русская библия: история переводов Библии в России. Изд. 2-е. СПб., 2007.

³ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. С. 128.

- ⁴ *Его же. Филарет, митрополит Московский // Его же. Христианство и цивилизация.* СПб., 2005. С. 265.
- ⁵ *Филарет, митрополит Московский. Письма к родным от 1800-го до 1866-го года.* М., 1882. С. 166–167.
- ⁶ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 16.
- ⁷ София Сергеевна Мещерская (урожд. Всеволожская) (1775–1848), княгиня, писательница, переводчица. Принимала активное участие в организации и деятельности Библейского общества; для распространения его идей написала, перевела и издала около 100 книг и брошюр мистического и духовно-назидательного характера. В 1830-х годах была председателем дамских попечительских комитетов о тюрьмах в Петербурге. Погребена в Московском Новодевичьем монастыре.
- ⁸ Цит. по: *Pinkerton R. Russia ...* P. 123–124.
- ⁹ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. С. 148–149.
- ¹⁰ *Pinkerton R. Russia ...* P. 312.
- ¹¹ Цит. по: *Кондаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 58–59.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 58.
- ¹⁴ Цит. по: *Томсинов В.А.* Сперанский. М., 2006. С. 214.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Филарет, митрополит Московский. Письма к родным ...* С. 162.
- ¹⁷ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁸ *Корсунский И.Н.* Указ. соч. С. 15.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Филарет, митрополит Московский. Письма к родным ...* С. 172.
- ²¹ *Корсунский И.Н.* Указ. соч. С. 15.
- ²² Там же. С. 24.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Цит. по: *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 282.
- ²⁵ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁶ Там же. С. 25.
- ²⁷ *Корсунский И.Н.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁸ Там же. С. 24.
- ²⁹ Там же. С. 27–28.
- ³⁰ Цит. по: *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 30.
- ³¹ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 59.
- ³² Там же. С. 63.
- ³³ Цит. по: *Лопухин А.П.* Церковно-религиозная жизнь и богословская мысль в России по запискам Пальмера. СПб., 1883. Т. III. № 11. С. 429.

- ³⁴ Там же. С. 429–430.
- ³⁵ Там же. С. 430. (См.: *Palmer W.* Op. cit. P. 515–516).
- ³⁶ *Pinkerton R.* Russia ... P. 360.
- ³⁷ Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона / под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Т. 70. С. 739.
- ³⁸ *Флоровский Георгий, прот.* Филарет, митрополит Московский. С. 271–272.
- ³⁹ *Сушков Н.В.* К рассказу о квакерах в «Записках о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского» // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 1. С. 239–240 (Отд. 5). (Далее: ЧОИДР).
- ⁴⁰ *Иоанн (Снычев), митр.* Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994. С. 91.
- ⁴¹ *Филарет, митр.* Письмо митрополита Филарета к Е.В. Новосильцевой от 9 марта 1829 г. // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Переписка с современницами. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 132.
- ⁴² *Его же.* Речь Филарета, архиепископа Московского, в Российском Библейском обществе, Москва, 26 февраля 1822 г. // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения. Слова и речи. М., 2009. Т. I. С. 288–289.
- ⁴³ *Его же.* Речь Филарета, архиепископа Московского, в Российском Библейском обществе, Москва, 24 марта 1824 г. // Там же. С. 380.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 156.
- ⁴⁶ *Флоровский Георгий, прот.* Филарет, митрополит Московский. С. 279.
- ⁴⁷ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁸ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 17–18.
- ⁴⁹ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 71.
- ⁵⁰ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 18.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 71.
- ⁵³ Там же. С. 71.
- ⁵⁴ Там же. С. 73.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Кондаков Ю.Е.* Указ. соч. С. 59.
- ⁵⁷ *Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia: including tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus: with observations on the state of the Rabbinical and Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian Empire: with maps and plates. London, 1826.
- ⁵⁸ *Pinkerton R.* Russia ...
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 385.

- ⁶⁰ Английский миссионер Роберт Пинкертон и его мемуарные заметки о Псковской губернии пушкинских времен (1818 г.). Псков, 2011. С. 28, 30.
- ⁶¹ Там же. С. 41–42.
- ⁶² *Pinkerton R. Russia ...* P. 59–60.
- ⁶³ *Idem. The present state of the Greek Church in Russia: or, a Summary of Christian Divinity, by Platon, late Metropolitan of Moscow: Translated from the Slavonian: With a Preliminary memoir on the Ecclesiastical establishment in Russia: and an Appendix, containing an account of the origin and different sects of Russian dissenters.* New York, 1815. P. VI.
- ⁶⁴ *Филарет, митр.* Слово на освящение храма Святой Троицы в Махрищском монастыре // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения. Слова и речи. М., 2009. Т. 1. С. 54–55.
- ⁶⁵ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. С. 112.
- ⁶⁶ Там же. С. 111.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. С. 177–178.
- ⁶⁹ Там же. С. 181.
- ⁷⁰ Члены «Общества друзей» получили название квакеров (англ. *quakers*, буквально – трясущиеся). Происхождение этого названия связывают с тем, что на суде, состоявшемся в 1650 г., основатель Общества Дж. Фокс на все вопросы судей отвечал одной фразой: «Трепещите суда Божия!», что дало судье повод иронично заметить: «Вот трепетатель-то!». В дальнейшем квакеры употребляли это наименование в том смысле, что они внутренне содрожаются и трепещут пред величием и святостью Бога, а потому стремятся устраивать свою жизнь на более строгих началах (*Покровский А.И.* Квакеры // *Христианство: энциклопедический словарь.* М., 1993. Т. 1. С. 720).
- ⁷¹ *Грушко К.А.* «Мемуары» Стивена Греллета: опыт прочтения религиозного текста // Столпотворение: науч.-худож. прил. к журн. Союза переводчиков России «Мир перевода». 2003. № 8/9. С. 125.
- ⁷² *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 398.
- ⁷³ Цит. по: Там же. С. 399–400.
- ⁷⁴ В так называемых ланкастерских училищах использовался метод взаимного обучения, разработанный английскими педагогами Э. Беллом, применившим его в Индии (1791 г.), и Дж. Ланкастером (1801 г.) распространившим его в Великобритании.
- ⁷⁵ *Грушко К.А.* Указ. соч. С. 125.
- ⁷⁶ См. о нем: *Booth A.J.* Robert Owen: The Founder of Socialism in England. London, 1869. P. 28–31, 44–48.
- ⁷⁷ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 401–402.
- ⁷⁸ Там же. С. 403.
- ⁷⁹ Там же. С. 401.

- ⁸⁰ *Грушко К.А.* Указ. соч. С. 126.
- ⁸¹ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 403.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 407.
- ⁸⁴ *Grellet S.* Op. cit. Vol. 1. P. 398–399. Письмо С. Грелье к Вильяму Диллвину, С.-Петербург, 23 декабря 1818 г.
- ⁸⁵ Ibid.
- ⁸⁶ *Allen W.* Op. cit. 2 vol.; *Grellet S.* Op. cit. 2 vol.
- ⁸⁷ *Осинин И.Т.* Записки Квакера о пребывании в России, 1818–1819 // Русская старина. 1874. Т. 9, январь. С. 1–36.
- ⁸⁸ *Сушков Н.В.:* 1) Квакеры в Петербурге // ЧОИДР. 1867. Кн. 1. С. 149–153 (Отд. 5); 2) К рассказу о квакерах ... С. 235–240 (Отд. 5).
- ⁸⁹ *Его же.* Квакеры в Петербурге. С. 150 (Отд. 5).
- ⁹⁰ *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 395.
- ⁹¹ *Сушков Н.В.* Квакеры в Петербурге. С. 150 (Отд. 5).
- ⁹² *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 395.
- ⁹³ Ibid.
- ⁹⁴ Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2006. С. 19, 26.
- ⁹⁵ *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 396.
- ⁹⁶ Ibid.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Ibid. P. 364–365.
- ⁹⁹ *Сушков Н.В.* Квакеры в Петербурге. С. 152 (Отд. 5).
- ¹⁰⁰ *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения. Слова и речи. М., 2009. Т. II. С. 480.
- ¹⁰¹ *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 396, 443.
- ¹⁰² *Сушков Н.В.* К рассказу о квакерах... С. 237 (Отд. 5).
- ¹⁰³ Там же. С. 236 (Отд. 5).
- ¹⁰⁴ *Allen W.* Op. cit. P. 326–327.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 326–327.
- ¹⁰⁶ *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 414.
- ¹⁰⁷ Ibid.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ *Сушков Н.В.* Квакеры в Петербурге. С. 152 (Отд. 5).
- ¹¹⁰ *Allen W.* Op. cit. P. 360.
- ¹¹¹ *Пономарев С.* Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский и Коломенский // Труды / Киевская духовная академия. 1868. Т. 2. С. 185.
- ¹¹² *Сушков Н.В.* К рассказу о квакерах ... С. 240 (Отд. 5).
- ¹¹³ *Grellet S.* Op. cit. P. 414.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 443.
- ¹¹⁵ *Сушков Н.В.* Квакеры в Петербурге... С. 149–150 (Отд. 5).

Иван Никитич Инзов (1768–1845) – генерал от инфантерии. Образование получил в благородном пансионе при Московском университете. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а также военных действий в Польше в 1792 и 1794 гг., Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова, кампаний 1805–1810 гг., Отечественной войны 1812–1814 гг. С 1815 г. начальник штаба 2-й армии, с 1816 г. командир 16-й пехотной дивизии. 10.01.1818 назначен главным попечителем и председателем Комитета о колонистах Южного края империи. с 15.06.1820 по 28.06.1823 одновременно исполнял должность наместника Бессарабии. В 1844 г. вышел в отставку.

Аббат Николь (Доминик Карл Николь) 1758–1835) – известный французский педагог-иезуит, основатель престижных учебных заведений в Петербурге и Одессе. В 1820 г. аббат Николь вынужден был покинуть Россию в силу Высочайшего указа от 13 марта 1820 г. о высылке иезуитов из России и конфискации их имущества. С 21 февраля 1821 г. – ректор Парижской Академии наук.

¹¹⁶ *Grellet S.* Op. cit. Vol. I. P. 478.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 377–378, 426.

¹¹⁸ *Ibid.* Vol. II. P. 33.

¹¹⁹ *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 409.

¹²⁰ Там же. С. 412.

¹²¹ Там же.

¹²² См.: *Сушков Н.А.* К рассказу о квакерах ... С. 240 (Отд. 5).

¹²³ *Соколов И.И.* Митрополит Филарет и кардинал Питра // *Церковные Ведомости.* Прибавление. 1897. № 18. С. 639.

¹²⁴ *Allen W.* Op. cit. Vol. I. P. 327.

**Особенности миссионерской деятельности
Русской Православной Церкви в Японии
в конце XIX – начале XX в. на примере
служения архиепископов Николая (Касаткина) и
Андроника (Никольского)**

Говоря о возрождении церковной жизни, об активизации процесса духовно-нравственного оздоровления и объединения современного российского общества, невозможно обойти вниманием опыт православного миссионерства. «Миссионерская деятельность, как приоритетная для Русской Православной Церкви на настоящем этапе, требует более глубокого богословского осмысления различных традиций и способов пастырского попечения и руководства»¹.

Под православной миссией в широком смысле понимается проповедь православия тем людям, которые себя с ним не ассоциируют. Проповедь проводится как на территории иностранных государств, так и на своей территории. По направленности миссионерство можно условно разделить на внутреннее (проповедь среди представителей своей конфессии – людей, отпавших от веры или уклонившихся в расколы и ереси) и внешнее (проповедь среди представителей других конфессий и атеистов).

Для Православной Церкви внутренней миссией стала деятельность в отношении христианских конфессий: католичества и протестантизма, среди представителей старообрядчества и сектантства, внешней – в отношении нехристианских религий: ислама, буддизма, язычества и других, а также среди атеистов. Православное миссионерство способствовало «активизации общественно-политических интегративных процессов в начале

---

* Аспирантка Института российской истории РАН.

становления Российского государства, во время освоения окраин страны в XIII–XIV веках и во вторую половину XVIII – начале XX века»².

В XIX в. наибольшие результаты имела деятельность следующих российских православных миссионеров: архимандрита Макария (Глухарева) (1792–1847), создателя миссии на Алтае; митрополита Иннокентия (Вениаминова) (1797–1879), возглавлявшего миссии в Восточной Сибири и на Аляске; архиепископа Николая (Касаткина) (1836–1912) – главы миссии в Японии. Особенностью миссионерского служения архимандрита Макария была тщательная катехизация на родном языке оглашаемых, активная просветительская и социальная деятельность (он организовал три школы и больницу), а также привлечение к миссионерской работе женщин. Митрополит Иннокентий вел проповедь на родном языке алеутов и стал создателем алфавита и грамматики этого народа, а его работы по географии, этнографии и языкознанию получили мировую известность. На пути в Японию отец Николай (Касаткин) лично познакомился со святителем Иннокентием, который поделился с ним своим опытом и посоветовал молодому миссионеру перевести на японский язык Священное Писание.

Следует подчеркнуть, что русификация местного населения не являлась целью православного миссионерства, главным было, как писал святитель Иннокентий, «чтобы православие укоренилось в их культуре»³. Богослужение и проповедь велись на языках местных народов, новообращенным оказывалась практическая помощь в бытовых нуждах – обучении ремеслам и гигиене.

Изучение служения святителя Николая (Касаткина) в Японии было начато еще в дореволюционный период⁴. После революции 1917 г. изучение истории Японской Православной Церкви было прервано вплоть до конца 1960-х годов, когда в связи с канонизацией архиепископа Николая Японского (1970) отдельные работы о нем были изданы Московской Патриархией⁵. В настоящее время тема организации и становления Российской Православной Миссии в Японии нашла свое отражение в тру-

дах российских⁶ (как церковных, так и светских) авторов, японских⁷ и других зарубежных ученых⁸.

Миссионерская деятельность архиепископа Николая (Касаткина) заслуживает пристального изучения по многим причинам: «уникальность личности святителя Николая (Касаткина...) в том, что он один смог основать в далекой от родины стране, среди носителей иного языка и культуры отдельную Поместную Церковь, основать там, где за принятие христианства по закону полагалась смертная казнь»⁹; «прожив в Японии полвека, он не только глубоко изучил историю, культуру, быт и нравы этой страны, но и стал заметной фигурой ее духовного и религиозного мира. “Миссионер-гигант”, – так называли Николая инославные миссионеры, трудившиеся на Японских островах одновременно с ним»¹⁰.

В числе помощников и учеников архиепископа Николая было немало выдающихся личностей, среди которых архимандрит Сергей (Страгородский), будущий патриарх, епископ Сергей (Тихомиров), ректор Санкт-Петербургской духовной академии, позднее ставший митрополитом и главой Японской Православной Церкви, и будущий священномученик архиепископ Пермский Андроник (Никольский).

Деятельность по созданию и укреплению Японской Православной Церкви имела свои сложности, так как проводилась не просто среди иноверцев, но на территории иностранного государства, весьма враждебно настроенного к христианству (императорский эдикт 1614 г., запрещающий под страхом смертной казни японцам принимать христианство, был отменен лишь в 1873 г.) и бывшего противником России в войне 1904–1905 гг.

«Сам Бог, конечно, – писал архиепископ Николай Японский епископу Вениамину (Благонравову), – решает такие великие вопросы, как принятие веры всей страной: но Бог решает не без нас, а через нас же, людей; поэтому и мы должны принимать все меры, чтобы сделаться достойными орудиями воли Божией, должны делать и с нашей стороны все возможное, все зависящее от нас»¹¹.

Первоочередной задачей любого миссионера является овладение языком и знакомство с религией и культурой страны, в

которую он направляется. Первые восемь лет в Японии святитель Николай посвятил изучению ее языка, истории, религий, литературы и культуры.

«Японцы вовсе не оупелый и не невежественный народ. Правда, образование здесь не высоко и не глубоко. Но зато оно разлито почти равномерно по всем слоям народа», – констатировал владыка Николай¹². Поэтому письменные переводы богослужебных текстов в этой стране были жизненно необходимы как в миссионерской работе, которая не может быть ограничена одной лишь устной проповедью, так и для обучения будущих священнослужителей и катехизаторов из числа самих же японцев.

Немаловажную роль в миссионерской деятельности играют личные качества миссионера и его умение общаться с людьми: «Урок нашему брату, – пишет преосвященный Николай, – быть всегда ласковым в приеме христиан. Все они – новые христиане, неокрепшие в вере, и от личности миссионера очень много зависящие. Для старого христианина совершенно безразлично в его отношениях к Богу – ласков с ним священник или неприветлив – он только нехорошо подумает о священнике, если этот дурно примет его, а в вере и чувствах к Богу не изменится. Не то с новыми – священник может приблизить их к Богу, или отстранить от него именно личным отношением к ним»¹³.

Дополнительные трудности возникали с употреблением в переводе некоторых иероглифов, веками использовавшихся в буддистских и синтоистских богослужебных текстах, что придавало им нехристианский смысловой оттенок. В таких случаях владыка Николай находил правильный термин с помощью японского духовенства и мирян, прося их оценить восприятие перевода, что также стало новшеством в миссионерской деятельности.

За время пребывания в Японии святителем Николаем был переведен полностью Новый Завет, частично Ветхий Завет, а также богослужебные книги: Служебник, Требник, Часослов, Октоих, Постная и Цветная Триоди, Общая и Праздничная Минеи, Ирмологий. «Тексты, переведенные святителем Николаем, по сей день широко используются в Японской Православной Церкви... Их язык, архаичный с точки зрения современного

японского языка, как нельзя лучше выполняет функции сакрального языка для православных японцев. По своему духу и роли он чрезвычайно близок церковно-славянскому языку»¹⁴.

Особенностью миссионерского служения святителя Николая в Японии было и то, что он не занимался огульной критикой местных верований: конфуцианства, синтоизма и буддизма, но старался показать японцам их недостаточность на фоне полноты христианства. «Мир принадлежит истине, а не лжи, – подчеркивал святитель Николай, – истина же в Православии, но нужно, чтобы истина постепенно овладела миром: скороспелое и насильственное завоевание не прочно. Православное миссионерство должно быть делом всей Русской Церкви – не разных hoard of Missions и тому подобных мелких делений. Но нужно, чтобы в сознание Русской Церкви вошла обязанность миссионерства»¹⁵.

«Японский народ, – отмечает архиепископ Николай, – справедливо укоряют в атеизме или в индифферентности к делам веры... Тот ли это атеизм, что по временам охватывает и европейское общество?... Нет, совершенно другой. В Европе атеизм всегда служит характеристическим указателем успеха в науках, поднятия умов на высшую ступень развития... Но вот... люди более хладнокровные... рассмотрели, в чем дело, сличили новое открытие с учением веры, и (к удивлению массы) это открытие оказалось не только не противоречащим вере, но подтверждающим ее истинность... Не то в языческих странах вообще, не то и в Японии. Здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходят прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, оттого, что народ исчерпал их до дна, и они больше не удовлетворяют его»¹⁶.

Особое внимание архиепископ Николай (Касаткин) уделял развитию православного образования в Японии и просвещению народа. Им были созданы Токийская духовная семинария (открыта в 1879 г.), катехизаторская, причетническая, женская и несколько детских школ. Первоначально образовательный процесс в Токийской семинарии осуществляли присланные из России преподаватели, а позже сами выпускники. Отметим, что в семинарии готовили не только будущих священнослужителей и

проповедников, но и специалистов по русскому языку. Некоторые из выпускников семинарии проявили себя в качестве переводчиков и распространителей русской литературы. Так, например, Василий Нобори Сему стал переводчиком Толстого, Достоевского, Куприна и других русских классиков. Елена Сэ-нума Кае после окончания женского училища и недолгого преподавания в нем стала переводчицей произведений Чехова¹⁷.

Православная миссия в Японии осуществляла активную издательскую деятельность. С 1880 по 1912 г. два раза в месяц выходил официальный орган миссии журнал «Сэйке Симпо» («Православные Новости»), который уступил место новому ежемесячному журналу «Сэйке Дзихо» («Вестник Православия»). Этот журнал продолжает существовать до настоящего времени, являясь старейшим христианским периодическим изданием в Японии. Кроме того, миссией издавался журнал Токійской семинарии «Синкай» («Духовный мир»), большинство статей которого были переводами из русского журнала «Вопросы философии и психологии» и журнал женского училища «Уранисики» («Скромность»), в котором печатались стихотворения и отрывки из произведений таких известных русских писателей, как Пушкин, Тютчев, Тургенев.

Православная миссия сыграла также большую роль в распространение западного музыкального искусства в Японии. В японском традиционном пении не существовало понятия о хоре или аккорде, а в православном богослужении невозможно обойтись без церковного хора.

«Привить музыкальный слух японским певчим было достаточно трудным делом для православных миссионеров, однако благодаря неустанному и сердечному старанию таких регентов, как Виссарион Сартов, Яков Тихай и Дмитрий Львовский, к концу 1880-х – началу 1890-х годов православная миссия располагала таким замечательным хором, которому завидовало даже государственное музыкальное училище»¹⁸. Таким образом, существование Японской Православной Церкви оказало влияние на общественную мысль и культуру Японии, включая ее литературу и музыку, а архиепископ Николай (Касаткин) стал основателем японской православной культуры.

Важнейшим принципом миссионерской деятельности архиепископа Николая был его полный отказ от вмешательства в политику. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг., после того как все русские подданные, в том числе и посол, отбыли в Россию, владыка Николай, как истинный миссионер и епископ созданной им Японской Православной Церкви, остался со своей паствой, но на всем протяжении войны не совершал общественных богослужений, так как не считал возможным молиться за победу Японии над своим Отечеством.

Под руководством Николая Японского было создано «Общество духовного утешения военнопленных», число которых превышало 73 000 чел. «Общество» было официально утверждено японским правительством 7 мая 1904 г. и занималось, в основном, сбором пожертвований для русских воинов. Японские священники, знающие русский язык, совершали богослужения и требы в лагерях для военнопленных, а сам владыка снабжал их духовной литературой, иконами, крестиками, учебниками для обучения грамоте.

«Чем занять военнопленных? – размышлял архиепископ Николай. – Между ними значительный процент неграмотных; сим нужно учиться и писать; никогда у них не будет более удобного времени для этого... Мы решились сами здесь напечатать букварь, который и печатается...»¹⁹. «Теперь я весь в распоряжении военнопленных, мое дело – почти исключительно – служить им – совесть так требует. Но вернутся они в Россию, я опять отдамся переводу богослужения; а вернувшихся в Россию пленных утешат и без меня, тогда как перевести Октоих и Минеи без меня некому», – размышляет о наступлении мирного времени преосвященный Николай²⁰.

Архиепископ Николай внимательно следил за положением в России. В своем «Окружном послании к русским военнопленным в Японии» он призывает сохранить веру в Бога и верность царю и Отечеству и предостерегает возвращающихся на Родину воинов: «...и в России теперь столько смуты, разлады, взаимной вражды, убийств! Отравленные ядом возмущения обратились в братоубийцы и с остервенением творят свое дело: бросают бомбы, от которых гибнут ни в чем неповинные люди,

стреляют, режут, жгут. И вас, братие, эти озверевшие люди хотят обратить к этому преступному, противогосударственному и противочеловеческому служению диаволу... да не будет сего!»²¹.

Окончание русско-японской войны вызвало у владыки Николая двойственные чувства. 28 октября 1905 г. он делает следующую запись в своем дневнике: «...рад ли я миру? – Что кровопролитие остановлено, этому я не могу не радоваться; но не могу сказать, что рад миру, завершающему ряд беспрерывных наших неудач в войне»²².

После окончания войны святитель Николай заботился о достойном содержании мест захоронения умерших в плену и похороненных в Японии русских воинов, строя на местах их упокоения храмы и часовни. 7400 рублей были собраны в России владыкой Андроником (Никольским) на построение храмов в Мацуяма и Осака для поминовения умерших здесь русских военнопленных²³.

Будущий архиепископ Андроник (Никольский) (1870–1918) был командирован в Японию в 1897 г. Небольшой миссионерский опыт к этому времени у него уже имелся. В 1896 г. иеромонах Андроник, закончивший Московскую духовную академию, был назначен преподавателем, а затем инспектором Александровской миссионерской семинарии²⁴, находившейся в местечке Ардон в Осетии. «Семинария там имеет значение рассадника Православия и просвещения на всю Осетию», – писал впоследствии архиепископ Андроник. «Приятно было видеть этих горных вояк, постепенно из дикарей превращающихся в мирных граждан...»²⁵.

В 1897 г. после награждения иеромонаха Андроника золотым наперсным крестом последовало его назначение миссионером в Японию, куда он отправился вместе с архимандритом Сергием (Страгородским), который уже состоял в 1890–1893 гг. в Японской Православной духовной миссии и теперь вторично был назначен туда помощником начальника. Иеромонах Андроник познакомился с архимандритом Сергием еще в период обучения в МДА, когда тот занимал должность инспектора академии²⁶.

По пути следования к месту назначения в Японию архимандрит Сергей и иеромонах Андроник посетили Грецию, Италию и США, что позволило им ознакомиться с традициями и народными укладами этих стран и в дальнейшем помогло им в работе, так как Япония в то время была наводнена американскими миссионерами. 26 декабря 1897 г. архимандрит Сергей и иеромонах Андроник прибыли в Японию. Епископ Николай (Касаткин) разъяснил прибывшим миссионерам, «...как нужно вести здесь дело проповеди, как нужно во все вникать здесь и ко всему прилагать свою руку... мы не для России, не для Японии пришли, а делаем дело Христово, и поэтому не нужно ничего бояться, если идем по линии. Может быть, будет война между Россией и Японией; и тогда не нужно уходить отсюда, ибо иначе все разрушат здесь»²⁷.

Несмотря на сложности в овладении японским языком, всего через месяц пребывания в Японии, 31 января 1898 г., иеромонах Андроник отслужил всенощную уже на японском. «Первая его служба на японском языке, – писал в своем дневнике епископ Николай Японский, – очень тщательно приготовленная им: почти нигде никакой ошибки в произношении»²⁸.

Миссионер сумел изучить японский язык за восемь месяцев, в будни посещал дома прихожан, беседовал с ними и проповедовал. За вечер иеромонах Андроник успевал побывать в трех-четырех домах, со временем узнал и нужды своих прихожан, и положение каждого. «Приходилось в сутки спать иногда не больше семи часов, а обыкновенно всего лишь шесть часов, и притом все время проводить в напряженной мозговой работе над запоминанием японских слов. А тут же нужно было изучать и английский язык... А плодом таких усилий было обладание весьма достаточное за один год японской речью, знакомство с 1500 (приблизительно) китайских иероглифов. С таким запасом можно было безбедно существовать среди японцев и даже при помощи Божией назидать их на путь благочестия»²⁹. Постепенно православный храм в городе Осака, в котором первоначально было не более десяти прихожан и один псаломщик на клироесе, наполнился прихожанами, был сформирован большой смешанный хор.

«Отец Андроник, – писал архиепископ Николай, – даст Бог, будет отличным миссионером, кажется, и будет тем хозяином дела, о котором я мечтал. Посещает и оживляет церкви окрестные Осака; ропщет на неуспехи в японском языке, а между тем говорит так, что все отлично его понимают и иногда трогаются до слез его речами»³⁰.

В Японии владыка Андроник пребывал дважды: первый раз иеромонах Андроник находился в стране с декабря 1897 г. по ноябрь 1898 г., второй – в качестве епископа Киотского, приемника святителя Николая – с марта по июль 1907 г. К сожалению, оба раза владыка Андроник был вынужден подать прошение об увольнении по состоянию здоровья и вернуться в Россию.

Святитель Николай Японский видел в епископе Андронике своего преемника, под началом которого православная церковь в Японии продолжала бы крепнуть и расширяться. «Возрастает Церковь или нет? Набирается сил или хиреет? Кажется второе... Благочинный, посещая церкви, мог бы несколько одушевлять личным влиянием... Русский благочинный нужен для этого, вроде Преосвященного Андроника, но что же делать, когда Господь не благоволит послать его?» – писал владыка Николай в своем дневнике³¹.

Теплые отношения двух выдающихся иерархов сохранились и после отъезда епископа Андроника из Японии: «кроме дружественных покойного Преосвященного Иоанна³² и владыки Волынского³³, из своих бывших начальников я только от дорогого Японского владыки Николая встречал сочувствие и душевность. С ним и доселе в трогательной переписке», – отмечает епископ Андроник в письме к архиепископу Арсению (Стадницкому) от 7 марта 1911 г.³⁴

Будучи епископом Тихвинским, первым викарием Новгородской епархии, владыка Андроник продолжал заботиться о японской миссии, «он организовал сбор средств на постройку храма в Хокадате (вместо сгоревшего в 1907 г.), а в 1912 г. – на возведение храма-памятника на могиле почившего архиепископа Николая. Помимо денежной помощи японским церквям, он создал братство иерархов-миссионеров, трудившихся в Японии,

по его инициативе в епархии читались лекции об этой стране и судьбах Православия на Востоке»³⁵. Воспоминания о Японии архиепископ Андроник опубликовал в книгах «Миссионерский путь в Японию»³⁶ и «Миссионерский год в Японии: из дневника японского миссионера»³⁷.

Размышляя о важности уважительного и бережного отношения к своему культурно-историческому наследию, владыка Андроник впоследствии вспоминал: «Не хуже же мы и не беднее духовными дарованиями, чем японцы. Напротив, скажу по истинной правде на основании своих наблюдений не только над японцами, но и над другими народами: наш русский народ весьма богато одарен, способен на все высокое и доброе, и при случае все это проявляется так богато, как ни у кого»³⁸.

Подводя итог, следует указать на два принципиальных момента, которые, как отмечает греческий исследователь Иаков Стамулис, обеспечили успех миссии в Японии: «Первый заключается в активном привлечении к делу миссии местных жителей, второй – в методе, заставляющем тех, кто сам еще не окончил курс обучения, обучать других»³⁹. Эта же мысль содержится в трудах архиепископа Андроника: «Владыку здесь, конечно, вся Япония знает, конечно, не лично, а просто как “Николая”; и самое Православие здесь большею частью известно под именем учения Николая, так как он один ведь здесь и положил начало и вел до сих пор это дело ... наш путь проповеди через самих же японцев, вместо европейских сил, как у инославных прямее, правильнее»⁴⁰.

Великий русский архиепископ-миссионер Николай (Касаткин) смог организовать работу таким образом, что создание Японской Православной Церкви под его руководством стало делом самих японцев. «После кончины архиепископа Николая остались: 1 собор, 6 храмов, 175 мест собраний, 276 общин, 1 епископ, 34 священника, 8 диаконов, 34 110 верующих»⁴¹, за исключением епископа, все они были японцами.

Архиепископы Николай Японский и Андроник (Никольский) «показали выдающийся пример успешной миссионерской и катехизаторской деятельности в среде индифферентной, а подчас и открыто враждебной православию и христианству в

целом»⁴². Успех миссионерской деятельности в Японии был достигнут как благодаря деловым качествам владык, так и таким свойствам их личности, как доброта, отзывчивость, умение располагать к себе людей. Использовались наработки опытных миссионеров, а также апробировались и развивались новые формы миссионерства. Основопологающим принципом русских миссионеров в Японии являлся полный отказ от какого-либо вмешательства в политику.

Особенностями миссионерской деятельности Николая Японского, а затем и его ученика Андроника (Никольского), как уже было упомянуто, стали: терпимое отношение к местным верованиям; отказ от огульной критики синтоизма, конфуцианства и буддизма; ведение проповеди православия силами самих японцев, а не только усилиями российских миссионеров; создание системы обучения в духовных учебных заведениях, дающей возможность еще не полностью закончившим курс начинать обучение других; введение хорового пения – абсолютно нового явления для традиционной японской певческой культуры; регулярные обходы домов прихожан и оглашаемых для катехизации и проповеди с учетом местных условий (так как большая часть прихожан была вынуждена работать в воскресные дни и дни двенадцатых праздников и семьи состояли, большей частью, не из христиан); издание периодики духовного содержания.

Забота о русских военнопленных, инициированная святителем Николаем, во время русско-японской войны оказала благотворное влияние на японских христиан. Японцы, не только православные, но и нехристиане и по сей день ухаживают за могилами русских воинов, покоящихся в разных местах страны.

Созданная великим русским миссионером Японская Православная Церковь оказала большое влияние на общественную мысль и культуру Японии, а миссионерский опыт, наработанный в Японии, был успешно использован учеником Николая Японского, владыкой Андроником (Никольским) в России.

---

¹ Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Журнал заседания Священного Синода Русской Право-

- славной Церкви № 12 от 27 марта 2007 г. URL: <http://p2.patriarchia.ru/781/526/1234/Konzeptzia.doc>
- ² Князева О.Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905–1917 гг.: на примере епархий Пермской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пермь, 2000. С. 3.
  - ³ Николай Японский. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 21.
  - ⁴ См., напр.: Орнатский Ф., протоиерей. Русская Православная Миссия и Православная Церковь в Японии. СПб., 1889; Сергей (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: письма японского миссионера. Сергиев Посад, 1897; Недачин С. Православная церковь в Японии // Миссионерское обозрение. Петербург, 1910. № 7–8; Сергей (Тихомиров), епископ. Памяти преосвященного Николая, Архиепископа Японского: (к годовщине его конч. 3 февр. 1912 года) // Христианское чтение. 1913. Ч. 1. С. 3–76; и др.
  - ⁵ См., напр.: Казем-Бек А. Апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин): к столетию Православия в Японии // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 7. С. 43–58; Сергей (Ларин), архиеп. Славный юбилей Апостола Японии – архиепископа Николая (Касаткина) // Там же. 1961. № 12. С. 22–28; Васильев А. Из воспоминаний об архиепископе Японском Николае // Там же. 1962. № 6. С. 75–76; Тыщук А., протоиерей. Японская Автономная Православная Церковь // Там же. 1970. № 11. С. 42–47; № 12. С. 43–49; № 6. С. 75–76; и др.
  - ⁶ См., напр.: Антоний (Мельников), архиепископ. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. М., 1974. XVI; Георгий (Тертышников), архимандрит. Святой Равноапостольный Николай, Архиепископ Японский. Фессалоники, 1995; Самойлов Н.А. Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 1996; Вып. 2: Памяти Святителя Николая, Апостола Японии, 1836–1912; Саблина Э.Б. 150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. М., СПб., 2006; и др.
  - ⁷ См., напр.: Усумару Ясуо. Мэйдзи бунка то никорай = Культура Мэйдзи и Николай. Токио, 1969; Накамура Кэнноскэ. Нихон сэйкёси = История Японской Церкви. Токио, 1978; Anesaki Masaharu. History of Japanese Religion. Tokyo, 1980; Naganawa Mitsuo. The Japanese Orthodox Church in the Meiji Era. A Hidden Fire. Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926. Stanford, 1995; Накамура Кэнноскэ. Дэнкёси никорай то мэйдзи нихон = Япония периода Мэйдзи и Николай. Токио, 1996; и др.
  - ⁸ См., напр.: Lensen George Alexander. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Tokyo, 1968; Saint Nikolai Kasatkin and the Orthodox Mission in Japan: A Collection of Writings by an International Group of Scholars about St. Nikolai, his Disciples, and the Mission / Van Remortel M. and Chang Peter, eds. Point Reyes Station, Cali-

- formia: Divine Ascent Press, Monastery of St. John of Shanghai and San Francisco, 2003.
- ⁹ *Духанин В.Н.* Основные идеи и принципы миссионерской деятельности святителя Николая Японского // *Духовное наследие равноапостольного Николая Японского: к 100-летию со дня преставления: сб. тр. науч. конф.* М., 2012. С. 58.
  - ¹⁰ *Саблина Э.Б.* Православная Церковь в Японии в конце XIX – XX вв. и ее основатель Святитель Николай: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2000. С. 5.
  - ¹¹ *Святитель Николай Японский.* Видна Божия воля просветить Японию: сборник писем. М., 2009. С. 84.
  - ¹² *Николай, архиеп. Японский.* Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. М., 2006. С. 30.
  - ¹³ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 4. С. 187.
  - ¹⁴ *Потапов А.В.* Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского // *Духовное наследие равноапостольного Николая Японского.* М., 2012. С. 157.
  - ¹⁵ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 2. С. 290.
  - ¹⁶ *Николай, архиеп. Японский.* Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. С. 35.
  - ¹⁷ *Мицуо Наганава.* Жизнь и деятельность святого равноапостольного Николая Японского: к столетию кончины. URL: <http://www.spbda.ru/news/a-1857.html>
  - ¹⁸ Там же.
  - ¹⁹ *Святитель Николай Японский.* Видна Божия воля просветить Японию. С. 102–103.
  - ²⁰ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 5. С. 291.
  - ²¹ Там же. С. 298.
  - ²² Там же. С. 273.
  - ²³ Там же. С. 360.
  - ²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 804. Л. 22.
  - ²⁵ *Священномученик Андроник (Никольский).* Творения. Тверь, 2004. Кн. I: Статьи и заметки. С. 63.
  - ²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 87. Л. 4.
  - ²⁷ Там же. С. 197.
  - ²⁸ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 3. С. 673.
  - ²⁹ *Священномученик Андроник (Никольский).* Творения. Кн. I. С. 349.
  - ³⁰ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 792.
  - ³¹ Там же. Т. 5. С. 338.

- ³² Имеется в виду владыка Иоанн (Кратиров) (1839–1909), епископ Саратовский и Царицынский.
- ³³ Имеется в виду владыка Антоний (Храповицкий) (1863–1936), который с 1902 по 1914 г. был архиепископом Волынским и Житомирским.
- ³⁴ *Андроник (Никольский), архиепископ*. Пишу от избытка скорбящего сердца. М., 2007. С. 119.
- ³⁵ *Баконина С.Н.* Священномученик Андроник Пермский – ученик и сподвижник равноапостольного Николая Японского // *Духовное наследие равноапостольного Николая Японского*. М., 2012. С. 231–232.
- ³⁶ Впервые опубликовано в журнале «Православный собеседник» (Казань) за 1899 год.
- ³⁷ Впервые опубликовано в газете «Уфимские епархиальные ведомости» (1904. № 7–24; 1905. № 1–11, 16–19, 21, 22; 1906. № 5, 21, 24).
- ³⁸ *Священномученик Андроник (Никольский)*. Творения. Кн. I. С. 347.
- ³⁹ *Трухин В.* Миссионерская деятельность святителя Николая Японского. URL: <http://ricolor.org/rz/iaponia/mp/nik/mis/>
- ⁴⁰ *Андроник (Никольский), архиепископ*. Пишу от избытка скорбящего сердца. С. 37.
- ⁴¹ *Мицуо Нагава*. Указ. соч.
- ⁴² *Трухин В.* Указ. соч.

Русская Православная Церковь во время голода 1921–1922 гг. в Советской России

История Русской Православной Церкви в первые годы Советской власти связана с голодом в 1921–1922 гг., сопровождавшимся изъятием церковных ценностей. Атеистическая власть предпринимала самые решительные действия вплоть до военных, чтобы уничтожить своего идеологического противника. Репрессии, направленные против духовенства и верующих, приводили к многочисленным человеческим жертвам. Декретами Советского правительства была проведена экспроприация церковного имущества, зданий, земли. Все стало собственностью Советского государства и только по договору могло быть передано во временное пользование на правах аренды по заявлениям группам верующих граждан. Большевики считали, что и церковные ценности теперь являлись их собственностью и стремились с помощью их изъятия ускорить раскол и ликвидацию Русской Православной Церкви (РПЦ). С этой целью антирелигиозная пропаганда намеренно преувеличивала богатство храмов, лавр и монастырей.

Данная тема уже затрагивалась в ряде работ по отечественной истории¹. Рассекреченные партийные и государственные архивы позволили издать документальные сборники, частично освещающие борьбу Советской власти с религией во время массового голода². Однако специальной работы до сих пор нет. В нашей статье предпринята попытка восполнить этот пробел. По другим конфессиям изъятие ценностей специально не рассматривалось.

---

* Доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

1 января 1918 г. Патриарх Тихон, выступая перед верующими в храме Христа Спасителя, сказал, что большевики «...желают своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные»³.

В феврале того же года в своем послании к архипастырям, пастырям и всем другим верующим Православной церкви Патриарх выступил против кровавых расправ новой власти над мирными демонстрантами в Петрограде, Москве и других городах. В марте того же года он заявил, что церковь не может благословить поспешно заключенный Совнаркомом РСФСР несправедливый Брестский мир с германским агрессором, который, воспользовавшись моментом, захватил Украину и Южные территории России⁴.

Советское руководство чинило всякие административные препоны для внешней деятельности РПЦ. В январе 1919 г. делегация Московской патриархии не получила разрешение на выезд в Константинополь по церковным делам. По поручению В.И. Ленина обоснование отказа в поездке представителям церкви подготовил Ф.Э. Дзержинский, который обвинил духовенство во главе с патриархом Тихоном в связях с врагами России и содействии антисоветским планам англо-американского империализма. Такого рода обвинения против церкви не имели под собой никаких оснований и носили враждебный политический характер со стороны власти⁵.

Российское крестьянство было почти поголовно верующим и являлось опорой церкви и царской власти. Сельская церковь и ее приход были центром культурной и общественной жизни в деревне. Как правило, все дети получали начальное церковно-приходское образование. Сельский священник преподавал в школе «закон Божий», и авторитет его у сельчан был значительный. Только в Тверской губернии было не менее 380 церковно-приходских школ и 330 школ грамоты, в которых обучалось более 47 тыс. детей. При церквях имелось более 570 тыс. библиотечек⁶.

Большевики, одержимые идеей мировой пролетарской революции, стремились разрушить эту систему начального образо-

вания на селе. Декретом они отделили школу от церкви, подчинив первую своему влиянию. В радиোগрамме «Всем, всем, всем» Ленин сообщал: «Вчера, 21 января 1918 г., опубликован декрет о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ»⁷. С этого времени практически всякая деятельность церкви была поставлена вне закона.

Опасность ликвидации нависла над центрами православной веры в России – над церковными лаврами. На защиту северной святыни – Александро-Невской Лавры выступила общественность Петрограда. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин организовал грандиозный крестный ход в защиту церкви, в котором участвовало более 200 тыс. верующих. Священники и паства всех церквей и монастырей города сошлись у Казанского Собора, где был совершен молебен. Это событие ускорило переезд Советского правительства во главе с Лениным из бурлящего недовольством Петрограда в более спокойную Москву. Власть не простила митрополиту Вениамину организацию крестного хода⁸.

На страницах советских газет была развернута мощная антирелигиозная, подстрекательская пропаганда. Она оказывала воздействие на деклассированные и криминальные элементы, для которых это был сигнал к насилию и грабежу по отношению к священству. С весны 1918 г. официально в городах производились обыски в домах священников под видом поиска оружия. Они сопровождались изъятием денег и имущества. В годы Гражданской войны было разграблено большинство церквей, монастырей, архиерейских домов, ризниц, расхищены драгоценные предметы церковной утвари, уничтожены церковные книги, испорчены древние иконы.

В школах было окончательно запрещено преподавание закона Божьего, а священники были удалены из них. Возросло количество избиений и убийств священнослужителей. 26 октября 1918 г. в связи с первой годовщиной Октябрьской революции патриарх Тихон обратился с письмом в СНК РСФСР: «...Целый год держите вы в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину... но реками пролитая

кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9–10).

Народу, изнуренному кровопролитной войной, вы обещали дать мир “без аннексий и контрибуций”.

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решились обнаружить полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша родина сама завоевана, уменьшена, расчленена и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото⁹. Увещевания предстоятеля Православной церкви не подействовали на большевиков.

В 1918–1919 гг. под видом борьбы с контрреволюцией в Ставропольской губернии и Кубанской области было убито 37 священников. В целом по стране было убито 14 высших представителей духовенства и среди них: митрополит Киевский Владимир, архиепископ Пермский Андроник, епископ Тобольский Гермоген, викарий Новгородский Варсанофий, Вятские викарии Амвросий, Исидор и другие¹⁰. К началу 1920 г. список погибших от рук большевиков епископов возрос до 20 человек, а священников – до 500 человек¹¹. В газетах была помещена информация о том, что по приказу Смоленской ЧК был казнен архиепископ Макарий Гневушев. При этом чекисты глумились над личностью, верой и саном владыки. В «Известиях» сообщалось о краже глубокопочтимой народной святыни – иконы Казанской Божьей Матери из казанского собора. Цинично объявлялось, что если икона чудотворная, то она возвратится на прежнее место сама¹².

Засуха в Поволжье весной 1921 г. ускорила развитие голодной трагедии. С началом голода противоречия Советской власти с Русской Православной церковью еще более обострились. Советское руководство игнорировало предложения главы церкви патриарха Тихона оказать помощь государству и через цер-

ковные приходы организовать сбор продуктов и денег для голодающего Поволжья. Несмотря на это Патриарх в своих проповедях обращался к пастве с призывом внести добровольные пожертвования людям, пострадавшим от засухи и голода. Без санкции большевиков в середине июня 1921 г. патриарх Тихон направил послание к зарубежным православным патриархам, а также к папе Римскому, архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому с просьбой помочь спасти от голодной смерти жителей Поволжья. Это было первое открытое обращение русской церковной иерархии к Западу, из которого там узнали о масштабах голодной трагедии в Советской России и о необходимости оказания срочной помощи голодающим.

В начале августа 1921 г. патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Он проработал одну неделю, потому что был признан Всероссийским центральным исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся (ВЦИК) излишним и упразднен. В день основания Церковного комитета помощи голодающим святейший патриарх обратился с воззванием «К народам мира и православному человечеству». В нем он назвал только природные причины голода, его небывалые масштабы и необычайную интенсивность развития: «Величайшее бедствие поразило Россию. Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделявших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели и селения превратились в кладбища не погребенных мертвецов.

...К тебе Православная Русь, первое слово мое: Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг... Спешите на помощь бедствующим.

К тебе, человек, к вам народы Вселенной простираю я голос свой: Помогите!»¹³.

После этого «Воззвания» возросла ненависть большевиков к патриарху Тихону, осмелившемуся от имени иерархов и всей паствы самовольно обращаться за помощью к народам России и всего мира. Новые карательные планы были подготовлены против Православной церкви. 18 октября 1921 г. в газете «Правда» была опубликована статья Ленина, посвященная 4-летней го-

довщине Октябрьской революции, в которой очередной раз он подтвердил твердый антирелигиозный курс Советского правительства: «Мы с религией боролись и боремся по-настоящему».

Русская Православная церковь оказывала реальную помощь голодающим: собирала с прихожан продукты и денежные средства и раздавала их многодетным семьям, спасая их от голодной смерти. В течение полугода Патриарх Тихон добивался от советского правительства санкции на данный вид общественной деятельности, чтобы открыто призвать паству к пожертвованиям в пользу голодающих. Постановлением ВЦИК такое разрешение было получено только 9 декабря 1921 г. В нем говорилось, что все собранные в помощь голодающим средства, должны поступать в местные комиссии помощи, подчиненные ЦК Помголу при ВЦИК. Духовенство только формально допускалось к совместной разработке плана использования собираемых средств и к участию в распределении пожертвований на местах.

По положению от 1 февраля 1922 г., подписанному заместителем председателя ЦК Помгола А.Н. Винокуровым, РПЦ в деле помощи голодающим работала под его жестким контролем. Инструкция устанавливала порядок сбора пожертвований, их направления и формы отчетности. Сборы производились по церквям за воскресными и праздничными богослужениями на тарелку членами приходских советов. По окончании сбора пожертвования записывались в ведомость по прилагаемой форме, включая пожертвованные вещи, и передавались церковному старосте на хранение, который каждый месяц передавал их по инстанции. Церковные драгоценности передавались в местные комиссии помощи голодающим. Церковные сборы контролировались еще и органами рабоче-крестьянской инспекции.

Вскоре патриарх РПЦ Тихон вновь подготовил текст обращения к верующим России и ко всем православным, жившим за ее пределами, с воззванием о срочной помощи голодающим. Церковь обратилась к правительству РСФСР с просьбой опубликовать данное обращение в газетах, но 9 февраля 1922 г. политбюро ЦК РКП (б) постановило разрешить печатать обращение патриарха только отдельным листком¹⁴.

Во время засухи и начала голода летом 1921 г. по просьбе своих иерархов храмы передали государству на помощь пострадавшим в Поволжье значительную часть своих драгоценных небогослужебных предметов. В разгар голода с февраля по май 1922 г. включительно Советское руководство приняло решение нанести сокрушительный удар по церкви, путем полного подрыва ее материального и духовного значения. Было произведено вооруженное, насильственное изъятие оставшихся церковных ценностей, включая освященные предметы и сосуды, без которых было невозможно каноническое проведение религиозных православных обрядов. Вооруженный поход за церковными ценностями сопровождался мощной пропагандистской кампанией под лозунгом: «Все церковные ценности направить на закупку хлеба и семян для спасения пострадавших от голода крестьян Поволжья!» Фактор страшного голода в Поволжье и в других зерновых регионах, подвергшихся подрыву и засухе, сыграл на руку Советской власти при проведении операции по разорению храмов. В районах, охваченных голодом, верующие оказались физически не способны защитить от разграбления храмового имущества. Борьба партийно-советского руководства страны за церковные ценности сопровождалась репрессиями против духовенства и верующих, которые с перерывами продолжались и в последующие годы.

Негласное решение Советского правительства об изъятии церковных ценностей было документально оформлено в самом начале 1922 г. 2 января состоялось заседание президиума ВЦИК, на котором обсуждался вопрос о ликвидации церковного имущества. В принятом постановлении говорилось, что колоссальные ценности церковей и монастырей должны стать достоянием государства, согласно инструкции к декрету об отделении церкви от государства. Золотые и серебряные предметы, драгоценные камни и проч. передавались на государственное хранение, а историко-художественные ценности и имущество поступали в ведение Главмузея Наркомата просвещения. Ответственность за проведение в жизнь данного постановления возлагалась на местные органы самоуправления Советов¹⁵. В

данном постановлении ВЦИК не было никакого упоминания о голоде в России и помощи голодающим.

Только через полтора месяца, 16 февраля 1922 г., на очередном заседании Президиума ВЦИК был заслушан вопрос «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим». В нем говорилось, что ввиду неотложной необходимости надо спешно мобилизовать все средства страны для спасения погибающего от голода населения. ВЦИК в дополнение к декрету от 2 января 1922 г. предлагал местным Советам «немедленно изъять из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные священные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд ЦК Помгол»¹⁶. Документы свидетельствуют, что со времени издания декрета об отделении церкви от государства в 1918 г. власти считали храмы, монастыри и другие церковные здания со всем их имуществом государственной собственностью.

Разгром церкви готовился большевиками в режиме строгой секретности, поэтому церковное руководство могло только догадываться об очередных планах Советской власти в этом направлении. 6 февраля 1922 г. патриарх получил долгожданное, утвержденное руководством ЦК Помгол «Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим». После проверки во ВЦИК и в политбюро ЦК РКП (б) 14 февраля того же года было опубликовано очередное воззвание Патриарха Тихона, в котором он призывал прихожан к новым благотворительным пожертвованиям, а духовенству разрешал передавать в пользу голодающих церковную утварь и имущество, используемые в храмах для украшения алтаря и икон¹⁷.

Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г., опубликованный в «Известиях», об изъятии всех без исключения церковных ценностей был полной неожиданностью для РПЦ. Он означал, что власть взяла курс на уничтожение церкви и религии. Как показали дальнейшие события, спасение голодающих было только

поводом к его началу. Православные иерархи и верующие справедливо определили проведение этой кампании как намерение большевиков нанести смертельный удар по православию в России. 28 февраля того же года патриарх Тихон без разрешения властей обратился с воззванием к духовенству и верующим по поводу изъятия всех церковных ценностей из действующих храмов. В нем говорилось: «...Мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается Ею, как святотатство, мирян – отлучением от нее, священнослужителей – извержением из сана...»¹⁸. Копия воззвания вскоре попала в руки В.И. Ленина, который был крайне возмущен «контрреволюционным» поступком патриарха¹⁹.

Воззвание патриарха поддержал митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, который 5 марта 1922 г. подал заявление в Петроградскую губернскую комиссию помощи голодающим. В нем он писал: «Призывая по благословию Святейшего Патриарха к пожертвованию церквами на голодающих только ценных предметов, не имеющих богослужебного характера, мы решительно отвергаем принудительное отображение церковных ценностей как акт кощунственно-святотатственный»²⁰. Выражая недоверие духовенства и верующих к обещаниям Советской власти, митрополит Вениамин требовал убедительных доказательств того, что церковные ценности пойдут на помощь голодающим.

Политбюро ЦК РКП (б) считало изъятие церковных ценностей важным политическим мероприятием и не собиралось вступать в переговоры с «князьями» церкви. На проведение кампании были направлены партийные и чекистские кадры. Советское руководство спешно создавало в центре и на местах секретные комиссии для изъятия церковных ценностей. С этой целью в губернии были направлены представители центральной власти. В середине марта 1922 г. без предупреждения началось изъятие церковных ценностей в городах Смоленске, Калуге и Шуе (Иваново-Вознесенской губернии), где, по мнению большевиков, имелись богатые храмы.

13 марта 1922 г. по решению Политбюро ЦК РКП (б) была образована секретная ударная комиссия по изъятию церковных ценностей из московских церквей. В нее вошли: Т.В. Сапронов (председатель), И.С. Уншлихт, Ф.Д. Медведь, Р.С. Самойлова-Землячка и М.В. Галкин. Эта комиссия в секретном порядке подготовила политический, организационный и технический план изъятия²¹. Он содержал инструкцию по распределению церковных ценностей в государственное хранилище, главмузей и губернский музей в присутствии их представителей.

Большинство граждан не верили в то, что Советское правительство направит изъятые у церкви ценности на закупку хлеба для голодающего Поволжья и других регионов России. Для таких предположений были серьезные основания. И.Д. Троцкий, И.В. Сталин и другие лидеры партии и государства требовали пополнять интернациональный фонд для подготовки пролетарской революции в Европе. С этой целью проводилась закупка новых видов оружия для Красной Армии.

30 марта 1922 г. Троцкий направил в политбюро ЦК РКП (б) записку о политике по отношению к церкви и духовенству с практическими выводами для совещания секретарей губпарткомов и предгубисполкомов. В ней содержалось краткое изложение программы действий Советской власти в 1922 г., которая состояла из трех главных направлений: раскол духовенства, изъятие ценностей и расправа с «черносотенными попами». Центральным пунктом этой программы было изъятие церковных святынь. Вот что было сказано в записке Троцкого по данному вопросу: «Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ»²².

16 мая 1922 г. в Москве состоялся пленум ЦК РКП (б). На нем пятым пунктом повестки дня был рассмотрен вопрос «О кампании по извлечению церковных ценностей». После обсуждения было признано необходимым максимально ускорить реализацию уже изъятых ценностей, для чего была образована комиссия в составе Л.Д. Троцкого, Г.Я. Сокольникова и Л.Б. Красина²³. На члена Советского правительства народного комиссара внешней торговли Красина возлагалась задача по продаже

церковных ценностей за рубежом. Сокольникову, получившему в начале 1922 г. портфель комиссара финансов, предлагалось за счет полученного от церкви золота и серебра укрепить курс советского рубля. Как известно, в 1922 г. в РСФСР началась чеканка серебряных монет. Глава комиссии Троцкий настаивал на том, чтобы значительные средства направить на повышение финансирования Красной Армии.

Как отмечалось выше, по замыслу большевиков изъятие церковных ценностей должно было окончательно подорвать материальную основу церкви и усилить раскол внутри высшего духовенства РПЦ. С этой целью Политбюро ЦК РКП (б) решило всемерно поддержать наиболее ярых противников Патриарха Тихона – обновленцев. В самом начале апреля 1922 г. секретарем ЦК РКП (б), в качестве одного из заместителей Сталина, был назначен опытный партиец Валериан Куйбышев. 17 мая того же года он подготовил совершенно секретную инструкцию для секретарей крупнейших партийных организаций страны. В ней была определена генеральная линия для руководства антирелигиозной кампанией. Сталин ознакомился с текстом инструкции и после незначительной правки сделал свою приписку в верхней части листа: «Телеграмму направить во все губкомы внутренней России, Сибири, Украины, Урала, Северо-Западных областей, Юго-Восточных областей Киргизии непосредственно. Кроме того, во все бюро ЦК и национальных ЦК»²⁴.

Содержание телеграммы имело принципиальное значение, поэтому приведем ее с небольшими сокращениями: «С[овершенно] секретно. Шифром. Всем губкомам и обкомам РКП. В развитие директивы от 14 апр[еля] сообщается вам, что внутри церковной организации начинается широкое обновленческое движение. Парт[ийные] организации должны самым внимательным образом следить за ним. Партия твердо стоит на своей принципиальной позиции, враждебной всякой религии. Советская власть, проводшая отделение церкви от государства, продолжает политику официального невмешательства в церковные и религиозные дела. Но для партии далеко не безразлично стоят ли во главе церковной организации, охватывающей десятки

миллионов верующих, контрреволюционные заговорщики или элементы лояльно настроенные к сов[етской] власти. Рекомендуются оказать всякую возможную, но неофициальную поддержку обновленческому движению, платформа которого напечатана в московских газетах от 15 мая. Необходимо содействовать тому, чтобы на предстоящем церковном поместном соборе большинство оказалось за лояльными к сов[етской] власти элементами. Во внутренние разногласия среди обновленческой части духовенства по вопросу о нужности или ненужности патриарха, степени и характере самоуправления приходов, а также в национальные трения рекомендуется не вмешиваться, помня, однако, что обострение борьбы по всем этим вопросам для нас желательно. Работа должна происходить с максим[альной] осторожностью и тактичностью через нашего неофициального уполномоченного по церковным делам. Официально на страницах печати выступления обновленцев против церковного феодализма критиковать с точки зрения их непоследовательности и половинчатости... в этой критике заострить вопрос на борьбе с религией вообще, дабы не затруднить раскол внутри церкви. Секретарь ЦК В. Куйбышев. 17.V-[19] 22 г.»²⁵.

В.И. Ленин предполагал забрать у церкви в виде ценностей фонд размером «...в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов)»²⁶. Он считал, что некоторые монастыри и лавры имели «гигантские богатства». В действительности эти надежды не оправдались. Богатства храмов оказались явно преувеличены. Пробные изъятия в провинции дали ничтожные результаты. По отчетам нескольких губерний было изъято из храмов в основном серебро и очень мало золота.

Советское руководство, пораженное столь ничтожными результатами кампании по изъятию церковных ценностей, обвинило местное духовенство и верующих в краже и сокрытии церковных ценностей. Исполкомам губернских Советов было дано распоряжение выставить вооруженную охрану у церквей, а ГПУ предлагалось ускорить организацию процессов о кражах в связи с изъятием церковных ценностей²⁷.

Со стороны Советского государства были усилены меры безопасности при изъятии церковных ценностей. С целью преодоления сопротивления духовенства и верующих привлекались дополнительные вооруженные подразделения, части ГПУ и партийно-советский актив. От имени ЦК РКП (б) Сталин направил секретную телеграмму, в которой предлагал всем секретарям губкомов привлечь на свою сторону лояльное Советской власти духовенство с целью изоляции «контрреволюционных» попов. Для этого он рекомендовал назначить в каждой губернии ответственного партийца по руководству работой, связанной с вопросами церкви и расколом внутри духовенства. Он призывал местных руководителей всячески побуждать просоветскую часть духовенства выступать против нынешней церковной иерархии во главе с патриархом Тихоном, которая показала свою контрреволюционность при изъятии церковных ценностей, чем и обнаружила свою злую волю и скомпрометировала себя.

«Начиная эту решительную борьбу против тихоновцев, – писал Сталин, – лояльное нам духовенство должно получить уверенность, что Советская власть защитит их и не позволит контрреволюционным иерархам расправиться с ними»²⁸. Сталин давал указание местным партийным организациям, как вести себя в этой политической игре: «...всемерно подталкивать лояльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контрреволюционного патриарха и его клики, ни губкомам, ни исполкомам ни в каком случае не участвовать в этой работе официально и открыто. Инициатива должна исходить от демократических попов и верующих мирян...

Работу в указанном смысле надлежит вести энергично, дабы довести до конца то движение, которое возникло в недрах церкви на почве изъятия ценностей. Секр[етарь] ЦК И. Сталин, 14/IV-[19]22 г.»²⁹.

К концу марта 1922 г., по сводке ГПУ, из церквей было изъято: в Калужской губернии – более 302 пуд. серебра, 72 с лишним фунта золота, серебряные монеты и драгоценные камни; в Воронеже – более 15 пуд. ценностей из серебра и 4 фунта пред-

метов из золота, 1163 драгоценных камня; из шести церквей Нижнего Новгорода – более 30 пуд. серебра и один с лишним фунт золота; в Костроме – 16 пуд. серебра и 24 фунта золота; из Успенского собора во Владимире – 5 пуд. ценностей из серебра и более фунта золотых украшений³⁰. В Иваново-Вознесенской губернии было изъято церковных ценностей и отправлено в Москву: серебра – более 360 пуд., золота в изделиях, ломе – более 2 фунтов, золотых монет – на 1440 руб., бриллиантов (крупных) – 11 штук, мелких – 240 шт., жемчугов в ризах – около 17 фунтов³¹.

Советское правительство тщательно готовилось к изъятию церковных ценностей из храмов Москвы и Петрограда, куда стягивались войска Красной Армии, части особого назначения и батальоны войск ГПУ. Из храмов Кремля в апреле 1922 г. было изъято и сдано государству более 1 пуда золота, 290 пуд. серебра, 259 бриллиантов, 672 алмаза. Всего весной того года из храмов Москвы изъяли 3059 пуд. серебра, более 2-х пуд. золота, 500 золотых рублей, а также бриллианты, алмазы и другое. В 502 храмах Московской губернии конфисковали 1,5 тыс. пуд. серебра, более 20 фунтов золота и 7548 драгоценных камней, а в остальных 385 храмах работа по изъятию ценностей продолжалась³².

В Петрограде большинство граждан было настроено против решения большевиков об изъятии церковных ценностей. Митрополит Вениамин в письменном обращении к представителям местной власти настаивал на предоставлении церкви права самостоятельной организации помощи голодающим, а также выкупа части церковных ценностей, ссылаясь на то, что по канонам использовать священные предметы могла только сама церковь. Большевики, чтобы предотвратить выступление граждан, пошли на временное соглашение с Вениамином и его сторонниками, но не выполнили его и изъятие продолжалось.

Во многих церквях Петрограда верующие встали на защиту церковных ценностей. Например, 19 апреля 1922 г. в Князь-Владимирском соборе первая попытка вывезти изъятые ценности не состоялась по причине противодействия собравшихся прихожан. Только через два дня того же месяца с помощью

вооруженной силы удалось лишь частично забрать из собора в Гохран 4 больших серебряных ризы весом в 1 пуд 3 фунта и 19 малых риз, а 10 лампад, 4 ковшика общим весом 1 пуд 24 фунта – в Помгол. Значительную часть ценностей верующие выкупили за собранные среди прихожан серебряные предметы. Благодаря этому, удалось спасти от уничтожения 35 риз, 4 Евангелия и др.

19 июня 1922 г. власти повторили изъятие золотых и серебряных вещей из Князь-Владимирского собора. На сей раз они забрали богослужебные предметы общим весом в 6 пудов, а сами верующие в качестве выкупа за оставшиеся священные предметы собрали более трех пудов серебра в виде ложек, кувшинов и проч.³³

С помощью обновленцев и вооруженной силы Петроградский губернский исполнительный комитет Советов до конца апреля 1922 г. провел полное изъятие церковных ценностей из большинства храмов. Всего было собрано 4 пуд. золота, 1024 пуд. серебра и 3690 бриллиантов³⁴.

В провинции изъятие церковных ценностей затянулось. На Урале оно завершилось в основном летом 1922 г. Из Екатеринбургского собора Екатеринбурга было конфисковано 13 изумрудов, 10 розовых шерлов, 23 тяжеловеса аквамарина, более 120 аметистов и др. Всего в Екатеринбурге и его уезде было сдано в губернский финансовый отдел 168 пуд. серебра и камней, 4 фунта золота с камнями и без них. По остальным уездам церкви лишились 79 пуд. серебра и камней, 8 фунтов золота. Из кафедрального собора Перми было вынесено 16 пуд. церковных ценностей. Из 11 церквей Челябинска – более 9 пуд. священных предметов³⁵. На Алтае к 10 августа 1922 г. губернская комиссия по изъятию церковных ценностей конфисковала более 46 пуд. серебра и 1 фунт золота³⁶.

4 ноября 1922 г. в политбюро ЦК РКП (б) поступила итоговая ведомость об изъятых церковных ценностях, в которой значилось: золота – 33 пуд. 32 фунта, серебра – 23 997 пуд. 23 фунта, бриллиантов – 35 670 штук и др. Все было оценено в 4,6 млн. золотых рублей³⁷. По другим источникам, церковного золота и серебра, не считая драгоценных камней, было изъято

на сумму почти в 7 млрд. рублей³⁸. Эта фантастическая цифра была исчислена по курсу рубля после денежной реформы 1922 г. Изъятие церковных ценностей продолжалась до конца 1923 г.

На основе совершенно секретного постановления, принятого 19 октября 1922 г. на заседании политбюро ЦК РКП (б) под председательством И.В. Сталина, антирелигиозная кампания была продолжена. В выписке из протокола заседания, адресованной А.С. Бубнову, И.И. Скворцову, П.А. Красикову, В.Р. Менжинскому, П.Г. Смидовичу, Н.Н. Попову и Д.И. Курскому, сообщалось, что на нем был заслушан вопрос «О комиссии по антирелигиозной пропаганде». По данному вопросу было решено утвердить состав комиссии, включив в нее Попова и назначить его председателем. Комиссии было поручено представлять каждые две недели доклад в Политбюро³⁹. В качестве основной задачи комиссии по пропаганде политбюро ЦК партии выдвигало разгром патриаршей Православной церкви с помощью обновленцев.

ЦК КП(б)У и Совнарком Украины предпринимали усилия для того, чтобы не отстать от РСФСР и других советских республик в деле изъятия церковных ценностей. Главным препятствием являлась сложная религиозная обстановка в республике, где сопротивление верующих преодолевалось с большим трудом. Засуха 1921 г. и последовавший за ней голод в зерновых районах обострили политические противоречия. Общественное движение за украинизацию и независимость от Москвы набирало силу, а среди украинского духовенства росло стремление к образованию автокефальной церкви. В совершенно секретном, не подлежащем оглашению отчете ГПУ Украины за первое полугодие 1922 г. в разделе «Духовенство» говорилось, что «после Октябрьской революции в течение 3,5 лет древняя цитадель реакции – церковь оставалась непримиримым врагом Советской власти, оплотом контрреволюции. Это ... болото продолжало жить в Советском государстве своей обособленной жизнью, сохранив в нерушимости весь свой внутренний строй и распорядок. Все стремления “черного” и “белого” духовенства были направлены лишь к охране церковного добра от безбож-

ников-антихристов и соблюдению заветов патриарха Тихона, преподанных им своей пастве еще в 1918 г.»⁴⁰.

ГПУ Украины, всецело занятое борьбой с оппозиционными силами, уделяло большое внимание антицерковной деятельности, которая была направлена на то, чтобы разбить единение и сплоченность церковного руководства. Среди низшего духовенства украинские чекисты стремились посеять революционные настроения для разложения церкви изнутри. С помощью провокационных действий они стремились вызвать недовольство рядового духовенства политикой «князей» украинской церкви. ЦК КП (б) Украины в 1922 г. обратило особое внимание ГПУ на автокефальное движение украинской церкви и изъятие церковных ценностей для того, чтобы окончательно разгромить церковную «контрреволюцию». Позиция украинских священнослужителей не была однозначной. Большинство из них поддерживало патриарха Тихона. При этом многие священники считали, что церковь должна поделиться своими «богатствами» с голодающими.

В большинстве губерний Украины экспроприация церковных ценностей прошла без осложнений. В Харьковской, Николаевской, Екатеринославской и Донецкой губерниях активное участие в изъятии церковных ценностей принимали представители обновленческого течения «Живая церковь». Попытка украинских властей провести подобное мероприятие в районах, подвергшихся засухе, не увенчалась успехом. Например, в Одессе рабочие были настроены против изъятия. В таких случаях главным экспроприатором выступали органы ГПУ с активным привлечением вооруженных сил, а само изъятие напоминало войсковую операцию⁴¹.

8 марта 1922 г. Президиум Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов (ВУЦИК) за подписью Н.А. Скрипника подготовил совершенно секретный документ «О передаче церковного имущества в фонд помощи голодающим». В нем говорилось, что вследствие невыносимых страданий голодающего населения, необходимо срочно оказать продовольственную помощь и тем предотвратить смерть от голода многих десятков и сотен тысяч людей. Там же было сказано, что изъ-

за отсутствия материальных ресурсов и денег на закупку продовольствия, рабоче-крестьянское правительство УССР вынуждено было ускорить меры по изъятию церковных ценностей.

В документе утверждалось: «Ввиду наличия в церквях, монастырях и молитвенных домах всех вероисповеданий огромных ценностей, имеющих чисто материальное значение, предложить местным Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов немедленно изъять по описи все драгоценные предметы из золота, серебра, камней, слоновой кости и передать в финансовые органы со специальным назначением в фонд ЦК Помголода. Этот фонд должен составить подробный перечень ценностей, изъятых из местных храмов. Сокрытие драгоценного имущества карается как растрата достояния УССР, а сокрытие от описи драгоценных предметов из золота, серебра и проч. – принудительными работами на срок до 1 года с конфискацией всего имущества религиозных или церковных организаций»⁴².

На Украине изъятие религиозных ценностей из храмов, монастырей и синагог в основном завершилось к осени 1922 г. По данным республиканских историков, ценностей собрали меньше, чем расхитили сами организаторы и преступные элементы. Власти возложили вину за пропажу церковных святынь: крестов, окладов, украшений и самих икон – на священников и общины верующих. По всей Украине по указанию партийных и советских органов была проведена политическая расправа над оппозиционно настроенными «представителями религиозного культа». Волна сфальсифицированных судебных процессов прошла по республике. Священников обвинили в преднамеренном сокрытии церковных ценностей⁴³.

Украинские большевики держали под своим контролем изъятие церковных ценностей, автокефальное движение и украинизацию православной церкви с целью ее уничтожения. По их инструкциям органы ГПУ Украины «...тактично и осторожно вели работу по дальнейшему разложению рядов духовенства, углубляя и форсируя раскол, направляя движение в желательное русло и одновременно сохраняя за собой общее руководство им»⁴⁴.

ЦК КП (б) и Совнарком Украины стремились объединить автокефальное движение с кампанией украинизации Православной церкви. К началу 1922 г. в условиях нарастания массового голода им многое удалось сделать благодаря искусственному раздуванию этого движения среди националистически настроенных элементов. С помощью агентуры украинского ГПУ предполагалось привлечь на свою сторону городское и сельское духовенство, чтобы с его помощью распространять шовинистические идеи и «обрабатывать» в этом направлении массы крестьянства. Украинизация не встретила сочувствия в широких массах крестьянства и сельского духовенства, а среди некоторых слоев населения – напротив самое энергичное противодействие. Борьба за украинизацию церкви приняла затяжной характер и во многих местностях (Харьковской, Киевской, Подольской губерниях) сопровождалась бурными эксцессами и конфликтами среди мирян и духовенства. Последнее, в подавляющем большинстве относясь к этой затее отрицательно, все же имело в своей среде «постепеновцев» – сторонников украинизации из числа русского духовенства, полагавших, что украинизация церкви неизбежна, но не должна проводиться сплеча, как это делают наиболее рьяные ее сторонники, а должна носить эволюционный характер.

Другим могучим фактором разложения и раскола Православной церкви Украины местные власти считали декрет об изъятии церковных ценностей. Ставка делалась на то, что «аполитичное» духовенство должно было немедля выявить свое «лояльное» отношение к Советской власти в стремлении помочь голодающим и перед глазами пухнувших с голоду верующих «осуществить заповеди Христовы». Украинские большевики считали, что низшее духовенство пойдет по этому пути и тем бросит вызов «черносотенным столпам церкви», продолжавшим стоять на прежней позиции в отношении к новой власти – враждебной и неприемлемой для нее, еще более углубленной лишением их материальных благ. Большевики видели, что значительная часть духовенства, не желая подчиниться им, развила широкую агитацию за противодействие изъятию. Таким образом, создавалась атмосфера, при которой несколько «взры-

вов народного негодования» могли принудить советское правительство отменить злополучный декрет.

В ряде мест Украины духовенство имело поддержку народа. Путем распространения воззваний и проповедей, в которых представители церкви призывали не отдавать золото и серебро, которыми, по их словам, власти хотят купить Антанту на Генуэзской конференции. Таким образом, они стремились сорвать работу комиссий по изъятию. В Одессе, Кременчуге и других городах при обсуждении вопроса о сдаче ценностей по совету местных священников прихожане обращались к советским органам власти с ходатайством об оставлении ценностей в храмах, предлагая взамен деньги⁴⁵.

ЦК КП(б)У получал информацию от республиканского ГПУ, что в селах Правобережья духовенство использовало декрет об изъятии церковных ценностей для антисоветской агитации. Чекисты обращали внимание на то, что значительная часть «контрреволюционных попов» проводила свою «черную» работу под маской внешнего сочувствия к голодающим и даже выпускала воззвания с призывом к непротивлению изъятию ценностей и добровольным пожертвованиям. В сводках утверждалось, что раскрытие органами ГПУ Украины случаев хищения и сокрытия ценностей подрывало престиж духовенства, попавшего на скамью подсудимых.

Репрессии против священников – противников раскола Православной украинской церкви сопровождались всемерной поддержкой большевиками обновленческого движения – «Живой церкви». Украинское обновленчество, ставившее своей задачей коренную реорганизацию церкви, ее переустройство на «евангельских» началах и «приближение» к народу, первоначально встретило отклик в некоторых кругах духовенства и паствы. По данным ГПУ, в ряде мест были организованы обновленческие группы, которые проводили энергичную агитацию с целью привлечения новых своих сторонников. При поддержке Советской власти в городах и селах Украины началась смена священников, а бразды правления перехватывали представители обновленческого движения.

Большинство верующих оставалось на стороне традиционной православной церкви и ее духовенства. Центральной фигурой украинского епископата, выступавшего против обновленчества, был харьковский архиепископ Нафанаил, сторонник патриарха Тихона. Против него и его ближайшего окружения была развернута кампания клеветы и травли. Коммунистические средства массовой агитации и пропаганды твердили, что у владыки Нафанаила не было твердой почвы под ногами, поэтому он «заигрывал» со священниками и паствой. В газетах и листовках давалась искаженная информация о том, что в Харькове и других городах «берут верх» обновленцы, а дни архиепископа Нафанаила сочтены.

В действительности все было иначе. В отчете ГПУ Украины за первое полугодие 1922 г. говорилось совсем другое. Приведем лишь его концовку: «В заключение, необходимо отметить, что за последнее время темп роста обновленческого движения несколько замедлился. Объясняется это тем, что контингент “живой церкви” в значительном большинстве своем состоит из карьеристов и пьяниц, обиженных и недовольных своими “князьями”, что подрывает авторитет группы в глазах мирян и способствует развитию антагонизма и междоусобицы. Приток попов к обновленцам прекращается. Степенные, истинные ревнители православия отмежевываются от реформаторов. Возникает оппозиция обновленцам. Назревает новый раскол»⁴⁶. Перманентными расколами планировалось уничтожить Православную церковь Украины.

18 марта того же года Центральная комиссия Помголод Украины подготовила инструкцию «О порядке изъятия церковных ценностей в пользу голодающих». Она требовала от местных советов в недельный срок представить заверенные копии церковных и инвентарных описей до 1917 г. и договоров с группами верующих, которым в 1918 г. были переданы в пользование храмы и другие молитвенные здания всех вероисповеданий. На основании описей и иных данных устанавливалась очередность изъятия ценностей. Вне очереди предлагалось начать изъятие из наиболее богатых часовен, храмов, монастырей, не дожидаясь получения описей. На правах экспертов в состав губернских

и уездных комиссий по изъятию ценностей вошли представители народного образования по музейному подотделу. При отсутствии какого-либо предмета, находящегося в пользовании группы верующих, об этом составлялся особый протокол и передавался следственным органам для производства расследования и привлечения виновных к ответственности. Если среди церковных ценностей находились вещи, числящиеся на учете губернских музеев, или обнаруживались предметы бесспорно музейного значения, то они должны были сдаваться на хранение в отдел музеев до особого распоряжения комиссии. Реализация изъятых ценностей на местах была строжайше запрещена⁴⁷.

Когда подготовительная работа по изъятию церковных ценностей из украинских храмов стала затягиваться, появился совершенно секретный циркуляр ЦК КП(б)У об изъятии церковных ценностей за подписью секретаря ЦК С.В. Косиора от 4 апреля 1922 г. В нем предлагалось для успешного проведения кампании возложить руководство ей на бюро губернских комитетов партии совместно с комиссарами воинских частей. Важнейшие губернии должны были установить ближайшие сроки изъятия, менее важные – более поздние, после того, как сведения об изъятии в Петрограде и других центральных губерниях распространятся по всей территории страны. Наряду с этим предлагалось создать в губерниях официальные комиссии или отделы для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр., строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистических заявлений.

Агитации придать характер, чуждый всякой борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим. Одновременно с этим стремиться внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. Партийная агитация и пропаганда лояльных новой власти священников ни в коем случае не должны были сливаться, так как в первой отмечалось, что значительная часть просоветского духовенства вела борьбу против преступного, скаредного отношения к цен-

ностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви». На митингах предлагалось давать слово представителям голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей⁴⁸.

Далее в циркуляре было сказано, что в случае обнаружения среди противников изъятия ценностей представителей буржуазных, купеческих элементов или бывших чиновников, следует немедленно их арестовывать. При необходимости, если черносотенная агитация зайдет слишком далеко, организовать манифестации с участием гарнизона при оружии и с плакатами: «Церковные ценности для спасения жизни голодающих». В отношении церковного руководства было сказано: «Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, негласно, но официально (под расписку через губернские политотделы) предупредив их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми...»⁴⁹.

Председатель Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей УССР Н.А. Скрипник прилагал все усилия к тому, чтобы завершить кампанию в течение полутора месяцев, т.е. до конца мая 1922 г. 21 апреля того же года было проведено 5-е заседание комиссии. На нем присутствовали: Скрипник, председатель Всеукраинской ГПУ В.М. Манцев, Ермощенко, Р.Б. Рафаил, Игнат, Жукова, Киркиш, Соколин и Нарбут. Скрипник рассказал о цели заседания, а с докладом выступил председатель Агитпропа (агитационно-пропагандистского отдела) ЦК КП(б)У Рафаил. Он отметил, что агитация довольно сильно подействовала на рабочих более крупных предприятий, но меньше на «обывательскую массу». Попытки индивидуальной агитации и вовлечения в нее рабочих не удавались. Советская и партийная печать выполнила возложенную на нее задачу. До 25% газетных полос и специальных изданий отводились антицерковной пропаганде. Со стороны ЦК РКП (б) была отпущена значительная сумма денег на печатную агитацию за изъятие церковных ценностей на Украине.

Председатель Харьковской губернской комиссии Киркиш в своем докладе сообщил, что работа началась 3 апреля с синагог, затем проводилась в молитвенных домах прочих культов, в последнюю очередь приступили к изъятию ценностей из церквей.

В 10 церквях работу закончили, на очереди остались еще 24 церкви. Относительно исторических ценностей Киркиш сказал, что представители Наркомата просвещения приходили в церкви, но комиссии по тактическим соображениям разрешили им производить отбор ценностей только вне храмов. Кроме того, на заседании выступили представители украинского политического управления Красной Армии, женского отдела ЦК КП(б)У, Центрального Комитета коммунистического союза молодежи Украины и др. Все говорили о работе, проводимой в поддержку кампании по изъятию церковных ценностей. На заседании были заслушаны инструкции ЦК КП(б)У по приему ценностей, а также циркуляр об изъятии драгоценных материй и шитья⁵⁰.

В Левобережье изъятие церковных ценностей началось в первых числах апреля 1922 г. К 1 мая в Харькове было изъято из храмов более 58 пуд. серебра и 20 с лишним фунтов золота. В ночь с 24 на 25 апреля в Пантелеймоновской церкви произошло хищение ценностей, в чем власти заподозрили духовенство. Из всех уездов Харьковской губернии более всего ценностей было изъято в Купянском, Змиевском и Сумском – около 71 пуд. серебра, 93 алмаза, 49 жемчугов и 127 других драгоценных камней. По информации ГПУ никаких эксцессов со стороны населения не было, и изъятие проходило спокойно. В Харькове и в уездных городах чекисты хорошо подготовились к операции. Повсюду были приняты меры к предотвращению возможных волнений и хищения ценностей. В других губерниях духовенство и верующие продолжали борьбу против изъятия церковных ценностей, и по данным ГПУ, распространяли провокационные слухи о том, что ценности «попадают в руки жи- дов»⁵¹. Особенно упорно против изъятия ценностей выступали верующие Славянского и Таганрогского уездов. В Славянске верующие не подпустили комиссию к храму. На другой день комиссия, сопровождаемая вооруженным отрядом курсантов, произвела изъятие силой. В Кременчуге изъятие сопровождалось инцидентами. В одной из церквей группа верующих пыталась препятствовать изъятию, но совместными усилиями опера-

тивников ГПУ и красноармейцев сопротивление мирян было подавлено⁵².

21 июня 1922 г. в Черкассах состоялся автокефальный съезд Православной украинской церкви, на котором большинство составляли обновленцы. На съезде «митрополит» Василий Липковский произнес речь о необходимости помощи голодающим путем передачи церковных ценностей в государственный фонд. Другие участники съезда высказались за решительную борьбу с русским духовенством, противящимся украинизации церковной жизни. Изъятие ценностей из черкасских городских и сельских храмов проходило в спокойной обстановке⁵³.

В Одессе и Одесской губернии в связи с изъятием церковных ценностей была сложная общественно-политическая обстановка. Местные чекисты, предвидя массовые протесты, проводили большую агитационно-оперативную деятельность среди духовенства и паствы. Им всячески содействовало руководство Одесского губисполкома. 1 апреля 1922 г. его председатель Аверин встретился с местным архиепископом Феодосием. Приведем некоторые важные выдержки из их беседы. Вначале глава губисполкома, вспоминая о прошлом, заявил, что «при царизме» духовенство лучше реагировало на все несчастья, которые случались, а теперь оно необоснованно консервативно. В Америке даже мелкая и средняя буржуазия отозвалась на наше несчастье, и к нам оттуда идет помощь. Далее Аверин сказал: «У нас в Одессе не было ничего подобного, за исключением одного священника, который просил дать ему разрешение выехать за границу для сбора пожертвований, которому мы отказали. Других случаев не было. Что скажут миллионы голодающего крестьянства? Никто им не наносил такого удара, как духовенство. Ценные религиозные предметы ценны постольку, поскольку они спасут тысячи жизней».

Архиепископ Феодосий отвечал ему, что будет рад, если церковный люд изменит свое отношение к церковным ценностям. И добавил: «Я не слышал, чтобы он высказывался против помощи голодающим. Он готов дать ложки, серебро, разную утварь и др., но не священные предметы. Верующий скорее умрет с голоду, чем он отдаст икону или другую церковную

ценность». Аверин настаивал на своем и при этом подчеркнул, что «многое будет зависеть от самого главы одесского духовенства». Архиепископ Феодосий, не отвергая того, что последнее слово будет за ним, не советовал обращаться к священникам и верующим с предложением о реквизиции церковного имущества, чтобы избежать массового недовольства. Советовал обратиться к церкви с просьбой о помощи голодающим. Он привел пример, когда на его имя пришла телеграмма от голодающих из Царицына, которую он опубликовал. Паства отнеслась к просьбе о помощи сочувственно и решила послать деньги, так как новая власть отвергла помощь хлебом.

Аверин выразил надежду, что при добром желании духовенства вопрос будет решен положительно, а в заключение сказал: «Советская власть достаточно крепка и могла бы решить этот вопрос иначе, но она не намерена ссориться с духовенством, так как оно не представляет для нее опасности. Одесское духовенство, если пожелает, сможет оказать чувствительную помощь, т.к. в церквях имеется много ценностей, которые без вреда и ущерба для религиозных обрядов можно будет использовать для голодающих»⁵⁴.

Власть оказывала давление на верующих и открыто прибегала к вооруженной силе. До 1 мая 1922 г. в Одесской губернии было произведено изъятие ценностей из синагог, что дало около 27 пудов серебра. При этом комиссия по изъятию ценностей вела себя вызывающе. Всякие попытки защищать церковные святыни грубо пресекались. Так, в синагоге «Бейс-Гамедраш» комиссия допустила оскорбительные действия, но получила отпор со стороны духовенства и верующих, которые были арестованы ГПУ. Арестованные были обвинены в утайке, подмене ценностей и преданы суду. Подобное происходило и при изъятии церковных ценностей из православных храмов. Староста украинской Дмитриевской церкви за сопротивление изъятию освященных церковных предметов был оштрафован на 100 млн. рублей в пользу голодающих⁵⁵.

В Виннице изъятие церковных ценностей проводилось в разгар борьбы церкви с местными автокефалистами. Епископ Амвросий, выступивший на собрании, состоявшемся по поводу

перевода Казанского собора в ведение автокефалистов, заявил, что Украинская Рада является самозваной организацией. По вопросу об изъятии церковных ценностей произошел раскол. В то время как украинское духовенство не препятствовало изъятию, а в некоторых местах даже способствовало ему, русское духовенство заняло противоположную позицию и повело широкую кампанию против изъятия. Во время службы в соборе епископ Амвросий сказал, что ни в коем случае нельзя допустить изъятия ценностей и оголить церковные святыни. Особенно острые формы имела такого рода борьба среди духовенства в Каменецком уезде Подольской губернии⁵⁶.

В мае 1922 г. на Украине не удалось полностью завершить изъятие церковных ценностей, как это предусматривалось по плану. Некоторые губернии постановлением пленума исполкома Советов продлевали сроки изъятия. 2 июня того же года Скрипник направил телеграмму в ЦК КП(б)У следующего содержания: «Постановлением пленума Полтавского губисполкома изъятие продлено до 5 июня, а Цейзкомом (Центральной комиссией по изъятию церковных ценностей) крайний срок был установлен на 25 мая. Прошу срочно дать распоряжение о немедленном окончании кампании»⁵⁷. Однако изъятие продолжалось.

Всего за период кампании по изъятию церковных ценностей на Украине по данным сводки на 8 июня 1922 г. было конфисковано: серебра – более 3077 пуд., золота – более 3 пуд., бриллиантов – 1393 и многое другое вплоть до золотых часов, «николаевских» облигаций и ценных бумаг⁵⁸. Украинский историк Василий Верига в своей книге привел следующие данные, опубликованные в советской печати в июле 1922 г.: «Из украинских храмов было изъято более 2850 пуд. серебра, более 3 пуд. золота, 1397 каратов алмазов, 468 золотых и серебряных монет и др. ценности»⁵⁹.

В феврале 1922 г. в Москве в кругах интеллигенции была образована организация единого антисоциалистического духовного фронта, которая поставила целью защитить православную церковь от разграбления и преследования большевиков. Один из членов этой организации профессор Археологического

института Н.М. Коробков подготовил обращение в Верховный Совет Лиги Наций с копиями папе Римскому, королю Великобритании, президентам Франции и США. Коробков стал собирать подписи под обращением, после чего оно было перехвачено чекистами и оказалось в руках начальника секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонова. Приведем отрывок из него: «Неоднократные попытки протеста против творящегося в стране насилия над Церковью, свободой личности и слова неизменно влекли за собой лишь расстрелы и заключения в тюрьмы... Гонения на Церковь, принявшие самые дикие формы, выражаются... в бесконечных расстрелах священников и граждан, осмелившихся протестовать...»⁶⁰. За всеми членами этой организации была установлена слежка. В конце того же года Коробков был арестован за участие в контрреволюционной организации.

После ряда народных выступлений в поддержку церкви и против изъятия церковных ценностей план Л.Д.Троцкого по реквизиции церковного золота усовершенствовался. В его письмах и записках в Политбюро ЦК РКП (б) с 22 по 30 марта 1922 г. предлагалось организовать процессы над иерархами РПЦ, «расхищавшими» ценности. С этой целью ассигновать 10 млрд. советскими деньгами на проведение антицерковной агиткампании в самом широком масштабе, чтобы расколоть духовенство и расправиться с черносотенными попами.

22 марта того же года комиссия по реализации церковных ценностей в составе Троцкого, Красина, М.И. Фрумкина, М.М. Литвинова, П.Л. Войкова, Шеймана и Туманова на своем заседании приняла совершенно секретное постановление по фактической реализации ценностей на заграничном рынке на выгодных условиях с возложением за это ответственности на Наркома внешней торговли и под его контролем⁶¹.

4 мая 1922 г. В.И. Ленин выступил на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу «О реализации церковных ценностей за границей». Политбюро приняло постановление, которое обязывало Наркома внешней торговли Л.Б. Красина ускорить ход переговоров по реализации ценностей за границей⁶².

22 июня того же года Председатель СНК и Нарком иностранных дел УССР Х.Г. Раковский в письме Л.Д. Троцкому

предложил не снимать с изъятых церковных ценностей камни и серебро, а «заложить за границей и получить... целевой заем на помощь голодающим или на поднятие сельского хозяйства»⁶³. Заведующая Главмузеем Наркомата просвещения предложила ЦК Помгола не пускать церковные ценности в переплавку, а продавать, как можно дороже, целиком на Восток или в Англию, Францию⁶⁴. Распродажа драгоценных камней, снятых с церковных украшений, затянулась на десятилетие.

Советское правительство не допустило православную церковь к организации самостоятельного сбора средств и созданию церковного фонда помощи голодающим, а предлагало сдавать все церковные ценности в общий государственный фонд, возглавлявшийся М.И. Калининым. РПЦ и другие конфессии через объединения верующих самостоятельно собирали и направляли значительные денежные средства на закупку продовольствия и организовывали свои питательные пункты в районах голода. Глава РПЦ Патриарх Тихон обратился к главам зарубежных церквей с просьбой оказать материальную помощь голодающим Поволжья.

Таким образом, во время голода 1921–1922 гг. борьба между властью и церковью обострилась, несмотря на то, что миллионы граждан были заняты проблемой выживания. Настойчивое стремление новой власти покончить с религией натолкнулось на упорное открытое и скрытое сопротивление народа. Большинство граждан страны, даже те, кто в 1917 г. мирно встретили захват власти большевиками, не смогли согласиться с их намерением вычеркнуть церковь из традиционной жизни русского и российского общества.

Православие, ислам, католицизм, иудаизм и другие конфессии России были поставлены вне советской идеологии. На страницах газет коммунистические вожди периодически заявляли, что не намерены нарушать право на свободу вероисповедания, а на деле открыто высмеивали верования как пережиток прошлого. При большевиках свободу деятельности получили мелкие религиозные секты баптистов и других нетрадиционных групп, отколовшихся от основных религий и запрещенных до 1917 г.

Широкая антирелигиозная пропаганда Советской власти сочеталась с повышенной секретностью оперативных мер ГПУ по ликвидации авторитетных фигур духовенства и паствы. Изъятие церковных ценностей, равносильное ограблению, преподносилось как вынужденная и необходимая мера для спасения голодающих крестьян-хлеборобов под видом того, что церковь должна поделиться своим богатством с народом.

-
- ¹ *Баделин В.И.* Золото церкви. Иваново, 1993; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–55; *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2011; и др.
  - ² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы. М., 1996; Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1; М., 1998. Кн. 2; и др.
  - ³ Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. М., 2008. С. 140–142.
  - ⁴ Там же. С. 143–144.
  - ⁵ *Курляндский И.А.* Указ. соч. С. 106.
  - ⁶ *Полищук И.С.* Крестьянство и духовенство: очерки по истории Тверского края (20–30-е годы). М., 1996. Приложение, табл. 11.
  - ⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 322.
  - ⁸ *Коняев Н.М.* Священномученик Вениамин – митрополит Петроградский: документальное повествование. М., 2005. С. 39.
  - ⁹ *Лобанов В.В.* Указ. соч. С. 238.
  - ¹⁰ Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 3–11.
  - ¹¹ Там же. № 9. С. 21.
  - ¹² Там же. С. 13–14. Казанский Собор был разрушен до основания в 1930-е годы. Восстановлен в 1990–1993 гг.
  - ¹³ Цит. по: *Вострышев М.* Божий избранник: крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 96–97.
  - ¹⁴ Архивы Кремля. Политбюро и церковь ... Кн. 2. С. 12–15.
  - ¹⁵ Там же. С. 5–6.
  - ¹⁶ Там же. С. 15–16.

- ¹⁷ Там же. Кн. 1. С. 10–11.
- ¹⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 190.
- ¹⁹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь ... Кн. 1. С. 115.
- ²⁰ Там же. Кн. 2. С. 28–30.
- ²¹ Там же. С. 120.
- ²² Бутовский полигон, 1937–1938 годы. М., 1998. Кн. 2. С. 355–356.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2342. Л. 1–2.
- ²⁴ Там же. Оп. 11. Д. 29. Л. 55.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Архивы Кремля. Политбюро и церковь ... Кн. 1. С. 141.
- ²⁷ «Подтвердить к неуклонному исполнению...»: (протоколы заседания Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей) // Церковь в истории России: сб. ст. М., 2005. Вып. 6. С. 214–215.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 90–91.
- ³¹ *Баделин В.И.* Указ. соч. С. 193.
- ³² Там же. С. 110.
- ³³ *Шкаровский М.В.* Город на все времена. СПб., 2010. С. 191–193.
- ³⁴ *Васильева О.Ю., Книшевский П.Н.* Указ. соч. С. 182.
- ³⁵ *Кругликова Г.А.* Изъятие церковных ценностей в 1921–1922 гг. (на материалах Урала) // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. ст. Оренбург, 2006. С. 260.
- ³⁶ *Мезенцев Р.В.* Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2003. С. 18.
- ³⁷ *Кривова Н.А.* Указ. соч. С. 116, 118.
- ³⁸ *Кристалл А.М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1997. С. 29.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4939. Л. 1.
- ⁴⁰ ГА СБ Украины. Ф. 13. Д. 254. Л. 60.
- ⁴¹ *Веселова О.М., Марочко В.І., Мовчан О.М.* Голодомори в Україні, 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947: злочини проти народу. Київ; Нью-Йорк, 2000. С. 62–63.
- ⁴² ЦГА ООУ. Ф. 1. Оп. 20 (Отдел по работе среди женщин). Д. 1573. Л. 18.
- ⁴³ Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст.: історичні нариси. Київ, 2002. С. 301.
- ⁴⁴ ГА СБУкр. Ф. 13. Д. 254. Л. 61.
- ⁴⁵ Там же. Л. 62.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Л. 21.

- ⁴⁸ Там же. Д. 995. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же. Л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Л. 3.
- ⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 260 (Т. 2). Л. 7.
- ⁵² Там же. Л. 14.
- ⁵³ Там же. Л. 36; Політичний терор і тероризм в Україні ... С. 305.
- ⁵⁴ ЦГА ООУкр. Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 36–37.
- ⁵⁵ ГА СБУкр. Ф. 13. Д. 260 (Т. 2). Л. 63.
- ⁵⁶ Там же. Л. 79.
- ⁵⁷ ЦГА ООУкр. Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 27.
- ⁵⁸ Там же. Л. 31.
- ⁵⁹ *Верига В.* Конфискация церковных ценностей в Украине в 1922 г. Киев, 1996. С. 89. (На укр. яз).
- ⁶⁰ Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ, 1921–1923. М., 2005. С. 72–73.
- ⁶¹ Там же. С. 97.
- ⁶² Архивы Кремля. Политбюро и церковь ... Кн. 2. С. 231.
- ⁶³ Там же. С. 252.
- ⁶⁴ Там же. С. 272.

Курляндский И.А.*

**Протоиерей Иоанн Гаврилович
Вениаминов (1856–1947) – внук святителя
Иннокентия (Вениаминова) и духовник
императрицы Марии Федоровны
(Обстоятельства биографии)**

*Посвящаю памяти бабушки
Марины Иннокентиевны Курляндской
(урожд. Вениаминовой) (1916–2014), внучки
протоиерея Иоанна Гавриловича Вениаминова*

Герой этого очерка – внук святителя Иннокентия (Вениаминова) (1797–1879), митрополита Московского и Коломенского, знаменитого миссионера, просветителя Америки и Сибири, *Иоанн Гаврилович Вениаминов* (1856–1947), доводится прапрадедом автору настоящей публикации. Поэтому статья основана отчасти на материалах моего личного архива. В 1900–1910-е годы И.Г. Вениаминов был протоиереем домово́й церкви Аничкова дворца в Санкт-Петербурге (с 1914 г. – Петрограде) и духовником императрицы Марии Федоровны (1856–1928), вдовы императора Александра III и матери императора Николая II. В Аничковом дворце находились ее резиденция и канцелярия, управлявшая многими благотворительными учреждениями в Империи.

Родился Иван Гаврилович 1 (13) августа 1856 г. в г. Николаевске Приамурской области, где служил в то время миссионером и сподвижником святителя Иннокентия его отец протоиерей Гавриил Иванович Вениаминов (1824–1880). Иван Вениаминов упомянут в духовном завещании митрополита Иннокентия (1870 г.), в котором владыка завещал ему свои часы.

---

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

Умирая в 1879 г., святитель благословил своего внука Ивана, тогда офицера лейб-гвардии Семеновского полка, особым наставлением, «чтобы он всегда был офицером русским и верен принятой присяге»¹.

Поначалу Иван Гаврилович, окончив классическую гимназию в Москве, избрал военную службу. В 1876–1878 гг. он учился в 3-м военном Александровском училище. Законоучителем там был знаменитый проповедник протоиерей Александр Иванцов-Платонов (1835–1890), деятельный сподвижник митрополита Иннокентия по трудам Православного миссионерского общества в Москве². По окончании училища И.Г. Вениамин был прикомандирован к лейб-гвардии Семеновскому полку, в 1879 г. произведен в прапорщики, в 1884 г. – в подпоручики и в 1885 г. – в поручики. В послужном списке имеется также запись, что с мая по июнь 1883 г. он находился в составе войск, собранных в Москве и ее окрестностях по случаю коронавания Александра III и Марии Федоровны, и в память об этом событии получил темно-бронзовую медаль³.

Нелишне сказать и о семейном положении Ивана Гавриловича. В 1882 г. он женился на Анне Александровне Поповицкой (1863–1955) – дочери знаменитого православного публициста и богослова, издателя журнала «Русский Паломник» Александра Ивановича Поповицкого (1826–1904). История их любви запечатлена в хранящихся в архиве автора публикации записках А.А. Вениаминовой.

А.А. Вениаминова родила Ивану Гавриловичу двух сыновей – Сергея (22 (10) апреля 1884 г.) и Иннокентия (1 октября (19 сентября) 1885 г.). Об обстоятельствах рождения второго сына в записках А.А. Вениаминовой говорится следующее: «Дня за два до его рождения я вижу сон: будто дедушка моего мужа Митрополит Иннокентий сидит у нас в гостиной у стола, а на столе лежит образ святого Иннокентия. Я подхожу к дедушке под благословение, а он мне говорит: “вот у тебя будет сын, и ты назовешь его ИННОКЕНТИЕМ”, а до этого мы хотели назвать его Александром»⁴. К 1883–1888 гг. относится переписка Ивана Гавриловича с известным историком, биографом митрополита Иннокентия (Вениаминова) Иваном Платоновичем

чем Барсуковым (1841–1906), автором подробного жизнеописания великого миссионера и первого издателя его творений и писем. В письме от 21 мая 1883 г. И.Г. Вениаминов писал И.П. Барсукову: «Многоуважаемый Иван Платонович! Мы слышали, что Вы желаете издавать сочинения покойного владыки Иннокентия, митрополита Московского. В сем почтенном труде мы с братом (Евсеем. – *И.К.*) выражаем Вам полное согласие и обещание впредь никаких претензий не иметь. Преданный Вам Иван Вениаминов». 1 ноября 1884 г. он благодарил историка за материальную помощь семье покойного владыки: «Многоуважаемый Иван Платонович! При первой возможности спешу обратиться к Вам с изъявлением искренней благодарности за готовность Вашу помочь мне выбраться из затруднительного положения и выйти на более обеспеченный путь общественной деятельности. Все выражения моей благодарности будут лишь слабые отголоски тех чувств, которыми наполнено мое сердце к Вам, моему незабвенному благодетелю. Вы произвели в памяти Отечества честь нашу в лице Родителя – Владыки, мало того, Ваша любовь далеко простирается за пределы первоначальной цели: Вы стремитесь покровительствовать его семейству в частности...». В письме он также делится бытовыми подробностями своей жизни: «Мамаша с братом и сестрой в Петербурге. ... Я же живу отдельно от них в Павловске. И вот теперь я окончательно устроился, так как все время проходило в переездах, в уборке и хлопотах разного рода. В Павловск я забрался потому, что рота моя не имеет помещения в Петербурге вследствие ремонта казарм. Таким образом, я проживаю на даче; хотя это и слишком рано, но я доволен тем, что жизнь несколько подешевле, воздух лучше, что чрезвычайно важно моему ребенку (Сергею Вениаминову. – *И.К.*), наконец, больше свободного времени, так как мы далеки от петербургских соблазнов»⁵.

18 мая 1886 г. И.Г. Вениаминов оставил военную службу в чине штабс-капитана и вскоре принял священнический сан, в чем, по его признанию, был поддержан своей семьей. В письме 1894 г. митрополиту Петербургскому Палладию (Раеву) отец Иоанн так объяснил потом этот поворот в своей судьбе: «Не-

смотря, однако, на полученное воспитание и последовавший затем род службы, я с самого детства питал влечение к духовному званию, чтению и изучению богословских книг Православной Церкви и различных произведений духовной письменности. Первоначальные впечатления, полученные в родной семье, беседы и наставления покойного деда моего, Высокопреосвященного Иннокентия, и советы близких ко мне людей укрепили меня в моем всегдашнем стремлении вернуться в среду, из которой я вышел, и, подобно предкам моим, послужить Церкви Божией»⁶.

Иоанна Вениаминова 2 июня 1886 г., после испытания его в знании богословских наук, рукоположил в Вильне архиепископ Литовский и Виленский Алексей (Лавров-Платонов) (1821–1890), выдающийся в прошлом сподвижник митрополита Иннокентия (Вениаминова) в период его служения на московской кафедре в 1870-е годы. В Московской духовной академии Лавров был тогда профессором права и отстаивал позиции владыки в вопросах проекта духовно-судебной реформы, затем, постригшись в монашество, стал при нем же викарным епископом Можайским. Владыка Алексей (Лавров-Платонов) предоставил отцу Иоанну место второго священника в кафедральном Александро-Невском соборе в г. Ковно (ныне г. Каунас), куда тот и переехал с женой и двумя детьми (Сергеем и Иннокентием). В соборе Ковна служил настоятелем протоиерей Дорофей Филофеевич Ярушевич (1860–1930), с которым семьей И.Г. Вениаминова связывала также и тесная дружба. В биографических очерках отца Дорофея описывают как энергичного и просвещенного человека, владельца большой библиотеки. Впоследствии его перевели законоучителем в гимназию в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, в 1920-е годы он служил священником в Киевском подворье⁷. А.А. Вениаминова вспоминала о своей дружбе с супругой о. Дорофея Екатериной Николаевной Прилуцкой (1862 г. рождения), дочерью причетника Тверской епархии: «Я подружилась с его женой Екатериной Николаевной. Она просила меня быть крестной матерью ее первого ребенка Дорофея. Второго ребенка ее Веру крестил мой муж, а третьего ребенка Бориса крестил (? – И.К.) брат

Екатерины Николаевны Николай Николаевич Прилуцкий, а Батя мой (имеется в виду тоже И.Г. Вениаминов, А.А. Вениаминова называла его “Батя”. – *И.К.*) совершил таинство крещения»⁸. Упомянутый в этом тексте «ребенок Борис» – это будущий видный иерарх Русской Православной Церкви митрополит Николай (Ярушевич) (1892–1961). Очевидно, в записках А.А. Вениаминовой содержится неточность: Н.Н. Прилуцкий не «крестил», а был восприемником при крещении. Таким образом, будущего известного митрополита крестил иерей Иоанн Вениаминов, внук святителя Иннокентия.

И на новом месте назначения продолжалась переписка отца Иоанна с историком и биографом свт. Иннокентия И.П. Барсуковым. Так, 13 октября 1886 г. он просил его позаботиться об одной несчастной вдове: «Многоуважаемый Иван Платонович! Чувство христианского братолюбия заставляет меня пренебречь чувством щепетильности. Сия бедная вдова вопиет мне о помощи. Не в силах я отказать ей успокоения. Все эти средства заключаются в одной надежде на Вас. Не найдете ли Вы возможность замолвить при случае графу Сергею Дмитриевичу (С.Д. Шереметеву, давнему другу митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) и его семьи. – *И.К.*) обо мне и моей просьбе устроить эту шестидесятилетнюю вдову в Странноприемном доме. В удостоверение ее личности прилагаю свидетельство ее духовного отца, а для усиления просьбы ее письмо ко мне. Я знаю ее лично и могу рекомендовать как достойное такой милости лицо. Сделайте, если благословит Вас Господь на это доброе дело, что возможно. Мы прекрасно устроились и мирно живем у тихой пристани. Призываю благословение Божие на Вас и на добрую семью Вашу. Священник Иоанн Вениаминов»⁹. В новом письме от 21 октября 1886 г. отец Иоанн делится переполнявшими его добрыми чувствами, в связи с оказанным попечением о вдове и известием о выходе второй части творений свт. Иннокентия: «Возлюбленный о Господе Иван Платонович! Благодарю создателя моего, пославшего мне истинную радость в Вашем письме. ... Истинно блаженны Вы, имея возможность стать посредником между бездомным и благотворителем, через это Вы получите и мзду Милостивого.

Весьма был рад видеть Николая Платоновича¹⁰. Несмотря на первое знакомство, я по родственному сходству его с Вами с первой же минуты полюбил его и так привык к нему, что, казалось бы, давно уже знаком с ним и имею многое расспросить и рассказать ему. Обещал навестить его, но пока нет времени. Как драгоценный дар, как залог любви готов принять и вторую часть “Творений Иннокентия”. Да ниспошлет Господь благословение Свое на труды Ваши. В нашем краю совершенно нет любителей духовной литературы, даже и просто читателей чего-либо, кроме газет. Потому что все чиновный люд, вечно занятой, а вне служебного времени, конечно, ничего не делающий. При этом, при всем желании содействовать распространению памяти о моем Деде, не могу встретить нигде участие. Духовенство? Да и тут далеко не уедешь, потому что нас всего четверо во всей Ковно, и наша братия крайне нуждается в копейке. Свидетельствую глубокое почтение Вам, семейству Вашему, остаюсь смиренный богомолец Ваш. Св(ященник). И. Вениаминов». Наконец, 9 марта 1888 г. из Ковна отец Иоанн послал И.П. Барсукову еще одно короткое письмо: «Многоуважаемый Иван Платонович! Искренне благодарю Вас за память и с глубокой признательностью принимаю труд Ваш. Да подаст Вам Господь благословение за дань любви Вашей к почившему Святителю Иннокентию. Прошу передать от нас поклон многоуважаемой супруге Вашей и милым детям Вашим. Остаюсь искренне преданный и благодарный Вам священник Иоанн Вениаминов»¹¹.

Церковное служение отца Иоанна сочеталось с преподаванием. В июле 1888 г. он был назначен законоучителем Ковенской братской церковно-приходской школы. 7 ноября 1889 г. был награжден набедренником¹².

В 1892 г. Вениаминов сменил место служения: 2 февраля он был переведен в г. Беловодск (ныне в Луганской области), 6 июля – в Харьков, куда переехал с семьей. Позднее, в 1894 г., в письме митрополиту Петербургскому Палладию отец Иоанн назвал причину, побудившую его просить о переводе из Ковна: «К сожалению, неблагоприятный для здоровья моей семьи климат Ковенской губернии заставил меня искать перехода на

службу в другую, более здоровую местность, для чего я обратился с просьбою к преосвященному Амвросию, архиепископу Харьковскому, также служившему некогда под начальством Высокопреосвященного Иннокентия. Его Преосвященство изъявил полное свое согласие на принятие меня на службу во вверенную ему епархию»¹³. Упомянутый архиепископ Харьковский и Ахтырский Амвросий (Ключарев) (1820–1901) в период служения святителя Иннокентия на московской кафедре в 1868–1870-е годы был одним из наиболее известных и просвещенных московских протоиереев, исполнителем многих поручений владыки, вел основную организационную и секретарскую работу в Православном миссионерском обществе. Согласно послужному списку отца Иоанна, 12 сентября 1892 г. он был утвержден законоучителем 3-й Харьковской народной школы, а по определению харьковского епархиального начальства 11 (18) мая 1894 г. «награжден бархатною фиолетовую скуфьею за ответственно-ревностную и усердную службу его»¹⁴. Как следует из путеводителя по Харькову 1902 г., церковь Сошествия Св. Духа на Конной площади (ныне – площадь Восстания), где служил Вениаминов, начала строиться 6 июня 1848 г. и была освящена 12 декабря 1854 г. А по площади пространства, занимаемого ее приходом, это был самый большой из приходов города. Церковь разрушили в 1937 г.¹⁵

1 ноября 1894 г. Иоанн Вениаминов обратился с обширным прошением на имя митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия (Раева), в котором, изложив обстоятельства своей биографии, написал следующее: «В настоящее время необходимость дать возможно серьезное и прочное воспитание детям к чему наиболее благоприятные условия представляет столица, равно как и желание жены моей вернуться на родину свою и детей наших, и жить ближе к престарелым ее родителям, заставляют меня прибегнуть к Вашему Преосвященству с нижайшим прошением перевести меня для дальнейшего служения в С.-Петербург или первоначально, по усмотрению Вашего Преосвященства, в один из ближайших к столице городов»¹⁶. Митрополит Палладий распорядился запросить харьковскую духовную консисторию, нет ли препятствий к такому назначе-

нию. И после получения оттуда благоприятного ответа петербургская духовная консистория своим определением от 8 февраля 1895 г. постановила переместить И.Г. Вениаминова на службу в Петербургскую епархию вторым священником церкви Покрова пресвятой Богородицы села Рыбацкое Петербургского уезда¹⁷. Новое место служения отца Иоанна находилось в одном из пригородов столицы (теперь это микрорайон Санкт-Петербурга «Рыбацкое»). Настоятелем храма в то время (с 1888 по 1905 г.) был окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию священник Михаил Николаевич Славнитский. Церковь была основана в 1744 г. В конце 1890-х годов в ее приходе состояли село Рыбацкое и деревня Усть-Славянка (538 дворов, 1603 мужчин и 1786 женщин). В 1930-х годах церковь закрыли, ее последнего настоятеля протоиерея Н.П. Кулигина, служившего в церкви с 1905 г., расстреляли в 1937 г. Сам храм был разобран в 1950-е годы. Теперь на его месте с 2005 г. – небольшой храм-часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Сохранился дом причта, в котором жил и отец Вениаминов с семьей¹⁸.

Материальное положение отца Иоанна в первый год его служения в столичной епархии было тяжелым. Он значился сверхштатным священником и не имел жалования от казны. 20 марта 1895 г. он подал прошение благочинному своего округа о назначении ему штатного священнического оклада жалования. Как следует из черновика решения Петербургской консистории, просьбу Вениаминова поначалу собирались отклонить. Но, очевидно, вмешательство митрополита Палладия изменило ситуацию. Исполняя определение консистории, владыка обратился 12 марта 1896 г. с прошением в Синод, в котором просил прибавить к настоящему составу причта церкви села Рыбацкое две новые вакансии – священническую и псаломническую. Свою просьбу митрополит мотивировал необходимостью удовлетворения религиозно-нравственных нужд населения обширного прихода. Так, четыре местных народных школы нуждались в законоучителе, поскольку единственный священник (штатный) не имел возможности вести исправно дело обучения из-за сложности приходских обязанностей. Синод 9 апреля удовлетворил эту просьбу владыки, и Вениаминов

был введен в штат причта¹⁹. 4 сентября 1897 г. за усердную службу он был награжден камилавкой²⁰.

Вскоре произошел переход Вениаминова из синодального в придворное духовное ведомство, что означало новую ступень в его духовной карьере. 2 июля 1898 г. он обратился к протопресвитеру, заведующему придворным духовенством, духовнику императора Николая II и императрицы Александры Федоровны Иоанну Леонтьевичу Янышеву (1826–1910) с прошением назначить его на вакантное место священника церкви Воздвижения Креста Господня императорского Таврического дворца (предыдущий настоятель храма иерей Алексей Успенский был уже полтора года психически болен, и стало ясно, что он не сможет вернуться к своим обязанностям)²¹. Янышев в письме министру императорского двора 9 июля поддержал ходатайство Вениаминова, упомянув, что проситель известен ему лично²². В ответ генерал-майор Фредерикс известил Янышева, что по его докладу император 16 июля разрешил уволить Успенского и назначить на его место настоятелем домового храма Таврического дворца Вениаминова²³. 24 августа был составлен акт о принятии Вениаминовым по описи всех сумм и имущества церкви, включая документы, архив и библиотеку²⁴.

Императорский Таврический дворец (ул. Шпалерная, д. 47), где Вениаминову пришлось прослужить около десяти лет жизни, был построен в 1783 г. архитектором И.Е. Старовым по распоряжению Екатерины II, которая подарила его князю Г.А. Потемкину. После смерти князя дворец перешел в ведение императорской фамилии. Церковь была расположена в правом крыле дворца, в 1798 г. ее освятили во имя святой Екатерины. В 1804 г. она была переосвящена во имя Воздвижения Честного Креста Господня. В 1819 г. Александр I приказал сделать для церкви новый иконостас. Происходил и большой ремонт церкви под руководством В.П. Стасова. Одноэтажная двусветная церковь представляла собой длинный зал, разделенный на три части. В восточной части, отделенной сплошной стеной, находились алтарь, ризница и библиотека. Алтарный купол поддерживали двенадцать колонн. Иконы для иконостаса написали А.Е. Егоров, С.А. Бессонов, Ф.П. Брюллов и А.И. Иванов. На

стенах были развешаны картины работы итальянских художников, взятые из Эрмитажа. Священные сосуды церкви отличались богатством и изящной работой. Церковь была закрыта в 1920 г., а затем разрушена. Здание дворца теперь занимает Межпарламентская ассамблея стран СНГ²⁵.

После назначения на более высокую должность Иван Гаврилович получил казенную квартиру в доме причта церкви дворца по адресу Шпалерная, д. 52, кв. 12, а также солидное жалование в 1500 рублей в год (в 1901 г. оно было повышено до 1800)²⁶. В 1901 г. отец Иоанн и другие члены причта, ссылаясь на тесноту и неудобство жилищных условий, просили разрешения переехать с семьями на жительство в сам дворец, но Николай II отказал²⁷.

Сбывалось давнее желание священника, чтобы его дети получили хорошее образование в столице: в 1899 г. Иннокентий и Сергей были приняты в седьмую Санкт-Петербургскую гимназию. В 1906 г., окончив гимназию с лучшими оценками, Иннокентий Иванович поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет²⁸.

С новым назначением Вениаминов получил новое поле для педагогической и общественной деятельности: в 1898 г. он был назначен законоучителем при Николаевском детском приюте (безвозмездно), а также членом Комитета по заведованию домом призрения вдов и сирот придворного духовенства²⁹. Новые награды также не заставили себя ждать: в 1901 г., по представлению И.Л. Янышева, он был пожалован наперсным золотым крестом из Кабинета Его Императорского Величества, в 1903 г. сопричислен к ордену св. Анны 3 ст.³⁰

Документы позволяют выяснить обстоятельства назначения И.Г. Вениаминова настоятелем церкви во имя св. Александра Невского собственного Его Императорского Величества Аничкова дворца – резиденции императрицы Марии Федоровны. Произошло это именно по воле Марии Федоровны, которая, скорее всего, познакомилась с отцом Иоанном в Таврическом дворце и впоследствии предложила ему стать своим духовником. Последний настоятель церкви в Аничковом (Н.И. Брянцев) был выведен за штат еще в 1884 г., и с тех пор это место оста-

валось незанятым³¹. 15 февраля 1907 г. Иван Гаврилович подал прошение заведующему придворным духовенством протоиерею П.А. Благовещенскому о своем переводе в Аничков³², и в тот же день Благовещенскому написал также состоящий при Ее Величестве Марии Федоровне генерал-адъютант князь В.А. Барятинский: «Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне благоугодно было выразить желание, чтобы на вакантное место Настоятеля Церкви при Собственном Его Императорского Величества дворце был назначен Священник при Церкви Императорского Таврического Дворца Иоанн Гаврилович Вениаминов, о чем имею честь довести до сведения Вашего Высокопреподобия для дальнейших распоряжений»³³. По этому вопросу 17 февраля последовало отношение Благовещенского министру императорского двора В.Б. Фредериксу об испрошении высочайшего разрешения о назначении Вениаминова, а также и преемника ему в церкви Таврического дворца, диакона императорского Мариинского дворца, кандидата богословия Сергея Вознесенского с возведением его в сан иерея³⁴. 1 марта начальник канцелярии министерства императорского двора А.А. Мосалов уведомил Благовещенского о том, что по всеподданнейшему докладу Фредерикса Николай II распорядился назначить Вениаминова на службу в церковь Аничкова дворца, а Вознесенского – на его место³⁵. По решению Благовещенского, перемещение Вениаминова исчислялось с 11 марта. 7 марта он известил отца Иоанна об удовлетворении прошения и предписал сдать находящееся в его ведении церковное имущество и все письменные дела и документы его преемнику³⁶. 17 марта Вениаминов рапортом сообщил Благовещенскому о его вступлении в должность священника церкви Аничкова дворца³⁷.

Церковь св. Александра Невского в Аничковом имела свою историю. Первоначально в 1751 г. церковь, устроенная во флигеле дворца, была освящена во имя Воскресения Христова. После перехода в 1817 г. Аничкова дворца во владение великого князя Николая Павловича (с 1825 г. — император Николай I) церковь переместили в ближнюю к Невскому проспекту часть третьего этажа дворца и освятили в 1817 г. во имя святого бла-

говерного князя Александра Невского. Стены храма были расписаны. В оформлении иконостаса приняли участие художники Б. Медичи и Ф. Торичелли. Вытканый шелком запрестольный образ Богородицы с Младенцем отличался особой красотой. В алтаре хранились 24 частицы святых мощей. В 1874 г. над храмом возвели изящную колокольню. В 1887 г. помещение церкви было заново отделано архитектором М.Е. Месмахером и вновь освящено. Многие предметы церковной утвари были изготовлены вдовствующей императрицей Марией Федоровной. После размещения в 1935 г. в зданиях Аничкова Дворца пионеров в помещении церкви был устроен кинозал³⁸.

Поселился Иван Гаврилович с семьей в доме рядом с дворцом по адресу Фонтанка, д. 33–35, в так называемом «конюшенном доме». В 1809–1810 гг. в нем размещался «Новый дом» Кабинета Е.И.В. (его проектировал архитектор Л. Руска). Теперь в этом обширном доме находилось множество квартир обслуживающего персонала и чиновников Аничкова дворца, конгломерат различных хозяйственных учреждений³⁹.

Усердие на новом месте служения вызвало новые награждения. В начале 1910-х годов И.Г. Вениаминов был возведен в сан протоиерея (точная дата этого события пока остается невыясненной). 20 февраля 1914 г. императрица Мария Федоровна пожаловала ему наперсный крест с украшениями из Кабинета Его Величества⁴⁰. 10 апреля 1916 г. император Николай II пожаловал ему орден Владимира 3 ст.⁴¹ Получаемое отцом Иоанном жалование составляло в 1910-е годы 2400 рублей в год⁴².

О внимании Вениаминова к подведомственной ему церкви Аничкова дворца свидетельствует и дело по его ходатайству о постройке новых взамен обветшавших ризниц с приложенными его рапортами и сметами с расчетами (июль – август 1915 г.). В постройке двух новых ризниц власти отказали ввиду недостатка средств из-за шедшей тогда войны и разрешили отпустить средства только на ремонт старой ризницы⁴³.

В домово́й церкви Аничкова дворца были крещены обе внучки Ивана Гавриловича. По данным метрической книги, 25 июня (8 июля) 1914 г. там была крещена дочь И.И. Вениаминова и Е.Н. Ивановой Анна (в честь св. Пророчицы Анны,

празднуемой Церковью 3 февраля). Восприемниками ее стали протоиерей И.Г. Вениаминов, брат его жены, потомственный дворянин Евгений Александрович Поповицкий, княгиня Мария Николаевна Шаховская и мать жены Иннокентия Ивановича Вениаминова Мария Федоровна Иванова⁴⁴. После 11 (24) февраля 1916 г. в той же домово́й церкви в честь св. князя Александра Невского в Петрограде была крещена вторая дочь И.И. Вениаминова Марина – родная бабушка, мать отца автора настоящей публикации⁴⁵. Данные о восприемниках в данном случае отсутствуют, но, скорее всего, по традиции в их числе тоже был дедушка Иван Гаврилович.

С князьями Шаховскими у семьи Вениаминовых были добрые, дружеские отношения. В Российском государственном историческом архиве сохранилось письмо протоиерея Иоанна Вениаминова от 12 августа 1916 г. к одной из представительниц этого видного дворянского рода княгине Марии Анатольевне Шаховской (1869–1932). Мария Анатольевна была дочерью шталмейстера двора князя Анатолия Куракина и Марии Гурьевой, внучки министра финансов при Александре I Дмитрия Гурьева. В начале XX в. она вышла замуж за гвардейского офицера князя Владимира Алексеевича Шаховского (1863–1918), адъютанта великого князя Николая Николаевича. В 1918 г. В.А. Шаховской был расстрелян большевиками в числе заложников в Кисловодске. Восприемница при крещении дочери Вениаминовых Анны княгиня Мария Алексеевна Шаховская (1855–1910) была старшей сестрой ее мужа, В.А. Шаховского. В 1910-х годах Мария Анатольевна владела знаменитым особняком своих предков Гурьевых в столице – на Фонтанке, д. 27, известным как «дом Шаховской», и таким образом приходилась семье Вениаминовых не только другом, но и соседом. В годы Первой мировой войны она широко участвовала в деятельности благотворительных учреждений, была крупной помещицей и занималась предпринимательством. Иван Гаврилович писал ей из Петрограда, вероятнее всего, на юг, где княгиня находилась на отдыхе и лечении:

«12.VIII.16 г.

Петроград

Ваше Сиятельство!

Глубокоуважаемая и дорогая княгиня Мария Анатольевна!

Счастливы Вашим дорогим для меня вниманием, за которое и приношу Вам мою сердечную благодарность.

Весьма жаль, что лето не принесло Вам необходимого отдохновения и восстановления сил. Дай Бог, чтобы конец его был для Вас был благоприятен; а поэтому Вы не торопитесь возвращением в сырой, старый и холодный Петроград. Мы лучше еще подождем, как это для всех нас ни тягостно, но зато встретим Вас бодрой и здоровой. Верно то, что все о Вас с высокой признательностью, благодарностью и высоким уважением вспоминают как о заботливой ходатайнице, действенной утешительнице, мудрой, твердой и рачительной руководительнице и советнице. Всего этого теперь нам не достает, но лучше мы еще подождем, лишь бы Вы поправились.

“На душе и сердце жуть...” Господь с Вами, Дорогая Княгиня! Возверзите на Господа печали Ваши, и Он успокоит Вас, возьмите с кротостию иго Его на себя, возьмите с любовью крест Ваш, от Него посылаемый, и с терпением, смирением несите его, взирая на Великого ради нас Крестоносца Спасителя. Господь Сам поможет Вам, утешит Вас и увенчает. Подумайте, Дорогая Княгиня, что Господь есть отмститель за оскорбленных родителей и пожалейте некоторых непокорных, а теперь кающихся, ведь над ними уже произнесен приговор: “смертию да умрет (Матф., 15, 4)”, что еще мы будем к этому прибавлять? Но что еще когда будет? Оно уже есть. Разве письмо не доказывает это? Просьба о прощении и благословении есть доказательство внутренней скорби, а, быть может, отчаяния. Гнев и негодование служат препятствием к откровенности и признанию, но Вы, Дорогая, Добрейшая Княгиня, будьте великодушны. Победите, хотя и справедливый гнев, кротостию Христовою, воззовите ко Господу: “Отче, отпусти им, как я отпускаю! Отче праведный, пощади их, да не погибнут!”

Приблизьте их, хотя пока одну дочь, и Вы увидите ее разочарование, а я боюсь, что и отчаяние, что есть смерть конечная, временная и вечная. Простите, Дорогая Княгиня, что я пишу об этом, но я со слезами пишу, сердечно боля о Вас, и,

конечно, много молясь о Вас, да Господь, который “есть мир наш (Ефес., 2, 14)” да усладит Собою сердце Ваше.

Очень, очень благодарю добрейшую княгиню Софью Владимировну за привет и радуюсь, что она около Вас: ей также надо отдохнуть и не следует сюда торопиться. Взаимно ее приветствую.

У нас все благополучно. Сейчас больных 170 ч. и 30 числится в отпуску. Всего больных было 470 человек, из них умерло 10.

Я чувствую себя хорошо и часто бываю в лазарете, утешаю, как умею.

Господь да хранит Вас Своею благодатию во всяком благополучии.

Вашего Сиятельства преданнейший слуга и усердный богомолец,

И. Вениаминов»⁴⁶.

Приведенное выше письмо выразительно теми добрыми христианскими чувствами, с которыми протоиерей Иоанн Вениаминов утешал княгиню Марию Анатольевну в ее скорбях, вызванных тяжелым конфликтом с детьми, находя для уврачевания ее душевных ран точные слова. Из документа также становится известным, что в годы Первой мировой войны в Петрограде отец Иоанн трудился в лазарете для больных и раненых воинов, окормляя и утешая их, совмещая это с преподаванием Закона Божия в церковно-приходской школе Аничкова дворца и иными ответственными пастырскими обязанностями.

О доброте протоиерея Иоанна вспоминает его внучка Анна Иннокентиевна Тауэр (урожд. Вениаминова); приведу фрагмент из ее мемуаров: «Одна интересная история была у наших бабушки с дедушкой. Как-то дедушка крестил одну женщину – жену рабочего Путиловского завода Петербурга, она была еврейкой, и у нее было 11 детей. И вот спустя несколько лет приносят бабушке новорожденную девочку, – ее мать скончалась родами, а через день умер старший сын от чахотки, и девочку решили принести “батюшке”. Бабушка (А.А. Вениаминова. – *И.К.*) обратилась к дедушке, – “что делать?” Дедушка сказал, что видимо Бог послал нам дочку (а у них было два сына. Старший Сергей – офицер флота и наш папа – Иннокентий), значит, надо ее воспитывать, и ребенка приняли, удочерили и

воспитали, как свою дочь, назвали Екатериной. Удочерил ее старший сын дедушки Сергей Иванович, а жила она и воспитывалась у дедушки. Катя кончила Институт благородных девиц, получила великолепное образование, прекрасно говорила по-французски, была нам совершенно родной»⁴⁷.

Трудные времена для протоиерея Иоанна Вениаминова и его семьи наступили в революционном 1917 году. 6 июня вышло постановление Временного правительства о передаче Аничкова дворца со всеми имеющимися на его территории зданиями в ведение Министерства продовольствия. В связи с этим канцелярия министерства 7 августа обратилась к заведующему бывшим придворным духовенством протопресвитеру А.А. Дернову с просьбой распорядиться предоставить причту церкви какие-либо помещения вне зданий дворца⁴⁸. Проще говоря, новая власть пыталась причт выселить, хотя церковь не закрывалась. Дернов ответил, что в его распоряжении квартир для причта нет⁴⁹. Временное правительство не пошло на выселение причта. И Вениаминов с семьей, и другие священнослужители остались на прежнем месте. Октябрьская революция изменила ситуацию в худшую сторону. В здания Аничкова дворца теперь въехали службы Наркомата продовольствия РСФСР. 5 (18) января 1918 г. И.Г. Вениаминов (не только от себя, но и от причта церкви) отправил А.А. Дернову рапорт (хотя сам институт придворного духовенства был отменен, управление бывшим придворным духовенством продолжало существовать) о решении комиссии при Наркомате продовольствия 3 января «объявить служащим при Аничковом дворце, в том числе и причту церкви (настоятелю, протодиакону и двум псаломщикам), что к 11-му сего января занимаемые нами квартиры должны быть освобождены. Ходатайствуем о предоставлении нам до окончательного решения судьбы б[ывшего] придворного духовенства взамен отбираемых от нас квартир какого-либо другого помещения, а также возможного пособия в возмещении расходов к переезду»⁵⁰. Дернов доложил о просьбе причта в бывший Кабинет Его Величества, но ответ его неизвестен⁵¹. Судя по дальнейшей переписке, власти согласились немного подождать с выселением. 2 (15) февраля Вениаминов новым рапортом Дернову донес о

положении: «по распоряжению Министерства продовольствия (то есть наркомата продовольствия. – *И.К.*) богослужения в церкви Аничкова дворца прекращены, а школа церковно-приходская того же Дворца закрыта. Имущество церкви у меня на сохранении, а школы – сдано управлению Аничкова дворца, которому оно и принадлежало. Протоиерей И. Вениаминов»⁵². Между тем власти, подождав, приступили к решительным мерам, чему свидетельство – письмо псаломщика церкви в Аничковом Н. Назарьевского Дернову от 3 (16) февраля, в котором он упоминал о предписании ему комитета Аничкова дворца покинуть квартиру в двухнедельный срок под угрозой насильственного выселения. «Не имея никаких средств как на наем квартиры, а также на уплату и перевозку имущества, почтительнейше прошу Ваше Высокопреподобие об исходатайствовании пред комитетом бывшего министерства двора пособия на уплату за квартиру и перевозку»⁵³. Последнее в этом деле ходатайство Дернова от 10 (23) февраля в бывший Кабинет Его Величества было о выдаче причту церкви Аничкова Дворца (Вениаминову, протодиакону и двум псаломщикам) жалования за три месяца по 1 апреля 1918 г., – при том, что и за январь жалования священноцерковнослужителям выплачено не было⁵⁴. Дернов приложил требовательные ведомости с расчетами⁵⁵. Но как решился вопрос – неизвестно, равно как смогли ли существовавшие теперь на общественных началах бывшие придворные конторы помочь причту Аничкова дворца с поиском новых квартир и оплатой переезда. Причт выселили в феврале–марте 1918 г. из дома на Фонтанке. Иван Гаврилович Вениаминов номинально продолжал числиться настоятелем закрытой большевиками церкви Аничкова дворца до 1921 г. 18 мая 1921 г. он подал прошение на определение его к новому месту службы:

«Заведывающему б. Придворным духовенством отцу Протопресвитеру Александру Александровичу Дернову
Протоиерея церкви Аничкова Дворца Иоанна Вениаминова
Прошение.

Чсть имею почтительнейше просить Ваше Высокопреподобие, в случае освобождения священнического места служения в

вверенном Вам ведомстве, о предоставлении мне свободной вакансии.

Протоиерей Иоанн Вениаминов.
18/31 мая 1921 г. Петроград»⁵⁶.

Резолюция Дернова на этом прошении была первоначально «Иметь в виду», но позднее он написал следующее: «21 мая / 3 июня 1921 года. Протоиерей Иоанн Вениаминов определяется на место священника при Петропавловском соборе на одну вакансию после кончины отца протоиерея Константина Вельнистова (?). А.А.Д.»⁵⁷. Петропавловский собор, хоть и был закрыт большевиками в 1919 г., имел еще состоящий при нем причт во главе с последним настоятелем собора протоиереем Федором Боголюбовым. Петропавловский собор и стал последним местом служения Иоанна Вениаминова в Петрограде. Вероятно, продолжались в нем и тайные богослужения. 24 октября 1921 г. псаломщик этого собора Кирилл Зверев обратился к зав. б. придворным духовенством Дернову с просьбой возвести его в сан священника, но с оставлением временно в должности псаломщика, – для того, чтобы он мог под руководством настоятеля собора и других отцов протоиереев (значит, в том числе и Иоанна Вениаминова) лучше подготовиться к пастырской деятельности⁵⁸. Дернов просьбу Зверева изложил в письме к Патриарху Тихону 30 ноября 1921 г.⁵⁹, на котором Святейший написал резолюцию: «28 дек./10 янв. Со своей стороны не имею препятствий к посвящению К. Зверева в иерея и в оставлении его на вакансии псаломщика. П(атриарх) Тихон»⁶⁰. В связи с превращением Петропавловского собора в музей, в 1922 г. его причт был разогнан.

В 1922 г. супруги И.Г. и А.А. Вениаминовы переехали в Москву, – в значительной мере это было связано с потерей прежних мест служения отцом Иоанном в Петрограде, а также с тем обстоятельством, что его сын Иннокентий Вениаминов получил работу в советских учреждениях, – сначала в Госбанке, затем в управлении РККА, а также квартиру в Москве. Он переехал в столицу сначала сам с семьей, а затем пригласил отца с матерью жить у него дома. На новом месте жительства отец

Иоанн продолжал свое церковное служение, о чем вспоминает его внучка А.И. Тауэр в той части своих мемуаров, где она рассказывает о том, как в ее семье праздновали Рождество: «В Сочельник нас укладывали спать в 9 вечера, чтобы в 11 ч. нас нарядить и взять с собой, со всеми взрослыми, в церковь св. Адриана и Наталии, которая была рядом с нашим домом на заутреню, где служил наш дедушка Иван Гаврилович столько, сколько жил в Москве с нами. (...) В советское время красивую эту церковь сломали до основания»⁶¹. Речь идет о старой церкви святых мучеников Адриана и Наталии в Мещанской слободе, построенной в 1672 г. на Троицкой дороге, ведущей в Троице-Сергиеву Лавру. В начале 1680-х годов деревянная церковь сгорела, и тогда на ее месте в 1686–1688 гг. был построен новый каменный храм. Он стал приходским для окрестного населения Мещанских улиц. Богатые купцы, «чайные короли» Перловы заботились в XIX в. об этом храме. В 1887 г. под сводами этого храма было совершено праздничное богослужение чайного дома Перловых. В 1880-е годы настоятелем храма был знаменитый московский протоиерей Петр Казанский, один из видных сподвижников митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) по трудам в Православном миссионерском обществе. Там отпевали в 1897 г. знаменитого прихожанина, – московского врача Захарьина, учителя А.П. Чехова и профессора Московского университета. В церкви св. Адриана и Наталии также находилось распятие работы знаменитого русского художника В.М. Васнецова. Поселившись в 1918 г. на 1-й Мещанской улице в д. 31, Вениаминовы стала прихожанами этой известной церкви, расположенной тоже на 1-й Мещанской, а дедушка Иван Гаврилович устроился служить там священником. В ходе антирелигиозной кампании 1922 г. храм, как и многие церкви Москвы, подвергся ограблению под предлогом помощи голодающим, – было изъято 19 пудов серебра и 16 тонн колоколов. В истории храма читаем: «Остались свидетельства, что храм в день изъятия окружила плотная толпа, рассеявшаяся лишь при появлении кавалерии. Однако храм долгое время продолжал действовать и даже еще раз вошел в памятную летопись русской истории и культуры. В июле 1926 года в скромной церк-

вушке на 1-й Мещанской улице отпевали великого В.М. Васнецова. Он скончался в июле 1926 года, работая над портретом М.Н. Нестерова. Последнее жилище Васнецова находилось недалеко от этой церкви, в 3-м Троицком переулке, теперь носящим его имя... Храм Адриана и Наталии пал жертвой социалистической реконструкции Москвы... Его сломали в 1936 году. И сейчас на месте московской церкви – “типичный” сквер между домами 11 и 13. А в 1957 г. “1-я Мещанская” была переименована в “Проспект Мира”»⁶².

О жизни в Москве в 1920-е годы семьи Вениаминовых, состоящих русских интеллигентов, процитируем также воспоминания А.И. Тауэр (урожд. Вениаминовой):

«Таким образом, мы оказались в Москве большой семьей. Бабушке Марии Федоровне (матери жены И.И. Вениаминова, Е.Н. Ивановой. – *И.К.*) дали пенсию 21 рубль. Мама и т. Наташа вначале работали на железной дороге и что-то там получали. Папа до своего ареста получал жалование в ГУ РККА. Нас с Мариной отдали в 1919 г. в ближайший Детский сад (до сих пор мы вспоминаем его с удовольствием, какие люди там работали, как ухаживали за детьми, как воспитывали). Мы находились там круглосуточно, а на воскресенье нас забирали домой. Летом детский сад вывозили на ухоженную подмосковную дачу на все лето.

Мальчики Ставровские (двоюродные братья сестер Вениаминовых. – *И.К.*) учились в ближайшей школе, тоже сохранявшей уклад и людей из бывшей гимназии, где их мама Наталья Николаевна (сестра жены И.И. Вениаминова Е.Н. Ивановой. – *И.К.*) до революции 1917 г. была классной воспитательницей (в тогдашней гимназии). Интересно, что в ту же школу, где учился Шура (Александр Ставровский) в 1958 г. пошла дочка Марины Анечка Курляндская, которую он проводил в 1-й класс своей школы. В школу я (Анна) поступила в 1922 г. Через два года в ту же школу около Сухаревской башни поступила Марина. А так как я, кроме образовательной школы, училась еще и в музыкальной, и довольно успешно, то меня взяли работать во время учебы в старших классах в кино тапершей, т.к. кино в то время было немое, и в зале стоял рояль, и я в темноте, свет шел

только с экрана, импровизировала по ходу действия картины довольно удачно и зарабатывала какие-то деньги.

Кроме нас всех приехала в Москву с бабушкой из Польши (М.Ф. Ивановой. – *И.К.*) их польская домработница Олеся, а вскоре бежал из Питера к нам дедушка И.Г. Вениаминов со своей женой, нашей бабушкой Анной Александровной и приемной дочерью Екатериной. Таким образом, вначале нас всех в московской квартире было 12 человек...

Жили мы скудно, но дружно и весело. Главой семьи была М.Ф., всем и всеми руководила. Мы жили по порядку, соблюдаемому бабушкой с XIX века. Как она управлялась со всей семьей, уму непостижимо! Вскоре женился Шура (Александр Ставровский) на Елене Латышевой и родилась у них доченька Алла в 1932 году⁶³.

Все работы и всеми деньгами распоряжалась бабушка М.Ф. Она соблюдала все христианские праздники, особенно Рождество Христово с елкой, наряженной игрушками бабушкиного детства, значит, изготовлениями XIX века из папье-маше, некоторые сохранились в наших семьях со свечками. А, между прочим, в советское время до 1936 г. справление этого праздника, особенно с елкой, категорически запрещалось и могло привести к аресту. И т.к. мы жили на первом этаже, то окна занавешивали одеялами, чтобы елки не было видно. Конечно, пеклись различные пироги, сладости, запекалось мясо и т.д. ...После Заутрени все шли домой, часа в 2 ночи и разговлялись всякими вкусностями. А вечером собирались гости, родные: бабушкина сестра Манюся с сыном (лет 50), дядей Леней, родственницей т. Наташи, красавицей в свои 50 лет, всегда в шляпке XIX в. тетей Лорой. Она прекрасно пела русские романсы, а дядя Леня чудесно читал Чехова, его замечательные рассказы. Я играла на рояле, аккомпанировала всем. Марина переодевалась в бабушкины длинные платья и изображала из себя балерину, которой очень хотела стать. Но не сбылось! Ее даже показывали Марии Семеновой – балерине Большого театра, народной артистке СССР, чьей-то родственнице⁶⁴. Та не посоветовала и правильно сделала, хотя тогда Марина плакала, очень переживала...

После застолья бабушка садилась за карточный стол со своим приятелем доктором Полуэктовичем и зятем Тухачевского, будущего маршала⁶⁵, и четвертой партнершей тетей Наташей

или нашей мамой, и они играли сложную игру “Вист”. Раздавались крики, споры, обидные слова, но, конечно, в рамках приличия. Наш папа (И.И. Вениаминов. – *И.К.*) даже сочинил стихи:

Лучше всех играла теща (бабушка М.Ф.),
Хужа всех – моя жена (Екатерина Николаевна).
А Наташа все смеялась,
Ей все это трин-трава...

Папа вообще сочинял много стихов о нашей жизни с картинками, но в войну все пропало. Вообще к бабушке М.Ф. приходили играть в карты, петь, читать стихи, пить чай с пирожками и сладким пирогом каждое воскресенье, как это было в ее доме до 1917 года, затем и в Гражданскую войну и даже после, пока она была жива»⁶⁶.

В 1925 г. И.Г. Вениаминов уехал из г. Москвы на новое место служения в г. Воронеж – добровольно, но понимая вероятную возможность репрессии, как бывшего духовника бывшей императрицы, в случае продолжения его проживания в столице. А.А. Вениаминова пишет, что его призвал поехать в Воронеж себе в помощь архиепископ свщмч. Петр (Зверев) (1878–1929): «Сын наш перевез нас к себе в г. Москву, а из Москвы архиепископ Петр взял его в Воронеж, куда мы и поехали»⁶⁷.

Владыка Петр был переведен в Воронеж в июле 1925 г., что дает возможность уточнить дату отъезда И.Г. Вениаминова из Москвы. В г. Воронеже И.Г. Вениаминов поселился вместе с добровольно разделявшей с ним все его скитания супругой А.А. Вениаминовой в Покровском женском монастыре, где продолжал свое служение.

Из письма к сестре М.И. Курляндской его внучки А.И. Тауэр, навещавшей Ивана Гавриловича в 1926 г. на новом месте жительства (2004 г.):

«Когда я вижу куст жасмина, его чудесный запах переносит меня в Воронеж, в Покровский женский монастырь, где в небольшом белом домике (келье) жили наши дедушка и Буменька (так в семье называли бабушку Анну Александровну) и куда на

лето уезжали мы, я с удовольствием вспоминаю это лето. Мне нравился сам монастырь, большой храм, где служил дедушка, за ним было кладбище, на котором на небольшие праздники зажигали лампы, белые маленькие домики, – кельи монашек, которые занимались вышиванием, кружевами (я там же научилась вышивать), а ты больше бегала с мальчиками. Помнишь? Монастырь стоял на небольшой горе, а на другой стоял мужской монастырь, монахи которого занимались резкой по дереву, – у них весь храм был сделан из красивого вырезного дерева. Мы туда ходили, т.к. там служил наш родственник (какой, я не знаю) владыка Петр, которого мы обожали и который после дневной службы брал нас к себе в дом. А помнишь, как мы убирали наш дом к его приезду. Вот тогда ты с мальчишками приносила домой много веток жасмина, которые мы разбрасывали по ковру от входной двери до стола, где его ждал чай. Как я все это хорошо помню»⁶⁸.

Упомянутый здесь дружный с семьей Вениаминовых «владыка Петр» – это священномученик Петр (Зверев) (1878–1929), с ним близко общался протоиерей Иоанн Гаврилович в Воронеже, и он же уговорил его отправиться с ним на это место служения. По свидетельству А.И. Тауэр, архиепископ Петр доводился дальним родственником протоиерею Иоанну Вениаминову, будучи в третьем или четвертом колене потомком сестер или братьев супруги сына святителя Гавриила Ивановича Вениаминова Екатерины Ивановны (урожденной Зверевой), – следовательно, матери Ивана Гавриловича и бабушки И.И. Вениаминова⁶⁹.

Владыка Петр был близким сотрудником Патриарха Тихона, в 1919 г. хиротонисан им в епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, в начале 1920-х подвергался репрессиям, послан в Туркестан. По возвращении из ссылки, в 1925 г. он подписал акт о восприятии власти Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского). В июле 1925 г. владыку направили в Воронеж в помощь престарелому и больному митрополиту Владимиру (Шимкевичу). После его кончины отец Петр в 1926 г. был назначен на Воронежскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В Воронеже архиепископ Петр вел активную

борьбу с обновленчеством, добившись массового возвращения в патриаршую Церковь раскольников через покаяние. В ноябре 1926 г. его арестовали и приговорили к 10 годам за «контрреволюционную деятельность». Таким образом, сестры Анна и Марина Вениаминовы застали владыку Петра в его последнее лето, проведенное им на свободе. Его отправили в Соловецкий концлагерь, бывший в 1920-е годы местом заключения многих священноцерковнослужителей Русской Церкви. Там его поселили на острове Анзер, где он был заточен в бывшем Голгофском скиту. В конце 1928 г. владыка заболел тифом и скончался 7 февраля 1929 г. В 1999 г. были обретены его мощи, и владыка Петр был канонизован как местночтимый святой Владимирской епархии. В августе 2000 г. на Архиерейском Соборе РПЦ он был причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских⁷⁰.

О жизни И.Г. Вениаминова в Воронеже пишет в своем письме от 30 января 1927 г. в г. Ленинград Елене Дмитриевне Ярушевич (1904–2001) (двоюродной сестре известного иерарха РПЦ Николая (Ярушевича) и многолетнему другу семьи Вениаминовых, Тауэр и Курляндских) его супруга А.А. Вениаминова:

«Живем мы здесь с дядей (имеется в виду И.Г. Вениаминов. – *И.К.*) хорошо, тихо и спокойно, в хате нашей и тепло и уютно. Матушки наши очень, славные, добрые, все нам делают (имеются в виду монахини Покровского женского монастыря. – *И.К.*), я шью себе что-нибудь или Катюшиной дочурке (дочери приемной дочери И.Г. и А.А. Вениаминовых Екатерины. – *И.К.*) белье и платьица. Материал она мне присылает. Зима здесь нынче очень морозная и снегу очень много, целые горы кругом наших монастырских хаток. Солнце светит днем ярко, так что со снегом очень светло. Хотелось бы мне очень, чтобы как-нибудь твою мамочку заполучить нам погостить, а потом и вы бы, родные мои, поочередно навещали нас. Стареем мы, и недолго уж остается жить на этом свете, а как бы хотелось повидать еще всех своих родных»⁷¹.

В Воронеже Ивана Гавриловича и Анну Александровну навещал также и их старший сын Сергей Иванович Вениаминов

(1884–1938), проживавший в те годы с семьей в г. Астрахани. И об этом в том же письме А.А. Вениаминовой есть запись: «Сергея тоже собирается привезти к нам нашего внука Ростислава, которому в марте уже будет три года»⁷². «Ростислав», – известный будущий архимандрит Русской Православной Церкви за рубежом Иннокентий (Вениаминов) (1924–2002).

Покровский девичий монастырь, где жил и служил в 1924–1927 гг. протоиерей Иоанн Вениаминов, имел большую историю. Он был основан в 1623 г. Стараниями игумений его территория на протяжении четырех веков расширялась и дополнялась новыми строениями. В истории монастыря читаем: «В начале XX века население монастыря составляло маленький городок: игуменья, 86 монахинь, 151 послушница, 648 живущих на испытании и 132 обучающихся рукоделиям и грамоте; всего 1017 человек. В середине XIX века Покровский монастырь из-за многолюдства расширил свои пределы и занял всю ту местность, которая была ему отведена в 1702 году. Здесь постоянно росли новые постройки. Весьма деятельной устроительницей внешнего благолепия обители стала игуменья Христофора (Полтавцева), управлявшая ею с 1814 по 1828 год. Она украсила своим старанием церковь: оштукатурила ее, расписала внутри, приобрела дорогие облачения и утварь; устроила великолепную колокольню с церковью внутри; возобновила каменную ограду с башнями и монастырские службы. Отыскавши источник внутри монастыря, она устроила колодезь, что отвлекло монахинь от мирских развлечений, во время хождения за водой за монастырские стены. В октябре 1821 года за такие труды игуменье Христофоре было преподано благословение Святейшего Синода». Главный храм монастыря во имя Преображения Господня был построен в 1788–1799 гг., капитально отреставрирован и вторично освящен в 1872 г. Также украшением монастыря были: церковь во имя всех святых Печерских (1832–1835 гг.), домашняя церковь св. Анны, Матери Пресв. Богородицы (в память о благотворительнице монастыря графине Анны Алексеевне Орловой-Чесменской), трехъярусная колокольня. В монастыре бывали видные деятели русской культуры – поэты И.С. Никитин и В.А. Жуковский. На монастырском кладбище

были захоронены представители ряда видных дворянских фамилий. В странноприимном доме на территории монастыря останавливался в 1926 г. архиепископ Петр (Зверев).

В 1920-е годы монастырь, как и многие другие обители, подвергся притеснениям со стороны органов советской власти. В 1922 г. последовало массовое изъятие ценностей, на практике принявшее форму ограбления монастыря. В 1924 г. у монастыря была отобрана и закрыта Печерская церковь, где разместился клуб им. М.И. Калинина. Из истории монастыря: «Газета “Коммуна” писала: “Войдя в него, не верится, что здесь когда-то была церковь. Вместо икон по стенам висят портреты вождей, а высоко-высоко, под самым куполом, где стоял крест, теперь ярко горит красная пятиконечная звезда...”». Жалоба священников и монахинь на имя самого Калинина действия не возымела. В январе 1925 г. на монастырской территории были муниципализированы многие кельи, в них поселились посторонние люди. В октябре 1925 г. губернские власти отобрали у монахинь главный храм и передали его новой раскольнической группе (автокефалистов. – *И.К.*)⁷³.

Именно этим печальным событиям стал свидетелем протоиерей И.Г. Вениаминов. Окончательная расправа над монастырем произошла в 1929 г.: тогда монастырь был закрыт, а с его церкви был торжественно снят крест. Территория монастыря ушла в 1930-е годы под частную застройку, Преображенская церковь и колокольня бесследно исчезли. В числе служивших в монастыре в тот период священников упоминают также Евгения Марчевского и высланного из Ленинграда о. Иоанна Стеблина-Каменского (1887–1930), бывшего и настоятелем Преображенского храма в конце 1920-х годов⁷⁴. События, связанные с закрытием монастыря, И.Г. Вениаминов уже не застал, так как 29 июля 1927 г. был арестован и оказался в Воронежской тюрьме ОГПУ.

Подробности этого сфабрикованного чекистами против И.Г. Вениаминова «дела» пока неизвестны (по официальному ответу из ЦА ФСБ, его дело не обнаружено, – возможно, оно уничтожено), но сохранились уникальные эпистолярные свидетельства его пребывания в заключении, продлившемся около

года. 30 октября 1927 г. А.А. Вениаминова (Поповицкая) писала Е.Д. Ярушевич и ее мужу о своем тяжелом состоянии и о тех ужасных условиях, в которых находился Иван Гаврилович:

«...спасибо Вам за утешение меня в моей большой скорби. Теперь живу надеждой, что увижу моего старичка. Я так все время тосковала и скорбела о моем бедняжке Батюшке, что положительно расстроила и так свое неважное здоровье. Нерв мой стал болеть по-прежнему сильно, с сердцем был даже нервный припадок, а теперь вся как-то разболелась и голова, и плечо левое, и бок, и спина, и нога, есть ничего не могу и не хочу аппетит совсем пропал у меня, и если бы не мои матушки (монахини Покровского женского монастыря. – *И.К.*), у которых я живу, я ничего бы не ела. Они меня заставляют каждый день есть и кормят меня почти все время своим обедом. Я каждый день себе что-нибудь варю. Как подумаю, в каких условиях находится мой Батя (И.Г. Вениаминов. – *И.К.*), так положительно ни до чего не хочу дотронуться. Каждый раз, как я бывала у него на свидании, я приходила домой совершенно разбитая. Какая тяжелая обстановка! Так бы, кажется, и вывала его оттуда, и это никак невозможно сделать. Глаза у него красные и от дыма (камера одиночная, а их там пятеро, и все курят), и от слез. Все время плачет мой старичок. Я его подбадривала, говорю, что плакать не надо, что я не плачу, что надо надеяться, что скоро он будет на свободе. А сама, как приду домой, так и плакать начинаю. Сегодня мне сказали, что один, который с ним сидел, уже выпущен, и что и Батя получил уже бумаги на выход, только придется ему посидеть до объявления амнистии (слухи оказались ложными. – *И.К.*). Итак, я теперь каждый день буду ждать его. Сейчас я работаю, шью на детский дом для матерей рубашки, и еще мне хотели принести распашонки детские, все это надо шить к среде 3-го ноября, а матушки мои (монахини Покровского женского монастыря. – *И.К.*) стегают туда же одеяла. За работой время проходит скорей. Катюля (приемная дочь И.Г. и А.А. Вениаминовых Екатерина. – *И.К.*) мне присылает материал для Ирочкиных (дочь Екатерины. – *И.К.*) платьев. Катюля так относится ко мне заботливо. Каждый день присылает то деньжонок, то посылочку со сладеньким чем-нибудь, какао и кофе. Кеня (сын И.Г. и А.А. Вениаминовых Иннокентий Иванович Вениаминов. – *И.К.*) тоже поддерживал меня все

это время и Сережа (сын И.Г. и А.А. Вениаминовых Сергей Иванович Вениаминов. – *И.К.*) тоже прислал немножко денег, так что я могла хорошо питать своего старичка. Спасибо всем им. Из кружки церк(овной) мне тоже давали понемножку каждую неделю, да я и сама подрабатывала, шила детские сумочки для носки книг в школы. Катюля живет хорошо, муж ее любит, Ирочка одна прелесть. Ты, Лялечка, не бойся и решишь завестись ребеночком на радость всем вам и мамочке твоей, которой это было бы большое утешение. А чем бы ты ни занималась, ничто тебя так не займет, как твое собственное дитя...»⁷⁵

29 января 1928 г. А.А. Вениаминова (Поповицкая) писала Е.Д. Ярушевич:

«...Я же живу все по-прежнему без своего любимого старичка... Дядя Батя (И.Г. Вениаминов. – *И.К.*) пишет мне, что здоров. Их было в камере 22 человека, между ними 4 священника и один диакон. Выпущенный оттуда недавно один из заключенных рассказывал, что батюшки служили под Р. (Рождество. – *И.К.*) и нов(ый) год всенощную и даже заключенные с ними пели. Так что, Батиньке моему это большое утешение, и мне было очень приятно было это слышать. Катюля с Кеней (дети И.Г. и А.А. Вениаминовых Екатерина и Иннокентий. – *И.К.*) хлопочут о нем Прок(урора) Моск(овского) Г.П.У. (такой должности не было, скорее всего, они отправляли ходатайства в прокуратуру и в ОГПУ. – *И.К.*), может быть, Господь даст, и его освободят. Вчера было ровно полгода со дня его ареста...»⁷⁶.

Очевидно, хлопоты детей и положение И.И. Вениаминова в системе РККА сыграли свою благоприятную роль, – Иван Гаврилович Вениаминов в феврале 1928 г. был выслан «минус шесть» (с запретом проживания ему в шести центральных городах и областях СССР) и местом своего нового проживания избрал г. Тверь. Приговор ему и срок этой высылки пока неизвестен, но можно восстановить, какой «состав преступления» инкриминировался И.Г. Вениаминову на воронежском «следствии» 1927–1928 гг. и «суде» ОГПУ. В «обвинительном заключении» по «делу» И.И. Вениаминова 1930 г. читаем: «отец вы-

слан в Тверь за к.-р. агитацию»⁷⁷, это соответствовало ст. 58, п. 10 УК РСФСР. Вероятно, приговор последовал по постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ, обычно выносившего подобные заочные приговоры. «15 августа 1924 г. Приказ ОГПУ № 318 разъяснил постановление Особого совещания о воспрещении проживания кому-либо в шести пунктах (крупных промышленных городах) и пограничных губерниях. Под этим понималось запрещение проживания не только в городах: Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Киеве, Ленинграде, – но также в этих и пограничных губерниях. Если срок в постановлении о воспрещении проживания не был указан, то он считался в три года со дня постановления»⁷⁸.

Впоследствии И.И. Вениаминову напомнили о его заступничестве в этот период за отца-лишенца уже на «суде» по его «делу» в г. Арзамасе 26 января 1937 г. В своей речи на этом «суде» он так объяснил этот факт:

«В 1926 г. был арестован мой отец по ст. 58 УК (ошибка в дате, он был арестован в 1927 г. – *И.К.*), я же служил в Главном управлении РККА, не постеснялся хлопотать за освобождение отца, и отец был освобожден. Отцу я помогал деньгами, зная, что он безвреден»⁷⁹.

В данном случае имелось в виду освобождение И.Г. Вениаминова из Воронежской тюрьмы с последующей его высылкой «минус шесть» по постановлению ОГПУ.

О том, что его отец – духовник бывшей императрицы, И.И. Вениаминову напоминали и на следствии по его первому «делу» в 1930 г.

И.И. Вениаминов указал это в анкете в ходе своего первого допроса на Лубянке от 14 июня 1930 г., отвечая на вопрос о своем происхождении:

«Сын священника, урож(енца) г. Ленинграда, отец священник – духовник при б. государыне»⁸⁰.

Очевидно, это обстоятельство следователя особо заинтересовало, так как в дальнейшем в протоколе допроса Вениаминова зафиксированы и другие признания.

«Находящийся у меня в квартире портрет б. императрицы Марии Федоровны – оставлен мне отцом в 1924 году и остается как память об отце и его проживании у меня. Последнее время отец жил в Воронеже, откуда был выслан минус шесть, как б. духовник императрицы, и сейчас проживает в Твери»⁸¹.

На своем допросе от 23 июля И.И. Вениаминов снова упомянул в анкете:

«Сын священника, урож(енца) г. Ленинграда, отец б. духовник Марии Федоровны»⁸².

26 февраля 1928 г. А.А. Вениаминова писала уже из Твери Е.Д. Ярушевич:

«Дядя (И.Г. Вениаминов. – *И.К.*) служил обедню в одной церкви, не особенно близко от нас, и мы с ним пошли туда в 4 ½ утра. Мороз был более 23 градусов. Шли мы вдвоем по пустынным улицам, где не было ни души в такое время. Идем вдвоем, и только снег хрустит под нашими ногами. У нас здесь точно большая деревня, тихо, спокойно, милиции никакой, домишки одноэтажные деревянные со ставнями электрическими фонариками на них. Я здесь совсем привыкла и чувствую себя лучше, чем в Москве и Воронеже. Нерв мой, благодаря Бога, совсем не болит, несмотря на то, что я не ношу никакой повязки. Воздух здесь очень хорош, благодаря, вероятно, Волге. Дядя бодр и благодушен. Он очень рад, что я с ним. Я сама готовлю по его вкусу и ему очень нравится, что я делаю. Комнатка только у нас слишком мала и жарка. После Пасхи мы переедем в другую, более просторную, чем эта. Все живущие здесь очень хорошо относятся к нам, достают нам хлеб и булки по своим книжкам, и на рынок ходит для меня хозяйка, а я выхожу только в церковь, да изредка, к кому-нибудь из здешних...»⁸³ (Другой лист письма не сохранился. – *И.К.*)

Это последнее сохранившееся письмо А.А. Вениаминовой. В июне–июле 1930 г. в г. Твери у своих родителей, прямо перед своим арестом по сфабрикованному ОГПУ «делу» гостил их сын И.И. Вениаминов. Благодаря материалам дела, известен их тогдашний тверской адрес: «г. Тверь, ул. Революционная, д. 8, кв. 3».

Тверью география мытарств протоиерея Иоанна Вениаминова не закончилась. В начале 1930-х годов он вынужденно переехал в г. Кашин Тверской (затем Калининской) области, – скорее всего, опять был выслан чекистами, недовольными его пастырской деятельностью в г. Твери. Никаких сведений об этом его новом «деле» пока не имеется. Неизвестно, содержался ли он опять в тюрьме и вынес ли ему какой-нибудь орган в этом случае приговор. Именно в г. Кашин адресовал И.И. Вениаминов свое последнее дошедшее до нас письмо родителям из камеры № 18 Арзамасской тюрьмы от 11 мая 1937 г. Адрес, который указан был указан в письме: «Б. Перетряковская ул., д. 1»⁸⁴. Еще ранее в протоколе допроса И.И. Вениаминова на следствии в Арзамасе 9 июля 1936 г. был указан другой адрес проживания родителей в г. Кашине: «ул. Советская, д. 34»⁸⁵.

По семейным известиям, проживание И.Г. и А.А. Вениаминовых в г. Кашине было тяжелым. И.Г. Вениаминов продолжал служить и в г. Кашине в местной церкви, но жить приходилось бедно и трудно, помощь им от родственников была затруднена, оба сына (Сергей и Иннокентий Вениаминовы) были уничтожены в 1937–1938 гг.⁸⁶, они снимали «углы» у чужих людей, «старикам» Вениаминовым приходилось делать «черную» работу, голодать и находиться в антисанитарных условиях. Они пережили войну, и в г. Кашине бывший духовник матери императора Николая Второго, внук митрополита Московского Иннокентия, Просветителя Америки и Сибири, протоиерей Иоанн Гаврилович Вениаминов скончался в нищете в 1947 г. в возрасте 90 лет и 8 месяцев. Могила его неизвестна (она была затеряна еще в 1950-е годы). После смерти супруга Анна Александровна вернулась к семьям внучек (Анны Тауэр и Марины Курляндской) и приемной дочери Екатерины в Москву, где умерла в 1955 г. в возрасте 92 лет.

Приведем послесловие, написанное Анной Александровной Вениаминовой к своим запискам от 10 марта 1951 г. Эти слова адресованы Елене Дмитриевне Ярушевич:

«Дорогая Лелюшечка, посылаю тебе свой дневник, из которого ты увидишь, как я долго прожила на свете, как детство и юность мои были проведены беспечно и весело и, можно сказать, богато, а при конце жизни приходилось много перенести всего и хорошего, не хочу роптать, но было и всего такого, что с трудом переживалось, как, например: голод, изгнание из квартир; в такие комнаты попадали, где были клопы, вши, сырость и пр. – штопали женщинам чулки, чинили белье и получала за свою работу кусок хлеба и крынку молока.

Одним словом, благодарю Господа за все и не ропщу, как меня просил и сам не роптал мой дорогой старичок.

Любящая тебя и всех моих дорогих родных тетя Шера»⁸⁷.

На смерть И.Г. Вениаминова его многолетняя супруга А.А. Вениаминова (урожд. Поповицкая) написала в 1948 г. два стихотворения.

Первое было написано ею 4 июля 1948 г. в г. Ленинграде.

«Меня влечет неведомая сила
В мой город славный, Кашин милый.
Там спит мой незабвенный друг,
Мой Батинька родимый,
Мне данный Господом супруг».

И второе стихотворение Анна Александровна написала в г. Кашине 1 августа 1948 г., куда приезжала, чтобы навестить могилу Ивана Гавриловича:

«Льет ливнями дождь, несутся тучи,
Полна ненастья эта ночь,
А мысль о нем, что свет могучий,
Стоит и не отходит прочь.

Тебя здесь нет, но ты со мною,
Моя рука в твоей руке...
И все, мой друг, полно тобою
В моем укромном уголке.

Пусть стонет ель, пусть плачет вьюга,
Тоскуя в холоде ночном,
Ты для меня, что солнце юга,
Тепло и свет в тебе, мой друг, одном».

Примечание: «В ненастный вечер тоска по незабвенном друге А.В. (Анны Вениаминовой. – *И.К.*)»⁸⁸.

¹ Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов), Митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 268.

² Там же. С. 69.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1961. Л. 3–7.

⁴ Вениаминова А.А. Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.

⁵ ОР РГБ. Ф. 18. К. 22. Д. 9. Л. 1–3.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 315. Д. 115. Л. 1 об.

⁷ URL:

[http://ru.enc.tfode.com/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9\(%D0%AF%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87](http://ru.enc.tfode.com/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9(%D0%AF%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87)

⁸ Вениаминова А.А. Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.

⁹ ОР РГБ. Ф. 18. К. 22. Д. 9. Л. 4–5.

¹⁰ И.П. Барсукова, брата, историка Н.П. Барсукова (1838–1906), автора фундаментального труда «Жизнь и труды Михаила Погодина».

¹¹ ОР РГБ. Ф. 18. К. 22. Д. 9. Л. 6–8.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 315. Д. 115. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ URL: <http://forum.mediaport.ua/read.php?62,288919,613345#msg-613345>; <http://kharkov.comments.ua/article/2012/08/11/000540.html>

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 315. Д. 115. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 9–10.

¹⁸ URL: <http://www.2hrama.ru/o-prihode/istoriya-prihoda-irybackogo/pokrovskiy-hram-rybackoy-slobody/>

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 16. Л. 1–10.

²⁰ Там же. Ф. 362. Оп. 2. Д. 23. Л. 2 об., 3.

²¹ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1–3.

²² Там же. Л. 4 об.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 14, 14 об.

- ²⁵ URL: http://www.paskha.net/christianity/lost-temples-of-st-petersburg/domovye-cerkvi_13_vozdvizheniya-chestnogo-kresta.htm
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 362. Оп. 2. Д. 23. Л. 2 об., 3, 17–18.
- ²⁷ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1962. Л. 1–4.
- ²⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47419. Л. 1, 7–8 об.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 362. Оп. 2. Д. 23. Л. 2 об., 3.
- ³⁰ Там же. Л. 18 об., 19, 33 об.
- ³¹ URL: <http://www.petergen.com/bovkalokl/spburganandv.html>
- ³² РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2261. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 6.
- ³⁶ Там же. Л. 7.
- ³⁷ Там же. Л. 32.
- ³⁸ URL: http://paskha.gatchina3000.ru/christianity/lost-temples-of-st-petersburg/domovye-cerkvi_01_vo-imya-svyatogo-aleksandra-nevskogo-v-anichkovom-dvorce.htm
- ³⁹ РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 513. Л. 36–38.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1866. Л. 15.
- ⁴¹ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 514. Л. 21.
- ⁴² Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2858. Л. 14–15.
- ⁴³ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 304. Л. 2–14.
- ⁴⁴ *Вениаминова А.А.* Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3329. Л. 1 об.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2. Автограф.
- ⁴⁷ *Тауэр А.И.* Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2858. Л. 7, 7 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 9.
- ⁵¹ Там же. Л. 10, 10 об.
- ⁵² Там же. Л. 5.
- ⁵³ Там же. Л. 11.
- ⁵⁴ Там же. Л. 4, 12.
- ⁵⁵ Там же. Л. 14, 15.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2939. Л. 8, 8 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 8.
- ⁵⁸ Там же. Л. 7, 7 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 10, 11.
- ⁶⁰ Там же. Л. 10. Автограф.
- ⁶¹ *Тауэр А.И.* Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁶² *Лебедева Е.* Церковь св. Адриана и Наталии в Мещанской слободе. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/581.htm>.

- ⁶³ Алла Александровна Ставровская (1932 г.р.) – доктор медицинских наук, профессор.
- ⁶⁴ Мария Тимофеевна Семенова (1908–2010) – легендарная балерина Большого театра, любимица И.В. Сталина, гражданская жена расстрелянного в 1937 г. видного советского государственного деятеля Л.М. Карахана. М.И. Вениаминову, скорее всего, показывали ей в начале 1930-х годов после переезда Семеновой в Москву в 1930 г.
- ⁶⁵ Имеется в виду муж сестры Тухачевского Елизаветы, летчик-орденоносец, бывший офицер царской армии и дворянин Юрий Игнатьевич Арватов (1898–1937), расстрелянный в 1937 г.
- ⁶⁶ *Тауэр А.И.* Воспоминания // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁶⁷ *Вениаминова А.А.* Воспоминания // Там же.
- ⁶⁸ *Тауэр А.И.* Письмо М.И. Курляндской, 2004 г. // Там же.
- ⁶⁹ *Тауэр А.И.* Воспоминания // Там же.
- ⁷⁰ URL: http://www.vob.ru/saints/shmc/petr_zver/main.htm
- ⁷¹ Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ URL: http://www.vidania.ru/monastery/book_pokrovskii_voronez.html
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Вениаминова А.А.* Письмо Е.Д. Ярушевич, 30 октября 1927 г. // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-33581. Л. 44.
- ⁷⁸ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии [Электронный ресурс]. М., 2006. URL: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/1010006/3/Mozohin_Pravo_na_repressii.html
- ⁷⁹ Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Д. П-105596. Л. 82.
- ⁸⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-33581. Л. 37.
- ⁸¹ Там же. Л. 38.
- ⁸² Там же. Л. 39.
- ⁸³ *Вениаминова А.А.* Письмо Е.Д. Ярушевич, 26 февраля 1928 г. // Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁸⁴ *Вениаминов И.И.* Письмо А.А. и И.Г. Вениаминовым, 11 мая 1938 г. // Там же.
- ⁸⁵ ГАНО. Д. П-105596. Л. 9.
- ⁸⁶ Иннокентий Иванович Вениаминов расстрелян 20 декабря 1937 г., Сергей Иванович Вениаминов расстрелян 28 июля 1938 г.
- ⁸⁷ Личный архив И.А. Курляндского.
- ⁸⁸ Там же.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Лобанова И.В.*

«Нам нужен Патриарх...» (Документы Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг.)

В 2017 г. Русская Православная Церковь будет отмечать столетие со дня восстановления патриаршества в России. Упраздненный Петром I институт патриаршества в течение двух столетий синодального периода был символом утраченной Церковью свободы. Несмотря на это, решение о возвращении к патриаршей форме церковного управления было непростым. В Церкви к началу XX в. успела сложиться группа довольно влиятельных и активных мирян, которые считали возвращение к прежней структуре власти в Церкви шагом назад и возрождением дискредитировавшего себя единовластия. Эта партия сторонников обновления церковной жизни ратовала за укрепление *соборности*.

Влияние этой группы людей было так велико, что синодальный законопроект, которым должны были руководствоваться отделы Собора в своей работе, даже не предусматривал возможности восстановления патриаршества. Только решительные действия епископа Митрофана (Краснопольского), руководившего работой Отдела, во многом способствовали положительному решению вопроса о восстановлении патриаршества. Меньше чем за месяц, буквально за три недели, указанным

---

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

подразделением была выработана и представлена на утверждение Собора формула о восстановлении патриаршества.

Отдел о высшем церковном управлении начал свою работу 3 сентября 1917 г. Первые два заседания были посвящены организационным вопросам. На втором заседании 5 сентября часть членов Отдела выступила с предложением ознакомить присутствующих с мнениями о высшем церковном управлении, которые были высказаны в процессе работы Предсоборного присутствия, Предсоборного совещания и Предсоборного совета. Сделать эти доклады было поручено профессорам И.И. Соколову и В.З. Завитневичу. На следующем заседании 11 сентября эти доклады были представлены.

И.И. Соколов рассказал членам Отдела о работе Предсоборного присутствия и Предсоборного совещания. Вопрос о патриархе, сообщил Соколов, в Предсоборном присутствии возник «сам собою» из дискуссии на тему соборности. Мнения разделились. Сторонники патриаршества, обращаясь к истории Русской Церкви, говорили, что патриарх нужен «для завершения идеи соборности и автокефалии», «он защита Русской Церкви, равно как и ответственен за свою Церковь перед Собором». Противники патриаршества возражали, что патриарх не каноничен, что «патриаршество создает клерикализм, папство», что оно было явлением не церковным, а политическим, и в русской истории оставило «печальное наследие и тяжелый след». О работе Предсоборного совещания профессор Соколов рассказал членам Отдела, что оно «работало два года с перерывами и работы его были безрезультатны», хотя составленный им проект преобразовании высшего церковного управления представляет определенную ценность¹.

Если профессор И.И. Соколов был в своем выступлении корректен и старался беспристрастно излагать мнения, высказанные в процессе дискуссии в указанных комиссиях, то речь профессора В.З. Завитневича отличалась излишней эмоциональностью и носила отпечаток его собственных политических пристрастий. Председатель вынужден был сделать докладчику замечание и напомнить, что ему «было поручено составить объективный доклад», он же уклонился в полемику².

Обещая изложить прозвучавшие в дискуссии Предсоборного совета доводы за и против патриаршества, Завитневич приво- дил аргументы, только негативно характеризующие этот инсти- тут. Точку зрения сторонников патриаршества он излагал с иронией, полемизируя с ней по ходу доклада. Так, он говорил, прямо указывая в качестве примера на архиепископа Антония (Храповицкого), что «о патриаршестве говорят люди поэтиче- ски настроенные», тем самым заранее ставя под сомнение серь- езность аргументов, выдвигаемых сторонниками патриаршест- ва. «С нравственной точки зрения картина красива, – говорил он, – если патриарх есть сердце церковное и веяние благодати. Но это сентиментализм. Таких патриархов мы не знаем. Патри- арх, напротив, был тот уязвимый пункт Церкви, когда можно было взять главу Церкви за узду и вести в любую сторону». Патриархи, по его словам, были в большинстве своем «люди весьма не высокие нравственно (например, совершали 4-е браки в великую пятницу, ездили в каретах с балеринами, интересо- вались конюшнями и т.п.)». О патриаршестве, считал профессор Завитневич, «больше красиво говорят, чем это есть на самом деле». Большинству членов Предсоборного совета, резюмиро- вал Завитневич, «показалось, что для патриарха нет места в Церкви»³.

Подводя итоги заседания, граф П.М. Граббе с сожалением отметил, что «сегодняшние доклады не дали никакого приступа к работе», а один из них к тому же был излишне субъективен, и предложил открыть общие прения. Отдел единогласно постано- вил открыть «общие прения по вопросу о технической стороне Соборов, применительно к § 1 Синодального законопроекта»⁴.

Здесь следует особо отметить, что, согласно протоколу, воп- рос о преобразовании высшего церковного управления и о вос- становлении патриаршества в частности на обсуждение Отдела не выносился. Прения были открыты именно по вопросу собор- ности, и в дальнейшем это создало определенные трудности формального характера. Однако, несмотря на это, первый же оратор, делавший на следующем заседании доклад о собор- ности, – им оказался протоиерей Н.М. Боголюбов – не смог обойти тему патриаршества. «В основе соборности, – говорил

он, – лежит стремление освободить человеческую личность от ее ограниченности, и вовсе не обесцветить и стереть ее. Отсюда ясно, что эта идея не только не противоречит идее патриаршества, а, напротив, находит в ней свое необходимое восполнение»⁵. Следующий оратор – магистр богословия Н.И. Троицкий – в заключение своей речи, посвященной истории понятий «Церковь» и «соборность», также счел необходимым упомянуть, что глава Собора должен быть назван патриархом⁶. Выступавший после него профессор П.Д. Лапин сделал очень подробный обзор исторического развития церковной организации, которая увенчалась установлением патриаршей формы управления. П.Д. Лапин подчеркнул, что такая форма управления установлена канонами⁷. Мирянин А.В. Васильев уже прямо заявил, что «вся верующая Россия ждет от этого Освященного Собора восстановления патриаршества».

Как можно заметить, именно доклад В.З. Завитневича спровоцировал полемику по вопросу о патриаршестве. Следующий оратор – профессор И.А. Карабинов тоже полемизировал с Завитневичем. О патриаршестве говорил и выступавший после крестьянин А.И. Юдин. Он заявил, что если патриарх противоречит соборности, то или Вселенские соборы не правы «или Отдел *наврал*». По его словам, пославшие его на Собор односельчане говорили ему: «Нет у нас главы в Церкви: у нас патриарх в сюртуке». По его мнению, если и среди апостолов были первоверховные Петр и Павел, «значит и нам нужен патриарх», – заключил он⁸. Врач И.Ф. Иорданский обосновывал то же положение, что патриаршество не противоречит соборности. «Идея соборности не только не исключает, а содержит в себе и идею патриархата, как объединяющего начала, как живого и видимого символа целостности или собранности»⁹. «Здесь указывали на то, – говорил кандидат богословия Д.А. Несмеянов, – что патриарх может быть очень самовластен, и что бывали случаи, когда епископы и бояре дожидались выхода патриарха по несколько часов, но лучше ждать патриарха, чем оберпрокурора, который часто заставляет маршировать точно солдат не только простых епископов, но и митрополитов из одной епархии в другую, как он недавно заставил маршировать старца

митрополита Макария (митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского). – *И.Л.*)»¹⁰.

Таким образом, с самого начала прений вопрос о необходимости восстановления патриаршества был, пусть и не формально, но поставлен членами Отдела. Во многом это было следствием излишне полемического выступления профессора В.З. Завитневича. Сторонники патриаршества, задетые его самоуверенным тоном, считали необходимым ответить на его обвинения и в меру своих сил защитить институт патриаршества в глазах соборян. Так прения, начавшиеся по вопросу о соборности, практически сразу превратились в прения о восстановлении патриаршества.

На девятом заседании отдела 22 сентября общие прения о соборности Русской Церкви были завершены, поскольку список ораторов был исчерпан. Председатель отдела епископ Митрофан подвел итоги дискуссии. Он заявил, что вопрос о высшем церковном управлении освещен во всей полноте и намечены три основных вывода. Первый, в котором все ораторы сходились единодушно, что высшее церковное управление должно быть устроено на соборных началах. Второй – не нашедший однозначного решения – вопрос о составе Собора и взаимоотношениях его членов. И, наконец, третий вывод, поддержанный большинством выступавших, – вопрос о необходимости восстановления в русской Церкви патриаршества. В связи с этим владыка Митрофан предложил перейти к дальнейшим занятиям Отдела, предварительно приняв особые *формулы перехода*.

Было предложено две таких формулы. Одна – князем Г.Н. Трубецким, в которой за исходное положение принималось восстановление патриаршества, другая – протоиереем А.П. Рождественским, в которой основой церковного строя называлась соборность на всех уровнях церковной организации. Большинство голосов была принята формула перехода кн. Трубецкого: «Выслушав общие прения по вопросу о высшем церковном управлении и 1) принимая, как исходное положение в дальнейших своих работах, восстановление сана патриарха, присваиваемого первому между равными епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Пра-

вославленной Церкви и 2) вместе с органами этого управления подотчетного церковному Поместному собору, Отдел переходит к дальнейшему рассмотрению законопроекта о высшем церковном управлении»¹¹.

Такой неожиданный поворот событий застал противников патриаршества врасплох. Стремясь задержать вынесение формулы перехода на рассмотрение Собора, группа членов Отдела написала председателю протест против его, по их мнению, неправильных действий. Эта группа, в которую в числе прочих входили такие известные противники патриаршества, как Б.В. Титлинов, В.З. Завитневич, Н.Д. Кузнецов, протоиерей К. Аггеев, заявляла: «При открытии общих прений председателем было поставлено на голосование и принято Отделом предложение начать с общих прений по всей реформе высшего церковного управления, с тем, чтобы потом перейти к отдельным положениям. Сообразно с этим многие ораторы, говоря о соборности, только косвенно касались вопроса о патриаршестве, отлагая специальную речь о нем до постановки соответствующего пункта на обсуждение, о чем некоторые прямо и заявили (профессор А.И. Покровский, Н.Д. Кузнецов). Другие совсем не выступали по общему вопросу, хотя имели в виду выступить по вопросу о патриаршестве. Председатель в течение прений ничем не рассеивал такого убеждения, что вопрос о патриаршестве будет обсуждаться особо. Между тем в конце прений вдруг была поставлена на голосование формула о патриаршестве и вместе с ее принятием закрыто было дальнейшее обсуждение данного предмета. Таким образом, часть членов Отдела, намеревавшаяся особо говорить о патриаршестве, оказалась обманутой и лишенной законного права продолжить обсуждение неясненного вопроса»¹².

Несомненно, с формальной точки зрения этот протест был обоснован. Однако формула перехода была принята большинством членов Отдела, что придавало происшедшему определенную легитимность. Поэтому вопрос с дальнейшим продвижением формулы рассматривался в обычном порядке, несмотря на то, что часть членов Отдела протестовала против такого развития событий.

Следующее 10-е заседание Отдела о высшем церковном управлении было посвящено проблеме вынесения принятой на предыдущем заседании формулы для представления ее в общем пленарном заседании Собора. На этом заседании Отдела присутствовало рекордно малое число членов отдела – 73 человека из 157 записавшихся. Этот фактор едва не оказался роковым. Прения сразу приняли острый характер: противники патриаршества обвиняли председателя отдела епископа Митрофана в нарушении Устава Собора и подмене в ходе прений предмета обсуждения. При этом выступавшие приводили в подтверждение своих слов неопровержимые доказательства. Так, профессор П.А. Прокошев указывал на нарушение 83-й статьи Устава Собора, согласно которой Отдел должен представлять на общие заседания свои заключения в письменном докладе в форме предполагаемого постановления Собора с указанием, в случае необходимости, сущности суждений, на которых основано заключение. «Никакого письменного доклада нет», – констатировал Прокошев¹³. Общий вывод докладчика: прения должны быть продолжены, Отдел должен предоставить на обсуждение Собора обстоятельный продуманный проект, который ни в коем случае не может быть заменен принятой Отделом формулой.

Напряженную ситуацию в Отделе не смогло разрешить даже голосование. За вынесение принятой формулы перехода на обсуждение Собора проголосовало 38 человек, против – тоже 38. Согласно Уставу Собора председатель предложил либо сделать перерыв на один час или отложить решение вопроса до следующего заседания. Большинством присутствующих было принято второе предложение.

На следующем заседании вопрос был вновь предложен членам Отдела для голосования, и на этот раз большинством голосов (56 против 32) было принято решение внести формулу перехода на пленарное заседание Собора. Но еще за два дня до принятия этого решения профессор Д.А. Беляев записал в своем дневнике, что «на соборе в Комиссии большинство, $\frac{2}{3}$, высказалось за патриарха, первого между равными при соборной форме синода, подотчетных Поместному собору»¹⁴. Это может служить показателем того, какой огромный интерес вызывала в

церковных кругах работа Отдела о высшем церковном управлении и как быстро информация о происходящем в Отделе оказывалась известной за стенами соборной палаты. Причем по этому свидетельству можно косвенно сделать вывод, что большинство членов Отдела голосовали не за формулу, а, по сути, за восстановление патриаршества.

Такова драматическая предыстория соборного решения о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. Как известно, 11 октября вопрос был вынесен на пленарное заседание Собора. Противники патриаршества пытались отправить формулу на доработку в Отдел. Однако им это не удалось. Равно как и убедить в своей правоте большинство членов Собора. Решение о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви было принято и оказалось поистине судьбоносным. Роль первого – после двухсотлетнего перерыва – патриарха в деле сохранения церковного единства и жизнеспособной церковной организации трудно переоценить. Дальнейшая история подтвердила справедливость и действенность установленного канонами устройства высшего церковного управления.

Данная публикация вводит в научный оборот избранные протоколы заседаний Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг. (ГАРФ. Ф. Р-3431)¹⁵. Из массива документов извлечены протоколы, напрямую относящиеся к дискуссии о восстановлении патриаршества. Поскольку основное внимание уделяется полемике по вопросу о высшем церковном управлении в Русской Православной Церкви, слишком обширные доклады, носящие чисто научный или богословский характер, были значительно сокращены или вообще опущены при подготовке настоящей публикации.

Документы цитируются с сохранением орфографии и синтаксиса оригинала. Опущенные фрагменты обозначены отточиями, заключенными в угловые скобки.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 18 об.–19.

² Там же. Л. 21 об.

³ Там же. Л. 20–21.

- ⁴ Там же. Л. 22.
⁵ Там же. Л. 29.
⁶ Там же. Л. 29 об.
⁷ Там же. Л. 34.
⁸ Там же. Л. 42.
⁹ Там же. Л. 81.
¹⁰ Там же. Л. 52.
¹¹ Там же. Л. 113.
¹² Там же. Л. 115.
¹³ Там же. Л. 121–121 об.
¹⁴ Из «Дневника» профессора А.Д. Беяева // Богословский сборник / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 2000. Вып. 6. С. 111.
¹⁵ Выдержки из протоколов Отдела были включены автором в приложение к рукописи диссертационного исследования «Восстановление патриаршества в России в восприятии православной иерархии на рубеже XIX–XX вв.» (М., 2006), а также подготовленной на его основе одноименной монографии (Saarbrücken, 2011), изданной крайне ограниченным тиражом и практически недоступной отечественному читателю.

Выдержки из журналов и протоколов заседаний Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг.

ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Подлинник. Машинопись.

Протокол № 2 (5 сентября 1917 г.)

<...> По всестороннем обсуждении <...> выяснилось, что одни из членов Отдела желали бы открыть общие прения по вопросу о высшем церковном управлении, другие же из них внесли предложение о необходимости изготовления особых докладов по означенному вопросу с целью ознакомления членов Отдела с

теми мнениями о высшем церковном управлении, какие выразились в трудах Предсоборного Присутствия, Предсоборного Сопещания и Предсоборного Сопета, а затем уже по содержанию этих докладов и открыть прения. <...> Открытым голосованием Отделом было поручено составление таких докладов: а) на основании материалов Предсоборного Присутствия и Предсоборного Сопещания проф. И.И. Соколову; б) по материалам Предсоборного Сопета – проф. В.З. Завитневичу (л. 10 об.–11).

Протокол № 3 (11 сентября 1917 г.)

Доклад проф. И.И. Соколова

<...> Но все же эта идея соборности так и не была окончательно выяснена, равно как не было выяснено и то, в каком отношении стоит к соборности патриарх. По одному мнению патриарх должен выражать не свою волю и мысль, а мысль и волю Церкви. По другому, что это есть единоличная власть, не включающая соборности и тесно связанная с соборным учреждением.

Тогда сам собою возник вопрос о патриархе и был принят положительно большинством 9 против 3. Выказаны были две точки зрения: одна за патриарха, другая против. 1-е говорили, восстановление патриаршества оправдывается историей Русской Церкви. С учреждением патриаршества завершилась автокефалия (которая давно уже фактически была) русской Церкви, но патриарх был уничтожен. Теперь, для завершения идеи соборности и автокефалии – нужен опять патриарх. Он защита русской Церкви, равно как и ответственный за свою Церковь перед Собором. Он же представитель Церкви и сносится с представителями других Церквей. Он также должен быть опытным кормчим Церкви. Ему всего приличнее называться патриархом, а не малыми титулами Архиепископа или Митрополита и т.п.

В пользу второго мнения говорили. Титул патриарха не каноничен. 48 Карф. правило запрещает для первого Епископа

особое название. Епископы не должны быть князьями Церкви. Патриаршество создает клерикализм, папство, оно было явлением политическим на востоке, а в России оставило в истории печальное наследие и тяжелый след. Но все же за патриаршеством высказалось большинство.

<...> В 1912 г. было создано Предсоборное Совещание. Состав его был не многочисленен и в работах его принимал участие Святейший Синод. Это Совещание работало два года с перерывами и работы его были безрезультатны. Работа эта не была тайной. О ней писали и в духовных и в светских журналах. Это совещание составило несколько проектов (о преобразовании высшего церковного управления) и т.п., но оно не закончило своей работы по организации высшего церковного управления. Оно составило впрочем обширный проект, где говорится о Синоде, его председателе (патриархе), об избрании патриарха и т.п. Проект этот очень обширен, хотя может быть и не совсем удовлетворителен, но все же очень ценен (л. 18–19 об.).

Доклад проф. В.З. Завитневича

<...> Вообще о патриаршестве говорят люди поэтически настроенные (например, Антоний, Архиепископ Харьковский). Церковь, говорят, есть организм, где должно быть свое сердце, откуда радиусами расходятся лучи благодати. Патриарх и есть именно выражение этой общественной любви и есть церковное сердце. Но хорошо, если патриарх именно есть это церковное сердце и выражение церковной любви, но об этом, как свидетельствует византийская история, больше красиво говорят, чем это есть на самом деле.

То же и в русском патриаршестве. Правда святой Гермоген – это человек церковный. Зато Филарет – это политический государь. Никон патриарх – занимался много церковными делами, сносился, например, с востоком, но он же устраивал тюрьмы для непокорных клириков. Последний патриарх сходил со сцены в то время, когда Петр I увлекся жизнью иностранной. После этого настал говорят печальный период для жизни Церкви – это царствование Анны Иоанновны, Бироновщина и даже время царствования Екатерины II. В это время говорят не было

лица, которое попечаловалось бы за Церковь, не было патриарха, если бы говорят он был, то Церковь не пережила бы такого печального времени.

Против патриарха говорилось следующее: с догматической точки зрения в Церкви нет места патриарху, который бы целой головой выделялся выше Епископов. Евангелие знает Епископов, но не патриархов. С появлением политических округов – появились и Епископы с особыми правами (патриархи). Значит – это учреждение политическое. 34 Апостольское Правило выделяет 1 Епископа, но он ничего не может творить без воли и согласия всех. Если правилами Вселенских Соборов выделяется Епископ Константинополя Нового Рима, Столицы и резиденции Императора – то это значит выделение опять по политическим причинам. Церковь это только терпела, но не одобряла. Карфагенский же Собор прямо протестует против этого наименования.

С исторической точки зрения особенно подчеркивают темные стороны патриархов. Правда, после падения Константинополя патриархи нравственно выше, но теперь они в особых условиях. Они глава нации, патриарх слился с народом, благодаря чему получил силу, а при Императоре он играл жалкую роль.

С нравственной стороны картина красива, если патриарх есть сердце церковное и веяние благодати. Но это сентиментализм. Таких патриархов мы не знаем. Патриарх, напротив, был тот уязвимый пункт Церкви, когда можно было взять главу Церкви за узду и вести в любую сторону.

Далее, если в Церкви устанавливается принцип соборности – патриарху нет места. Как жир или мед расплываются, если масса, в которой они находятся, превращается в кипяток, так расплывается патриарх в новой Соборной Церкви.

Большинству членов Предсоборного Совета показалось, что для патриарха нет места в Церкви. Может быть только первоиерарх, а если он избирается только на три года, то им может быть любой Епископ (л. 20–21).

Председатель делает замечание г. Завитневичу. Последнему было поручено составить объективный доклад на основании трудов Предсоборного Совета, докладчик же полемизирует против лекции Архиепископа Антония, который не был в Предсоборном Совете и выступает здесь защитником другой лекции, которая читалась здесь же. что за лекция? Я извиняюсь, говорит Председатель, что вовремя не остановил г. Завитневича (л. 21 об.).

Председатель ставил <нрзб.> на голосование вопрос: «Открыть ли общие прения по вопросу о технической стороне Соборов, применительно к § 1 Синодального законопроекта». Предложение принято единогласно (л. 22).

Протокол № 4 (12 сентября 1917 г.)

Васильев А.В.: <...> существенными признаками соборности являются: 1) Не отрицание, а утверждение личности: Совет может быть только между равно-достоинными; 2) Не отрицание, а утверждение иерархического начала: добровольное самоподчинение. Наивысшим из Соборных организмов является Церковь, в которой, по канонам, должно быть строго проведено иерархическое начало. <...> Теперь необходимо восстановить патриаршество, как замыкающий здание Русской Церкви свод. Патриарх будет, по выражению Архиепископа Антония, «сердцем, болеющим за всю Церковь», будет и видимым Представителем Русской Церкви в глазах народа и других автокефальных Церквей. При Синодальном управлении Церковью нарушалось единение с другими Церквями. И только восстановление Патриаршества и соборности оживит деятельность Церковного общества. Патриарх ничего не будет делать без Собора, но и Собор должен быть созываем и возглавляем Патриархом.

При грозящих отечеству бедствиях, быть может, расчленения государства, тем необходимее иметь духовный центр. Ведь государственное единство Руси создано единством Русской Церкви: трудами и благословением святителей Митрополитов.

Вся верующая Россия ждет от этого Освященного Собора восстановления – Патриаршества (л. 38 об.–39).

Епископ Гермоген (Долганев): <...> Собор епископов, по канонам церковным Собор благодатного водительства Церкви должен быть во главе всего. Во главе всякого собора – первоиерарх, равно как первоиерарх и во главе Поместного Собора. Я бы не назвал [его титулом] «Патриарх» со всей его помпезностью, а просто «первоиерарх» или «митрополит всея России» тем более, что внутри Церкви – такая нищета и убожество, даже и в проповеди слова Божия. Довольно пока и митрополита, как в Церкви Сербской. Когда же немного обогатится жизнь внутри церкви, тогда мы, может быть, будем достойны и более высокого правителя (л. 40).

Астров П.И.: Не зная исхода прений, оратор хочет сказать, что пред нами две разных точки зрения, объединяемых в 2-х положениях 1) никто не отрицает иерархии и 2) никто не отвергает соборности. Проф. Завитневич сказал, что личность должна исчезнуть. Здесь – центр разногласия. Личность физическая может и должна исчезнуть. Но личность иерархическая – ни в коем случае не должна исчезнуть. Завитневич указывал на недостатки Патриархов. Но это – аргументы *ad hominem*: они проходят мимо цели, ничего не говоря против принципа иерархии (л. 40 об.–41).

Юдин А.И.: <...> Я хочу рассуждать как деревенский житель, как простой крестьянин в согласии с моими односельчанами, пославшими меня сюда – на Собор. Часто они мне говорили: «нет у нас главы в Церкви: у нас Патриарх в сюртуке, а не в рясе». Хоть и смутное время теперь, но, по моему, патриарх – не худо. При Апостолах все были равны, а все же чем-то разделялись, напр[имер], Первоверховные апостолы Петр и Павел. Значит и нам нужен Патриарх (л. 42).

Граф П.М. Граббе: По убеждению графа, здесь говорят и признают соборность и иерархию, но приходят к разным результатам. Характерны слова «личности нет». Действительно, личности нет в новом учении новых богословов. Они преподносят нам совершенно новое понимание соборности в смысле народоправства, лишенного иерархии и взаимности. Здесь по-

нятие соборности хотят вывести из церковной жизни первых 3-х веков, видя даже в приходских собраниях прототип собора. Из цитат Игнатия Богоносца и из канонических правил видно, что в смысле народоправства соборность никогда не понимали. Таким новым пониманием соборности вводят если не новый догмат, то новый канон, на котором однако ж обосновывается Церковь (л. 42–42 об.).

Профессор Ф.И. Мищенко: <...> Здесь идет борьба между началами соборности и единовластия или, как некоторые называют, клерикализма. Это – изначальный спор католицизма и православия, вызванный стремлением соединить эти начала по догматической стороне. <...> Что же касается верховной власти в Церковном Управлении, то гордость и красу Православия составляет принадлежность высшей власти всей Церкви, а не епископу, как у католиков. Церковь выше и больше иерархии, как обнимающая и иерархию и народ, и в ней миряне – не бесправный элемент. Только вся Церковь – субъект церковной власти (л. 42 об.–43).

Миклашевский Н.Ф.: Собор этот созван по почину Львова. Я говорил своим избирателям из Новгорода: «Я еду на собор учиться». Слушая проф. Лапина, я умилялся душой. Я не канонист. Я говорю слово от души. У нас всех, здесь собравшихся, одна цель – едиными устами и единым сердцем славить Господа Иисуса Христа. Слушая Мищенко, я увидел, что он не расчленил дела, выносившиеся на суд народа, от дел подлежащих суду епископов. Судя по канонам, миряне не пользовались правом решающего голоса на Соборах. Собравшие нас сюда: Львов и т.п. дали нам права Епископов. Я предлагаю, призываю Вас отказаться от этого права, изменить Устав Собора, чтобы быть советниками, экспертами епископов. На этом великом Соборе пусть они одни только будут решать. Я говорю о благодати, а не о личностях. Еще раз призываю поддержать предложение в президиум отступить мирянам от роли, права решающего голоса. Мы будем работать только по Отделам. Умоляю, слезно прошу по личным вопросам не выступать. Откажемся от всех личных интересов, споров и идей, ничего общего с православием не имеющих. Преподобный Серафим однажды предложил

умереть одной девушке вместо своего друга, и та согласилась. Если нужна жизнь проф. Лапина или других подобных – нужных людей, то, Господи, возьми мою жизнь (*говорит с плачем*) (л. 43 об.–44).

Профессор Одарченко А.Ф.: <...> Мы должны решить вопрос: все ли епископы равны или не равны? По церковным правилам все епископы одинаковы. Нет епископа над епископами. Патриарх *in concreto* есть искажение церковного управления, есть приспособление к политическому. Константинопольский патриарх – есть следствие цезаризма. Поклонники патриаршества разочаруются жестоко в его восстановлении. У нас явится несколько патриархов: в Москве, Киеве, Сибири, Закавказье, быть может в Петрограде. Если ожидают от него власти, то какая же теперь власть, когда все свободны, когда свобода слова и печати? Теперь уже Патриарх подобно Константинопольскому, не будет сажать в тюрьмы епископов и пытаться их. Оратор сам поклонник патриарха, но идеально-канонического. По 34-му Апостольскому Правилу он не должен ничего делать без согласия других епископов. Власть или лучше сказать, функция такого патриарха выражается в организации и объединении воли всех епископов. Если на патриаршую кафедру попадет личность с характером или высоко гениальная, то такой патриарх легко вызовет раскол. За это говорит история. Хорошая сторона в патриаршестве *сакральная* – благодатная, и если мы будем достойны, – как сказал единственно в любвеобильном духе, епископ Гермоген, то у нас будет и патриарх. Главное у нас препятствие к учреждению округов и Патриаршества – отсутствие епархиальных епископов. У нас в сущности только митрополиты. Ведь епископ знает всех своих пасомых. Ему принадлежит существенное право вязать и решить: он – совершитель таинства покаяния. Нужно создать епископат. Достигнем этого, достигнем и патриаршества (л. 45–45 об.).

Протокол № 5 (15 сентября 1917 г.)

Профессор Кузнецов Н.Д.: Соборность не придумана в Предсоборном Присутствии – это есть начало, выходящее из существа Церкви. Если бы мы это начало не поддержали, вы бы клирики и миряне здесь не были, или только подслушивали у дверей и окон. Власть в Церкви – не власть царская... – это служение и самоотречение. Первый – всем слуга. Власть его нравственная. А власть епископская была именно административная. С нею и боролись. Тогда в Предсоборном Присутствии решено было создать патриарха <...> и собрать для реформ церковных Собор только из епископов. Мы боролись тогда (московское церковное общество) – но большинство было тогда не на стороне соборности. Жизнь сделала свое и теперь соборность проникла все умы. <...> Предсоборное Присутствие и Совет не отстраняли власти епископа. Но мы не хотели, чтобы епископы правили административно, ибо тогда их распоряжения были бы внешни для нас, и исполнялись бы внешне. <...> Создание византийского патриарха именно и повредило идее Соборности. У нас в настоящее время есть своя опасность – Императора долой и вот вся власть церковная переходит к одним епископам. Мы не нарушали канонов, но я предложил, что по важнейшим вопросам, чтобы епископы голосовали отдельно, а миряне отдельно. При совпадении – это и есть голос Церкви. При разномыслии – дело требует пересмотра (л. 50 об.–51 об.).

Несмеянов: Я бы хотел спросить – утратили ли Соборность церкви Александрийская, Антиохийская и Русская досинодальная. <...> здесь указывали на то, что бывали случаи, когда епископы и бояре дожидались выхода патриарха по нескольку часов, но лучше ждать патриарха, чем Обер-Прокурора, который часто заставляет маршировать точно солдат не только простых епископов, но и митрополитов из одной епархии в другую, как он недавно заставил маршировать старца Митрополита Макария (л. 51 об.–52).

Протоиерей Смирнов А.В.: <...> Епископат такой как теперь потерял полное доверие мирян. Надо восстановить это доверие. Говорят – если будет патриарх – то пойдешь к нему и

все будет исполнено. Но неужели патриарх может все выслушивать и делать? Это и сделает его бюрократом. То же приложимо и ко всем епископам. Спросите их – сколько времени уходит у них на бумажные дела, им часто нет времени для религиозно-нравственного действия. Эту тяготу надо снять с епископа, нужен епископский совет, где клирики и миряне имеют не только совещательный голос, а решающий. Конечно высшие церковные вопросы решаются епископатам, и он же утверждает постановления мирян. Но не надо всю власть возлагать только на епископов. Это значит разрушать церковность. Мое конкретное предложение стать на жизненно-практическую точку зрения (л. 52 об.).

Архимандрит Иларион (Троицкий): <...> Здесь на Соборе нет папизма, здесь никто не отрицает участия мирян. Мы только расходимся в способе осуществления этих начал в жизни. <...> Идея патриарха была еще ранее Византии. Еще в § 34 Апостольских Правил, которое появилось гораздо ранее, чем создалась Византийская Империя – эта идея уже проповедуется. Здесь нет католического папизма, ибо первый ничего да не творит без согласия всех, но этим правилом утверждается единомыслие и согласие Церкви (л. 52 об.–53).

Арашкевич: Если возлагают надежды на патриарха, то я прошу – устройте Церковь сперва снизу, ибо там пустота, тогда, как справедливо сказал епископ Гермоген, устроится само собою и наверху. Я сам недавно был на низах, и скажу устройте сперва их. А если начнете с веру – патриарха, то его могут и не принять в низах. Если же устроятся эти низы, то патриарх будет сам собою для всех одинаково желателен (л. 53 об.–54).

Протокол № 6 (16 сентября 1917 г.)

В заседании продолжалось обсуждение вопроса о Высшем Церковном Управлении, именно: о соборности Православной Русской Церкви, происходившее в заседаниях 12 и 15 сентября (л. 63).

Профессор Покровский А.И.: <...> Характерно, что с основной темой о соборности в наших прениях одновременно всплывает другая – о патриаршестве; и это весьма симптоматично, поскольку доказывает, что в уме и в представлении, а еще больше в настроении и чувстве таких ораторов первый и основной принцип высшего церковного строя – вовсе не Собор и не коллегиальное начало, а патриарх и единоличная власть. <...> Несомненно, что настроением всех нас руководит наша симпатия к широкому общественному народному началу, которое на языке церковном называется соборностью, а на социально-политическом демократичностью. <...> Мы только что окончательно порвали с монархизмом в политической области и перешли к народоправству, и вдруг в церковной области мы хотим идти в обратном направлении – от коллегиально-синодальной сферы к единолично-патриаршей. Это совершенно не логично и грозит серьезными жизненно-практическими трениями (л. 63 об.–72 об.).

Председатель Отдела, Епископ Митрофан (Краснопольский): <...> Обозревая все разнообразие произнесенных уже речей, я должен отметить, что, по крайней мере, по главному вопросу о соборности устанавливается у нас согласное единодушие. Кажется, не было ни одного оратора, который бы понимал иначе идею соборности, как именно начало созидательное, связующее и объединяющее. Соборность по общему пониманию есть внутренняя основа церковного единства. <...> истина иногда бывает представлена меньшинством и все же она в конце концов торжествует. <...> Конечно, численностью клир и миряне могут и на нашем соборе всегда подавить голос епископов, но если бы они поступили так, то они стали бы не на церковный путь. Наоборот, если в каком-либо вопросе ясно обозначится это согласие решений, то такое единение будет служить прочной гарантией жизнениности и самого постановления.

С этой точки зрения подойдем и к наиболее волнующему нас вопросу о восстановлении Патриаршества. Я подчеркиваю мысль о восстановлении Патриаршества, ибо это явление на Руси не новое, оно было насильственно прекращено, но осталось в сознании народа и всегда в важнейшие моменты жизни

Русской Церкви снова оживлялось. Припомните недавнее прошлое, когда мысль о Патриаршестве приветствовалась не только обществом, но и печатью. Теперь же наоборот эту мысль хотят замолчать, затушевать, но народ в своей толще думает иначе. Мы знаем, что отправляя депутатов на Церковный Собор, многие епархиальные съезды дали им наказ поднять вопрос о Патриаршестве и добиваться его восстановления. Такой наказ дали и нам, представителям Астраханской Церкви. Откуда же зародилась эта мысль о Патриаршестве? Она возникла сама собой из событий пережитых и еще переживаемых. Надо правду сказать, что Синодальная форма управления не понравилась вообще Русскому народу. Синод при своем коллегиальном устройстве явился чем-то безличным и мало говорящим сердцу народа. Это его безличие в особенности сказалось в последнее время переустройством всей и в том числе и церковной жизни. Бурные события совсем обезличили Синод. Голоса его почти не было, воззвания его были бездушны и никого не трогали. Внутри Церкви безвозбранно бушевали разрушительные силы, колебались основы церковного управления, из епархий шли вопли о помощи и руководстве, а Синод или молчал или сам шел за событиями и в значительной степени своими поспешными и противоречивыми указаниями способствовал разрухе. Удастся ли теперь Церковному Собору остановить разруху и ввести в русло разбушевавшиеся стихии?.. Нет, вера в сухой, безжизненный и безличный коллектив, где один указывает на другого и все остаются безответственными, пала окончательно. Народ верующий жаждет видеть во главе Церкви живую личность, с которой бы он мог вступить в жизненные церковные отношения. Имя Патриарха само собой рождается и влечет к себе сознание народа. Он соберет вокруг себя живые церковные силы и поведет их по пути спасения. К его голосу потянется народ и он найдет отклик в сердце народном. А как нужен этот голос, этот призыв к обновлению и исправлению и духовному возрождению. И напрасно нас пугают призраком властного патриарха Никона, забывая других патриархов и неправильно освещая самую личность Никона, человека во всяком случае выдающегося, прямо колоссального. Теперь не те времена и отношения.

Нам нужен патриарх, сильный не своим только личным авторитетом, но опирающийся на Собор, на голос всей верующей церкви. Он будет исполнителем соборных решений и в них будет черпать основы для своей деятельности. При таком соотношении мы не видим противоречия в восстановлении и с современным течением русской жизни, которая не стремится обезличить личность, но укрепить ее общенародным решением и одобрением. Тот же путь приспособления, какой нам указывают, он не верен по существу и унизителен для Церкви, которая не должна идти на поводу общественных течений, условных и переменчивых, ибо Церковь – учреждение вечное и неизменное и о ней сказал Христос: «созижду церковь мою и врата адавы не одолеют ее» (Мф. 16, 18) (л. 73–78 об.).

Протокол № 7 (18 сентября 1917 г.)

Васильев А.В.: <...> Все говорящие против Патриарха, в сущности повторяют один другого, противопоставляя патриарха соборности. Но мы знаем, что и в настоящее время в православных восточных церквях есть патриархи и церкви эти кафедральные, соборные. И 34-е апостольское правило требует, чтобы епископы каждого народа или каждой церковной области знали первого из них. Это же правило повторено в 9-м правиле Антиохийского Собора; но тут идет речь уже не о епископах только, но и о митрополитах; и им предписывается признавать одного первым между равными. Это правило сохраняет силу канонического и до сего дня. <...> Патриарха ждет от Освященного Собора весь верующий народ, и благословит за него этот Собор (л. 87–90).

Профессор Мищенко Ф.И.: Отцы и братья. Я позволю себе остановиться только на некоторых частностях. Ссылаются на 34 Ап[остольское] Прав[ило]. Но нет в мире ученой силы, которая бы думала, что здесь речь идет о патриархе. Я лично думаю, что здесь речь идет о митрополите. Но никто не может говорить, что здесь речь о патриархе. По букве этого канона – сколько в России народностей, столько бы должно быть и пат-

риархов. Вряд ли это желательно. Но здесь слышатся твердые речи о соборности. Если мы это поло[жи]м в основу, то здесь мы все сойдемся, а потом бы уж говорить и о патриархе. <...> У католиков – чем выше власть, тем более она самостоятельна. У Православных – наоборот. В Православной Церкви никогда не было единоличной власти, объединяющей всю Церковь. Даже в древней Церкви было 4 патриарха. Россия куда обширнее Византийской Империи – потому у нас нужен не один патриарх. Православная Церковь никогда не объединялась в одном лице (л. 90–90 об.).

Правдин В.А.: По моему мнению, как не* отклоняют профессора патриарха, а он нужен. Профессора указывают на прежние времена, но законы и времена меняются. Много у нас архиереев, да один действует так, другой – иначе. Кто же соберет всю Церковь? Патриарх должен быть сердцем Церкви. Бояться звания патриарха нечего, ибо Христос сказал, кто хочет быть первым, будь всем слугой. <...> Так постарайтесь же, отцы святые (*обращается к епископам*). Вдруг у нас в епархиях что разладится, так кто соберет-то. А то живо обжалуют патриарху, а он соберет что-нибудь вроде собора и дело разберет. А то все ссылаются на правила, а что ни слушаешь, все говорят одно и то же. Что было, то прошло, а надо смотреть на то, что есть и что надо теперь (л. 92–92 об.).

Протоиерей А.Я. Языков: <...> Никто из нас, как здесь называют профессорской или протестантской партии, никто не воюет против епископов. Все мы признаем, что епископам принадлежит руководящая роль, но до какой границы простирается это руководство – здесь-то и начинаются споры. Здесь, по моему мнению, епископат должен уступить. Смысл 34 Ап[остольского] правила весьма ясен <...> И если бы речь шла о том, кто должен быть общий руководитель – то мы столковались бы в пять минут. Это первый между равными, какие бы он ни носил названия – митрополит, патриарх – но как далеко это от позднейшего патриаршества. И когда здесь указывается на другую сторону – на надменность, высокомерие патриаршества, близкое к папст-

---

* Так в документе. – И.Л.

ву, епископат с этим совершенно не хочет считаться. <...> Я сам лично боюсь патриаршества, я думаю – это будет епископ в квадрате. Преосвященный Антоний говорил, что патриарх есть как бы самоограничение епископов, но я думаю, что это будет человек с епископским настроением, с монашеской душой. Дойти нам до него будет трудно. Сам я лично дважды доходил до Обер-Прокурора и оба раза скоро и легко получил удовлетворение. Не забудьте и того, что патриарх будет человек – пожизненный, избранный собором. А что если он будет помехой даже в деятельности епископов? Поэтому не лучше ли нам подождать того момента, когда мы сами пожелаем и будем звать этого отца отцов. <...> До сих пор епископы и Синод все называли самодержавного царя отцом всех, в надежде, что это когда-нибудь оправдается. И вот мы видим как это кончилось, вызвав позорное вмешательство народа. <...> В виду всего этого, я бы и приглашал всех воздержаться пока от патриарха, а согласимся, что будет у нас избранный временный руководитель Синода и Церкви (л. 94 об.–95 об.).

Протокол № 8 (19 сентября 1917 г.)

В своей речи проф. С.А. Котляревский, указав на неопределенность и изменчивость условий жизни, среди которых мы живем, приглашает как можно скорее приступить прямо к делу и вырабатывать какие-либо положения о Высшем Церковном Управлении в России, с той целью, что если бы по каким-либо обстоятельствам Собор прекратил свои занятия, то хотя бы этот основной вопрос о Высшем Церковном Управлении в России – был так или иначе на Соборе выяснен.

В связи с этим приглашением товарища министра Исповеданий проф. Котляревского председатель Отдела Преосвященный Митрофан, Епископ Астраханский, внес два предложения по поводу дальнейшего ведения дела по обсуждению поставленного вопроса о Соборности Православной Российской Церкви.

1) Прекратить запись ораторов и

2) сократить время для произнесения речей до 15 минут.
Оба предложения Преосвященного Председателя приняты громадным большинством членов Отдела (л. 96–96 об.).

Протокол № 9 (22 сентября 1917 г.)

<...> список ораторов, записавшихся для произнесения речей, был исчерпан. После 10-минутного перерыва, собрание было открыто пением тропаря Святому Духу: «Благословен еси, Христе Боже наш», после чего Преосвященный Председатель сделал обобщение всех произнесенных речей.

В частности, Преосвященный указал, что в произнесенных ораторами речах вопрос о высшем церковном управлении был освещен во всей своей полноте и с различных точек зрения. Поэтому можно надеяться, что в дальнейших работах Отдела не будет необходимости возвращаться к этим обсуждениям. В то же время во всех произнесенных речах, разнохарактерных по своему содержанию, замечается и нечто положительное – это призыв к единению и единодушию в работах Отдела.

Затем Преосвященный указал, что в произнесенных речах намечены следующие три вывода.

Первый вывод – устройство высшего церковного управления на соборных началах, в чем должно быть отмечено полное единодушие всех ораторов.

Второй вывод – вопрос о составе Собора и взаимоотношениях его Членов, причем по данному вопросу были высказаны три мнения. Одни указывали, что Собор должен состоять только из Епископов, клирики же и миряне могут лишь присутствовать на Соборе в единении с епископами; другие говорили, что Собор должен состоять не только из Епископов, но клира и мирян, с активным участием последних в Соборных работах, и, наконец, третьи высказывались за примиряющее положение, что состав Собора должен быть таковым, каковым является настоящий Собор Православной Российской Церкви.

Третий вывод – вопрос о первоиерархе Православной Русской Церкви, который, по большинству высказанных мнений, должен носить сан патриарха.

Переходя затем к установлению порядка дальнейших занятий Отдела, Преосвященный Председатель, ссылаясь на постановление Отдела о том, что общие прения Отдела должны происходить применительно к Синодальному проекту о высшем церковном управлении, предложил вести дальнейшие занятия Отдела применительно к этому законопроекту, с указанием, что, может быть, последний придется переработать почти вновь.

В виду предложения Преосвященного Председателя перейти к дальнейшим занятиям Отдела, некоторые Члены Отдела предложили принять особые формулы перехода к означенным занятиям Отдела.

Первая формула, предложенная князем Г.Н. Трубецким, следующая: «Выслушав общие прения по вопросу о высшем церковном управлении и 1) принимая, как исходное положение в дальнейших своих работах, восстановление сана патриарха, присваиваемого первому между равными Епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Православной Церкви и 2) вместе с органами этого управления подотчетного Церковному Поместному Собору, Отдел переходит к дальнейшему рассмотрению законопроекта о высшем церковном управлении».

Вторая формула, предложенная от группы Членов Отдела профессором протоиереем А.П. Рождественским: «В основу церковного строя на всех его ступенях должно быть положено начало соборности, – и потому Всероссийский Поместный Собор в составе Епископов, клира и мирян является высшим органом управления Российской Церкви».

<...> При голосовании формул князя Трубецкого и протоиерея Рождественского, высказались за первую – 65 за и 36 против, при одном воздержавшемся, в виду чего формула перехода Отдела к дальнейшим занятиям, предложенная князем Трубецким, и была объявлена принятой (л. 112–113 об.).

В Отдел о высшем церковном управлении

Мы, нижеподписавшиеся, считаем неправильными действия председателя Отдела и заявляем протест против них, по следующим основаниям.

1) При открытии общих прений председателем было поставлено на голосование и принято отделом предложение начать с общих прений по всей реформе высшего церковного управления, с тем, чтобы потом перейти к отдельным положениям. Сообразно с этим многие ораторы, говоря о соборности, только косвенно касались вопроса о патриаршестве, отлагая специальную речь о нем до постановки соответствующего пункта на обсуждение, о чем некоторые прямо и заявили (проф. А.И. Покровский, Н.Д. Кузнецов). Другие совсем не выступали по общему вопросу, хотя имели в виду выступить по вопросу о патриаршестве. Председатель в течение прений ничем не рассеивал такого убеждения, что вопрос о патриаршестве будет обсуждаться особо. Между тем в конце прений вдруг была поставлена на голосование формула о патриаршестве и вместе с ее принятием закрыто было дальнейшее обсуждение данного предмета. Таким образом, часть членов отдела, намеревавшаяся особо говорить о патриаршестве, оказалась обманутой и лишенной законного права продолжить обсуждение неясненного вопроса. <...> (л. 115).

Б.В. Титлинов
К. Аггеев
В.З. Завитневич
И.В. Попов
А. Максаков и др.

Протокол № 10 (25 сентября 1917 г.)

Профессор Прокошев П.А.: <...> когда Член Собора Салов выдвинул идею патриаршества в качестве предмета предстоящих прений, Председательствующий с решительностью заявил: «сначала – по вопросу о соборности, а когда перейдем к

вопросу о Синоде и его Председателю, тогда своевременно будет поставить вопрос и о патриаршестве». <...> Согласно ст. 83 Устава Собора, Отдел должен представлять Собору свои заключения, изложенные в письменном докладе, в форме предполагаемого постановления Собора; в случае надобности излагается и сущность суждений, на которых основано заключение. Отдел совершенно игнорировал эту статью. Никакого письменного доклада нет. Не указывается даже и оснований (догматических, канонических, исторических или церковно-политических) для принятой формулы. <...> Рассматривая принятую Отделом формулу по существу, я должен сказать, что в ней нет строго определенного содержания. В самом деле, что такое проектируемый этой формулой патриарх, каковы его права и круг компетенции? Обладает ли он только преимуществом чести, как первый между равными, или наделен особыми полномочиями в области церковного законодательства, управления и суда? Каково взаимоотношение между Собором и патриархом? Насколько будет зависеть от него созвание будущего Собора? Все это – вопросы огромной важности и я уверен, что по многим из этих вопросов сторонники патриаршества мыслят далеко не одинаково. И все эти вопросы остались в Отделе без обсуждения. <...> Поверьте, отцы и братья, что то разделение, которое по вопросу о патриаршестве, наблюдается в Отделе в данный момент, значительно сгладилось бы, безусловно утратило бы свою остроту, если бы мы тщательно обсудили и надлежащим образом столковались по этому вопросу. Между тем эта необычайная спешка, несомненно усиливает горечь и в сердцах мягких, и в душах далеко не строптивых; несомненно обостряет наши отношения. А что, если в числе 32-х членов Отдела, оставшихся в меньшинстве найдутся представители, положим от 15 епархий и в виду страшной поспешности, с какою проводятся решения по таким кардинальнейшим вопросам, как вопрос о патриаршестве, будут апеллировать к своим избирателям на такие решения? Меня страшит столь грозная перспектива. Можно ли тогда будет говорить о рецепции – об усвоении обще-церковным сознанием соборных определений, которое явля-

ется прочной гарантией и лучшим показателем авторитетности и продуктивности соборных деяний? (л. 121–122 об.).

Профессор В.Д. Попов: <...> Указывают, что формулу перехода можно внести в пленум Собора на основании 130 статьи Устава, говорящей о том, что «рассмотрение дел на Соборе состоит 1) в обсуждении общих оснований предначертания или предложения и т.д.». Но едва ли подлежит сомнению, что указанный 130-й параграф Устава говорит о *порядке* или *методе* возможного рассмотрения дел на Соборе, и что под «предначертанием» и «предложением» разумеется именно целостный законченный доклад, свидетельством тому служит дальнейший текст ст. 130, где говорится о *постатейном* обсуждении предначертания. В применении к возбужденному вопросу ясно, что мы не имеем ни проекта в общих очертаниях, ни тем более его постатейного расчленения.

Здесь уже говорилось о невозможности обсуждения предлагаемой формулы в пленарном заседании Собора и по существу. Вполне разделяю это мнение: невозможно в полном собрании Собора обсуждать формулу, которая явилась неожиданным результатом, не имевшим для себя оснований ни в ближайшей программе занятий Отдела, ни в самом ходе происходивших суждений. Тем более трудно надеяться на то, чтобы Собор принял проектируемую к внесению формулу, когда последняя совершенно лишена конкретного содержания (л. 123 об.–124).

Граф П.М. Граббе: <...> Проф. Прокошев указал, что прения по вопросу о соборности, а не о Патриаршестве. Это так, но почти все ораторы говорили по обоим вопросам. Это произошло от того, что один из первых же говоривших заявил, что Патриаршество не совместимо с Соборностью. Естественно все сторонники Патриаршества возражали. В результате прений выяснили оба вопроса в такой полноте, что больше добавить кажется ничего нельзя. <...> Пожелание, чтобы права Патриарха были подробно разработаны и уже в разработанном виде вопрос был внесен на общее собрание, приведет при исполнении к тому, что мы, разрабатывая уже законопроект, легко можем просто потерять время в случае принципиального несогласия Собора с нашей формулой. Напрасно видят в нашем жела-

нии поспешность; мы просто считаем, что вопрос для Отдела выяснен и что для продолжения работ необходимо решение Собора.

Один из ораторов призывал во имя любви не вносить формулы; проф. же Прокошев указывает на возможность апелляции 15 епархий к своим избирателям. Отцы и братия, если мы станем на последний путь, то Собор может обратиться в агитационный центр. Прошу не считать и не думать, что внесением этой формулы хотят кого-либо огорчить и что под этим кроется какой-то подлог (л. 124–124 об.).

Князь Е.Н. Трубецкой: 1) Формула, которую мы голосовали, не подлежит внесению на рассмотрение Собора прежде всего потому, что эта *формула перехода к постатейному чтению*. Такой переход для Собора невозможен, так как никаких статей на его рассмотрение не вносится. Ясно, что такой переход возможен *для внутреннего употребления Собора*. 2) Внесение формулы в Собор не оправдывается и соображениями целесообразности, так как оно влечет за собою развитие на Соборе бесконечных прений, охватывающих вопрос о церковном устройстве во всем его объеме, каковые прения неизбежно должны повторяться, когда на рассмотрение Собора будет внесен разработанный законопроект. 3) Самое решение вопроса о Патриархе Собором возможно лишь по выяснении Отделом существа полномочий Патриарха во всей их полноте (л. 124 об.–125).

Архиепископ Антоний (Храповицкий): Хотя решение нашего Отдела по данному вопросу не по пунктам, а в формуле перехода, но она заключает в себе столь существенные церковные идеи, что она вполне может заменять собою обоснованный доклад. Это избавило бы Собор от того затруднительного положения, в котором все мы, его Члены, находимся. Вся Россия нетерпеливо спрашивает, что делается на Соборе. До сего дня приходилось отвечать: «баллотировка и баллотировка». Между тем Собор уже истратил 400.000 руб. церковных денег, [что] в октябре грозит нам закрытием Собора по экономически соображениям. Неужели для кого-либо желательно, чтобы Собор закончился без одной резолюции? Надеюсь, что

таких пожеланий никто не разделяет. Посему думаю, что нашу формулу-доклад нужно внести немедленно (л. 125).

Вследствие того, что список лиц, пожелавших высказаться по поводу вышеуказанного предложения Преосвященного Председателя, был исчерпан, прения по этому предмету Председателем были объявлены законченными и им снова был поставлен на баллотировку вопрос о том, желают ли Члены Отдела вносить на пленарное собрание Собора принятую формулу перехода к очередным делам или же не желают (л. 125–125 об.).

По подсчету голосов по этому предложению оказалось, что члены Отдела в своем голосовании разделились поровну и высказались как за внесение означенной формулы на общее собрание Собора, так и против внесения по 38 человек. Поэтому, согласно ст. 183 Уст[ава] Собора, Преосвященным Председателем было предложено присутствующим: сделать ли перерыв занятий Отдела на один час или же отложить решение этого вопроса на следующее заседание. Большинство присутствующих было решено отложить решение этого вопроса на следующее заседание Отдела, вследствие чего настоящее собрание Отдела Преосвященным Председателем было закрыто (л. 126 об.).

Протокол № 11 (26 сентября 1917 г.)

<...> Слушали предложение председателя Отдела Преосвященного Митрофана – о вторичном голосовании формулы перехода, предложенной князем Е.Н. Трубецким – на пленарное заседание Собора. В предыдущем заседании Отдела (25 сентября) ставился уже этот вопрос и при голосовании дал равные результаты за внесение (38) и против (38). Согласно ст. 183 Устава Собора – в таких случаях или объявляется перерыв на час, или голосование откладывается до следующего заседания. В предыдущем собрании согласно желанию Отдела вопрос этот был отложен до следующего заседания и теперь согласно озна-

ченной ст. (183) Устава – вновь был предложен Председателем для голосования. Постановили большинством голосов (56 за и 32 против) – внести вышеизложенную формулу на пленарное заседание Собора (л. 129).

**«Дезорганизация и внутренняя анархия
в “тихоновщине” растет...»
(Информационные бюллетени
обновленческого Священного синода
о внутрицерковной жизни в 1927–1928 гг.)**

«Обновленческий» раскол, волновавший Русскую Православную Церковь в течение более двух десятилетий (1922–1946), продолжает оставаться предметом пристального внимания исследователей. В постперестроечные годы в научный оборот введено значительное количество документов, связанных с «обновленческой» схизмой¹.

Вместе с тем значительная часть материалов из центральных и региональных архивов продолжает оставаться неопубликованной.

Одной из проблем, серьезно затрудняющей изучение обновленческого движения, является уничтожение в 1950 г. дел архива обновленческого Священного синода, доставленного в Совет по делам Русской православной церкви из квартиры умершего обновленческого «митрополита» А.И. Введенского². Однако ряд документов обновленческого Синода можно обнаружить среди сохранившихся материалов обновленческих епархиальных управлений, в частности – в фонде обновленческого Московского епархиального управления (МЕУ) в Центральном государственном архиве Москвы³. Это относится к тем документам Синода, которые рассылались по обновленческим епархиям: в первую очередь – указы, воззвания, циркулярные письма, информационные бюллетени, из которых можно извлечь важную информацию не только об обновленчестве,

---

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

но и о положении патриаршей Церкви, деятельности государственных органов, других церковных течений и групп⁴.

К сожалению, документы обновленческого Священного синода представлены в указанном фонде фрагментарно, и большая часть из них, поступившая в МЕУ, очевидно, не сохранилась, но и то, что имеется в распоряжении исследователей, представляет значительный интерес.

Данная публикация вводит в научный оборот с необходимыми комментариями шесть сохранившихся в фонде МЕУ информационных бюллетеней Организационно-информационного отдела обновленческого Священного синода за 1927–1928 гг., когда обновленчество уже вступило в период постепенного угасания, которое будет только усиливаться в 1930-е годы, когда представители этого течения станут преследоваться властями в равной степени с другими церковными и религиозными группами. Вместе с тем в указанный период происходит некоторое оживление обновленческого движения, к которому на 1 января 1927 г. по стране принадлежало 16,6% церковных приходов, что связано с определенным ослаблением позиций патриаршей Церкви, в которой после опубликования Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16 (29) июля 1927 г. произошел ряд болезненных разделений. Сохранял в этот период еще определенную значимость и спровоцированный ОГПУ в конце 1925 г. так называемый «григорианский» раскол, инициированный группой из девяти иерархов во главе с архиепископом Свердловским и Ирбитским Григорием (Яцковским). Все это давало обновленцам некоторую надежду на укрепление своих позиций, что хорошо прослеживается в публикуемых документах.

В целом они далеки от объективности, зачастую рисуя картину чуть ли не «триумфального шествия» обновленчества по стране, в противовес «саморазлагающейся» патриаршей Церкви. Пользоваться подобными материалами следует с крайней осторожностью, имея в виду их очевидную тенденциозность.

При передаче текста исправлены элементарная орфография и пунктуация, в то же время дословно передаются все языковые особенности текста и синтаксические погрешности. В

квадратных скобках приводятся: расшифрованный или дописанный публикатором текст; пропуски отдельных букв или слов; раскрытые сокращения. В ряде случаев, для удобства чтения, текст разбит на абзацы. Вписанное от руки выделено курсивом.

-
- ¹ См. важнейшие документальные сборники, содержащие в том числе материалы об «обновленческом» расколе: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. 1–2; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост. О.Ю. Васильева; отв. ред. Я.Н. Щапов. М., 1996; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925: в 2 кн. / сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 1–2; *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; Следственное дело патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центр. арх. ФСБ РФ. М., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): [обзоры и сводки ОГПУ]. М., 2001–2013. Т. 1–9; Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б)-ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии), 1922–1929 гг. / сост. В.В. Лобанов. М., 2014; и др.
- ² Акт об уничтожении: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 82. Л. 1–3.
- ³ ЦГА Москвы. Центр хранения документов (ЦХД) до 1917 г. Ф. 2303. До апреля 2013 г. – Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ).
- ⁴ Официальные документы обновленческого Священного синода публиковались также в «Вестнике Священного синода Православных Церквей в СССР» (до 1927 г. «Вестник Священного синода Православной российской церкви»), издававшемся в Москве в 1925–1931 гг.

№ 1

БЮЛЛЕТЕНЬ на 1 июля 1927 г. № 10

*К прот[токолу] №
14/VII-[19]27*

Летний период не ослабляет энергичной работы Президиума Священного Синода. Заканчиваются краткосрочные обновленческие курсы (лекции и программы которых рассылаются особо), собравшие до 60 чел[овек] слушателей.

Члены Президиума продолжающимися выездами на места укрепляют наше общее дело: маститый председатель Священного Синода митрополит Вениамин¹ выезжал в Тверь, проф[ессор] С.М. Зарин² – в Курск, Ливны, Орел, Митрополит-Благовестник³ все еще подвизается на деле проповеди в Средней Азии.

Для работы по Москве прибыл заведующий Административным отделом Св[ященного] Синода митрополит Кавказский Петр⁴.

Напутствуемый трогательной любовью ленинградских обновленцев митрополит Вениамин⁵ вступил в Управление Московской епархией, осуществляя неоднократные пожелания Пленума и Всероссийских совещаний о поднятии обновленческого духа в Москве.

Президиум Св[ященного] Синода с удовлетворением констатирует, что его задания по проведению юбилея обновленчества правильно поняты и проведены на местах применительно к указаниям Организационного отдела, благодаря чему закрепилось сознание правоты нашего дела, как у самих обновленцев, так и в массе верующих.

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ЕПАРХИЯХ, по полученным докладам, можно отметить за этот период успехи нашей работы в Рязанской, Вятской, Вольской, Орловской епархиях.

В первой из них неутомимая деятельность епископа Николая⁶ продолжает присоединение к Св[ященному] Синоду но-

вых приходов целыми благочиниями и к настоящему времени в ведении Р[язанского] Е[пархиального] У[правления] насчитывается свыше 100 приходов.

Этот успех достигается настойчивостью епископа, по 3, по 4-ре раза добывающегося у верующих тихоновского прихода возможности побеседовать с ними и простою своею речью располагающего их, наконец, к признанию законной власти Св[ященного] Синода. Определяя тактику преосвящ[енного] Николая, можно сказать, он сам наступает посланиями, письмами, личными увещаниями, склоняя особенно упорствующих.

Эта активность дает плоды и в целом ряде других [мест].

В Вольске, по донесению архиепископа, дело настолько крепнет, что обновленческая община в состоянии производить (и начала уже) капитальный ремонт-реставрацию Кафедрального Собора, ремонтируются и другие обновленческие храмы.

В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МИТРОПОЛИИ в июне происходил Митрополитанский Собор, из постановлений которого следует отметить единодушный призыв к выявлению МИСТИЧЕСКОГО МОМЕНТА в нашем великом движении. Преображение, «освящение» жизни подвигом лично- и общественно-творческой деятельности пастырства по действительным заветам Христа должно стать в порядок работы обновленцев.

Собор избрал митрополитом Северо-Западной области митрополита Серафима⁷, установил действительную связь Ленинграда с епархиальными центрами и констатировал непрекращающийся рост (медленный, но крепкий, органический) нашего дела во всех епархиях (7), входящих в состав митрополии.

В самом Ленинграде обновленческая семья занята усиленной работой по ремонту своих храмов и планомерным осуществлением идейных достижений обновленчества. Все в большом количестве храмов начинает практиковаться богослужение на русском языке, с удовлетворением принимающееся народом. По заданию Митрополитанского Собора организуется трезвенническое объединение, успешно пустившее корни в Новгородской епархии. По инициативе давнишних работников по трезвости – архиепископа Сергия (Танаевского)⁸ и епископа Палладия Бельтюкова⁹ – и в городах, и в селах уже начинают

создаваться трезвенные ячейки, которые в ближайшем будущем свяжутся с трезвенными объединениями Ленинграда.

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА страдает от недостатка клириков.

В СИБИРИ все крепче и крепче прививается сознанию народа наша идеология, и сибирские епископы, как видно из приветствия последнего Пленума СОМЦУ¹⁰, все теснее объединяются не только в своей работе, но и в единстве настроения с Президиумом Священного Синода.

Точно так же и УКРАИНСКАЯ АВТОКЕФАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ¹¹ поддерживает самые искренние отношения с нашим Синодом, приглашая членов последнего на Пленум своего Св[ященного] Синода и приветствуя работников Синода в самых теплых выражениях.

КРЫМСКАЯ МИТРОПОЛИЯ избрала себе митрополитом Анатолия Астраханского¹², в связи с чем предстоит ряд перемещений иерархов.

В Митрополитанских областях сейчас происходят объезды епархий.

Плановая работа в отдельных епархиях останавливает на себе внимание (Амурская, Псковская, Пермская, Ленинградская, Самарская епарх[ии]). Общее направление ее – создание живой приходской семьи, активно участвующей в богослужении, осуществляющей христианскую благотворительность. Последний вопрос во многих местах сейчас ставится с особой яркостью и не без успеха. В Самаре «кормление бедных при соборе» сделалось систематическим, осуществляясь каждый воскресный и праздничный день после литургии. Сначала кормилось в один обед 60–80 человек, а теперь далеко за 100. Всего прошло по столовой более 1000 человек.

В Ленинграде при отдельных церквях устраиваются трапезы для бедных, а в одном приходе производится систематическое кормление обедами нескольких десятков бедняков. Сами миряне (в Перми) разрабатывают доклады «о воплощении христианской любви в форме благотворительности» (на юбилейном вечере мир[янин] Овсянников).

Живой интерес к нашему святому делу все шире захватывает круги верующих, достигая глухих уголков. В Синоде имеются донесения из сел (наприм[ер], с. Урожайное, Терской области) о том, с каким высоким настроением там праздновали юбилей обновленчества и из своих грошей посылали лепты на богословское просвещение, на миссионерские нужды.

В Сталинградской епархии в с. Орехове крестьяне складываются по 1 коп. в месяц на стипендию под названием «Лепта Анны» для студента Богословской академии в память умершей жены местного священника.

Члены общины пос[елка] Больших Солей, Костромской губ[ернии], представили целый доклад о том, что делать.

Рядовые подвижники – священники (напр[имер], в глухих районах Томского округа) своими беседами о церковной действительности вразумляют тихоновцев и свидетельствуют об интересе к церковным вопросам у мирян.

Мало этого: строятся новые молитвенные дома (в с. Николаевском, Козл[овского] у[езда]) усердием верующих, и тихоновские священники (не «бумажные») наряду с синодальными принимают участие в торжествах. Верующие говорят о ХОРОШЕМ священнике-синодальце: он заставил нас полюбить его и заставил это сделать любовью к нам (там же).

Прозревает народ православный. Староста М[ихайло]-]Архангельской церкви с. Кианкия* с возмущением пишет, как тихоновский священник выстраивает в шеренгу по 6 душ рядом (в престольный праздник) и молодых, и старых соборовать, потому что в Живую Церковь ходили, и с каждой души берет за это по 1 руб. «Не преступник ли он», – с возмущением спрашивает крестьянин.

Да недалеко ушли и архиереи вроде архиепископа Афанасия Спасского¹³ (о чем доносит Чувашское Е[пархиальное] У[правление]), который получил у синодального архиерея 2 фунта Св[ятого] Мира за 35 руб., продает ЕГО СВОИМ по 3 руб. за ЗОЛОТНИК, как миро староцерковническое...

---

* Так в тексте.

расклеено по храмам, вручено благочинным с предписанием (письменным) объявить его верующим, с отобранием подписки в обязательстве прочитать его в храмах (Кострома), даже под угрозой наказания (Белозерск Череп[овецкой] [губернии]) за слушание, но за редкими исключениями оно ПОЧТИ НИГДЕ НЕ ЧИТАЛОСЬ, ЕЩЕ РЕЖЕ РАЗЪЯСНЯЛОСЬ НАРОДУ САМИМИ ТИХОНОВЦАМИ.

Почему так – понятно: там, где оно прочитывалось, отношение со стороны верующих к вождям староцерковничества – по общему голосу докладов – становилось отрицательным. Масса совершенно справедливо недоумевает, неужели нужно было создавать весь раскол церковный для того, чтобы через 5 лет признать то, что пять лет тому назад сказано обновленцами, 2 с лишком года «григорианцами», и наконец, «сергиевцами». Иные говорят в смущении: мы думали, что идет борьба за православие, якобы хранимое староцерковниками, а оказывается – как говорят сибиряки – «архиереи с попами дерутся» (Волга, Новосибирск). Учитывая это, духовенство замалчивает воззвание, или придает ему такой характер, которого б[ыть] м[ожет] не предполагали и сами его создатели: они расценивают послание как доказательство того, что Соввласть «убедилась, наконец, в лояльности староцерковников, нас признала» (Баку), и потому служат БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН с коленопреклонением (Троицк Уральской обл[асти]); но такое понимание, в корне ложное, конечно, не удовлетворяет руководящие круги «тихоновщины», и суть возвания – понимает всякий – есть капитуляция перед силой принципа отделения Церкви от Государства, выдвинутого Соввластью, и признание своей неправоты в прошлом. Поэтому Приходские Советы или выдвигают версии: «воззвание подложно», «написано под давлением», или, видя практические результаты этого послания, истолковывают его как «стратегический шаг митрополита Сергия», как «средство добиться легализации своего управления» (Казань). Из донесений видно, что сами авторы возвания дают повод к подобному отношению, советуя быть осторожными в опубликовании возвания, говоря, что члены Синода не подписывали – дескать – возвания и т.д. СИНОДАЛЬНЫЕ РАБОТ-

НИКИ ДОЛЖНЫ БОЛЬШЕ И ЯРЧЕ ГОВОРИТЬ ПРАВДУ НАРОДУ О ВОЗЗВАНИИ, БУДЯ НАРОДНОЕ СОЗНАНИЕ.

Боязнь вождей «тихоновщины» раскрыть перед народом основной смысл послания способствует тому, что в настоящий момент настроение «тихоновских» масс – ВЫЖИДАТЕЛЬНОЕ.

Но рядовые архиереи на свой страх и риск начинают уже определять свое отношение к сергиевскому воззванию.

Наши предположения о том, что епископы-староцерковники, признающие [В]ВЦС¹⁶, не признают ни Сергия с его воззванием, ни патриаршего Синода, оправдываются. Ориентация на [В]ВЦС растет, поскольку эти архиереи выставляют себя «хранителями староцерковного православия» и так «бьют» митрополита Сергия.

Правильно указывая, что исторические корни обновленчества пущены еще 18–20 лет тому назад, епископы [В]ВЦС справедливо вспоминают, что в Петербургском кружке 32-х митрополит Сергей принимал деятельное участие, что он был одним из его организаторов, что он и теперь окружил себя в своем Синоде «обновленцами», по некоторым фактам «григорьевцам», кажется, что «митрополит Сергей был и есть тайный обновленец в вынужденной тихоновской маске, которою он в свое время скинет» (доклад архиепископа Виссариона¹⁷ на Барнаульском съезде, большинством 108 голосов из 156 примкнувшем к [В]ВЦС).

Не признали его и автокефалисты. Архиепископ Димитрий Томский (Беликов)¹⁸ на докладе ему о беседе, которую имел делегат Томской епархии с митрополитом Сергием в Москве, написал: «По содержанию нахожу доклад обстоятельным и важным, ввиду необходимых мероприятий для благосостояния епархии и к сбережению ее целостности» – и, в результате, по епархии разослан самый доклад с добавлением послания епископов, признающих [В]ВЦС.

Епископы, до сих пор «сергиевцы», теперь начинают говорить, что митрополит Сергей своим заискиванием у Соввласти скомпрометировал себя хуже, чем на первых порах обновленцы (епископ Василий¹⁹, Кострома), что «сергиевская стряпня

ему не по вкусу, для верующих она необязательна» (епископ Иринарх²⁰, В[еликий] Устюг), запрещают читать воззвание, даже не смущаясь распоряжением управляющего епархией архиерея (епископ Иоанникий²¹, Стар[ая] Русса).

Но зато другие еще с большей настойчивостью, чем митрополит Сергей, пытаются уверить власть в своей преданности и искренности. Иногда эти лица, подобные епископу Мефодию²² и епископу Глебу²³ (г. Ряжск) церковные деятели, или сами признающие предъявленные им Советской Властью обвинения правильными, прошлую деятельность незаконной, заслуживающей осуждения и далеко не церковной («Рабочий клич» 18 окт[ября] 1925 года), или бывшие послушными ставленниками архиепископа Бориса²⁴ – известного реакционера («Рабоч[ий] клич» 16 окт[ября] 1927 г., «Дела церковные»).

Тем не менее они (епископ Мефодий Абрамкин) опубликуют в газете воззвание, где не только приводят выдержки из послания митрополита Сергея, но совместно с группой духовенства (4 человека) убеждают, что верующие ни одним поступком, ни одним словом «не должны умалять своего гражданского долга перед Родиной: радость и печаль, успехи [и] неудачи Советского Союза должны восприниматься нами как свои собственные». Послание утверждает, что «кощунственные попытки заграничного духовенства использовать церковь православную для борьбы с Советской властью», которым вторили у нас «люди церковного недомыслия и субъективных настроений», мешали установить мирные отношения с Советским правительством. Воззвание находит, что совершенно справедливо будет исключить из клира лиц заграничного духовенства, не давших требуемых подписок о лояльности к Совласти.

А епископ Киприан²⁵, управляющий староцерковниками во Владивостоке, в «Красн[ом] Зна[ени]» от 30 сентября с.г. пишет: «мы отнюдь не можем использовать это (свои религиозные обязанности) как-либо в подрыв Советской власти, как законной государственной власти. Мысли о возврате монархической формы государственного управления, ожидание вмешательства посторонней политической силы и антисоветская дея-

тельность русского эмигрантства вообще и духовенства в частности – все это остается для нас чуждым».

Каково это слышать заграничным «православным» вроде Антония Храповицкого²⁶, Маркова²⁷ и пр.

Приходится отметить, что и «евлогиевцам» нелегко. Известный П.Н. Милоков²⁸ советует Евлогию²⁹ и др. «внешнее подчинение, но с внутренними оговорками». В соглашении митрополита Сергия он видит компромисс и хочет найти выход из создавшегося положения, рекомендуя пастырям и пастве Евлогия осудить лишь террор, но не всякую борьбу против Советов (см. «Наш союз» № 61 стр. 6, Париж), не могут же Кокцовцев³⁰ и др. стать сторонниками Соввласти, и тогда митрополиту Евлогию, если он не хочет лишиться содержания, нельзя признать Сергиевской декларации, а не признать ее – значит порвать с Московской Патриархией и повиснуть в «заграничной автономии», которую будет законно оспаривать Карловацкий архиерейский Синод Антония.

В официальном издании м[итрополита] Евлогия «Церковный Вестник Зап[адно]-Европ[ейской] епархии» (№ 3, четверг 9/22 сент. 1927 г.) полностью напечатан «Указ Пресвящ[енному] Митрополиту Евлогию, управляющему Русскими Церквами в Западной Европе» от Зам[естителя] Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода от 1/14 июля [19]27 г. № 93, в коем требуется от духовенства дать подписки в лояльном отношении к Советской Власти. П[ункт] 1 этого указа требует дать письменное обязательство следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю сие обязательство в том, что ныне, состоя в ведении Московской патриархии, не допущу в своей общественной, в особенности же церковной деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству». По п[ункту] 2-му, отказавшиеся исполнить это условие, до 15/2 сентября не ответившие Заместителю Местоблюстителя, увольняются от должностей и исключаются из клира М[осковской] Патриархии, не исключая самого митрополита Евлогия, обязанности коего в таком случае переходят

временно к Заместителю Патр[иаршего] Местоблюстителя (п. 4).

Текст требуемого обязательства не оставляет сомнений и перетолкований. Но сторонникам м[итрополита] Евлогия, собравшимся у него на совещании (см. «Русский Голос» от 19 с[ентября] 1927 г., Нью-Йорк) «смысл подписки» показался «неясным и растяжным» и вызвал вопрос, могут ли священники служить панихиду по Корнилову или Колчаку и т.д., не навлекая подозрения в «нелояльности».

И вот митрополиту Евлогию, свидетельствующему, что «многие соблазнились поступком Зам[естителя] Местоблюстителя, многие сурово порицают и осуждают его, некоторые готовы отойти от него и даже покинуть самую Церковь, возглавляемую им», приходится находить какую-либо «лазейку» (см. его «Слово» за Литургией 4 сент[ября] с.г., напечатанное там же). И он находит ее в следующих положениях «ответа» митрополиту Сергию от 30 августа /12 сент[ября] с.г., напечатанного там же: «ПЕРВОЕ: мой принцип – сосредоточие церковно-общественной деятельности исключительно на религиозно-нравственном воспитании паствы с невмешательством Церкви в политическую жизнь. ВТОРОЕ: я обязуюсь не допускать, чтобы в подведомых мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну...». Вот и все, по мнению митрополита Евлогия, что нужно для сохранения единства с Московской Патриархией...

Согласится ли митрополит Сергей и его Синод признать это заявление, в корне расходящееся с точкой зрения, высказанной в воззвании м[итрополита] Сергия, – покажет будущее.

Но уже и сейчас заграничные круги или приписывают м[итрополиту] Сергию или располагают полученным от него ТАЙНЫМ разъяснением послания, опубликованного 19 августа.

В том же номере Парижских «Ц[ерковных] В[едомостей]» сообщается, со слов Латвийского Архиепископа Иоанна³¹, что в староцерковнических епархиях СССР распространено это «разъяснение», в котором читается будто бы следующее: «Обещая полную лояльность, иерархия не может взять на себя каких-либо обязательств для доказательства нашей лояльно-

сти» (а подписки то...)... И далее: «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем не сообразно». Если это измышление, оно характерно для определения истинного лица староцерковничества; если оно факт, двойственность политики митрополита Сергия приведет русскую церковную жизнь, несомненно, еще к большему, чем сейчас, развалу, если староцерковничество не встанет честно на соборный путь лояльного к власти церковного строительства.

В настоящий момент можно установить несомненный факт, что дезорганизация и внутренняя анархия в «тихоновщине» растет, и синодалам нужно еще крепче сплотить свои ряды. Победа не так уже далека.

Организационный Отдел может свидетельствовать, что обновленчество нигде не дрогнуло в связи с опубликованием воззвания митрополита Сергия и учреждением его «Синода», напротив, еще рельефнее увидело свою правоту. Об «организации» же сергиевщины можно сказать словами одного рядового «сергиевского» же священника Нижегородской епархии: «В нашей церкви дела что-то не клеятся. Синод при митрополите Сергии вполне не сформировался. Церковная жизнь в застое. Епископы слабо проявляют свою деятельность».

У с л и т ь нашу во всех отношениях – вот требование момента.

Председатель Св[ященного] Синода   Митрополит *Вениамин*

Зав[едующий]

Инф[ормационно][–]Орг[анизационным] Отделом

*Николай, Архиепископ Гдовский*³²

Секретарь – член Св[ященного] Синода   *Проф[ессор] С. Зарин*

М.П.

№ 5114 1.XI. 27

*ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 20. Л. 363–364.
Машинописный подлинник. Подписи – автографы.*

№ 3

Информационный бюллетень № 14

Входящий № 127 ноября 4 дня 1927 г.

По всей линии нашего обновленческого фронта идет усиленная творческая организационная работа.

Информационный Отдел отмечает, что проведенные во многих районах епископами объезды своих епархий принесли несомненную пользу, укрепив обновленческие позиции (Еп[ископии] Вятская, Воронежская, Челябинская, Семипалатинская, Иркутская и др.).

Председатель Св[ященного] Синода своим выездом в г. Рыбинск для служения 28 сентября весьма укрепил положение там синодального дела. Тысячи народа, запуганного тихоновцами, принимали участие в торжестве крестного хода, и даже колокола тихоновского собора должны были звонить, несмотря на противление верховодов староцерковничества.

Ясная точка зрения обновленцев на последних выступлениях м[итрополита] Сергия много способствует крепости наших позиций. Массовые доклады с правдивым освещением положения тихоновских вождей – в Москве (арх[иепископ] Николай Платонов, протопресвитер П. Красотин), в Ленинграде (арх[иепископ] Платонов), в Рязани, в Рыбинске (он же и прот[оиерей] А. Эндека³³), в Твери (прот[оиерей] А. Эндека), в Новгороде (арх[иепископ] П. Раевский³⁴), в Стар[ой] Руссе, Пскове, Челябинске, Томске и других центрах церковной жизни, почти повсюду в СССР пробивают широкие бреши в сознании верующих. Усилить эту кампанию за сознательное отношение народа к церковным событиям – долг для всех обновленцев.

В МОСКВЕ усилиями членов Синода (м[итрополита] Александра³⁵, м[итрополита] Петра³⁶, протопресв[итера] Красотина) обновленческое духовенство призывается к активной проповеднической и вообще организационной работе. На собрании духовенства и мирян 23 сентября приняты положения, по которым должен образоваться проповеднический актив из пастырей и мирян, ставящей своей задачей, как разработку проповеднических текстов, [так] и распространение идей обновления среди широких народных масс. Намечено устройство двухнедельных проповеднических курсов для пастырей и мирян. Признано необходимым проведение церковно-христианской дисциплины во все стороны церковной жизни.

В ЛЕНИНГРАДЕ происходят районные собрания духовенства, на которых вырабатывается общая тактика, достигается согласованность по всем вопросам церковного делания, закладывается фундамент братской материальной взаимопомощи духовенства и приходов.

В ряде епархий и областных центров путем благочиннических собраний готовятся к съездам. Работа этих низовых объединений привлекает внимание тем, что она является действительной основой нашего развития. Сюда, на низовую организацию, должна быть обращена организационная энергия руководителей нашего дела, теперь, перед лицом легализирующейся «тихоновщины», больше, чем когда-либо. Результаты от этого получаются хорошие. Перед нами протокол Благочин[нического] собрания 24 округа Кубано-Черноморской епархии.

Здесь и забота о действительном осуществлении церковной дисциплины, и правильное понимание идеи соборности, как выражение единства нашей веры и средство мирного строительства церкви, и инструктивные указания для пастырского и миссионерского служения в церкви. Вопрос миссии вообще выдвигается сейчас повсюду в сознании верующих, и упомянутый съезд правильно определяет, что: «деятельность <нрзб> миссионеров не должна сводиться к одним публичным выступлениям и иногда бесполезным разъездам, а главною их обязанностью должно быть знакомство пастырей через проведе-

ние пастырских собраний, при выездах в округа, с положением сектантства, методами борьбы с ним и пр.».

Ясно, что плодотворность борьбы с сектантством в значительной степени зависит от интенсивности положительной пастырской работы, и нам, желающим дать полное удовлетворение верующим, не следует бояться творчества во всех сторонах пастырского делания. Необходимое условие – лишь принятие сознанием верующих той или иной меры к достижению «церковной грамотности» народа. Тульское Е[пархиальное] У[правление] сообщает, что, по докладу священника с. Знаменского – Девочкина, Чернского р[айона], приходское собрание признало своевременным и необходимым введение русского языка в практику богослужений – вот получение подобных постановлений есть правильный метод в области обновленческого творчества.

Излишняя боязнь наших работников выявить себя, свою идеологию тормозит на местах наше дело, а некоторую часть сознательных мирян уже и отталкивает от нас.

При объезде своей епархии арх[иепископ] Василий Челябинский³⁷ правильно отметил, что многие наши деятели «просто спят», заботясь только о том, чтобы в приходе была «тишь, да гладь, да Божья благодать». На этой почве, продолжает владыка – «часто создается боязнь пастыря своих прихожан, боязнь коснуться этих наболевших, но страшно существенных для народных масс вопросов» о жизни церковной, о расколе церковном, об обновленчестве, его идеологии и пр. А результат – легкий отход в тихоновщину несознательной массы, – стоит появиться лишь беззастенчивому агитатору в приходе.

Информационный отдел с удовлетворением отмечает все увеличивающееся количество информационных бюллетеней по епархиям: правильная информация – могучее средство спайки.

От членов Пленума Св[ященного] Синода, который соберется 20 ноября в Москве, заведующему Отделом хотелось бы получить указания, на основании уже годового опыта, какие улучшения необходимо сделать в настоящих синодальных бюллетенях.

Информац[ионно][–]Орган[изационный] Отдел полагает, что весь материал, даваемый бюллетенями для ответственных работников епархий, необходимо перерабатывать применительно к местным условиям, но обязательно в популярной форме доводить до сведения широких масс обновленцев.

3 XI [19]27 № 5157

Председатель Св[ященного] Синода   Митрополит *Вениамин*
За Зав[едающего]
Информац[ионно][–]Организац[ионным] Отделом
Митр[ополит] Александр³⁸

За Секретарь – член Св[ященного] Синода
прот[опресвитер] П. Красотин

*ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 20. Л. 382–382 об.
Машинописный подлинник. Подписи – автографы.*

№ 4

Бюллетень № 1 на 7-ое февраля 1928 г.

Входящий № 39 февраля 14 дня 1928 г.

Минувший год закончился знаменательными для Священного Синода грамотами Св[ятейших] патриархов Православного Востока – Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского. В этих грамотах, особенно в грамоте п[атриар]ха Константинопольского ВАСИЛИЯ III и копии письма от него на имя м[итрополита] Сергия, единодушно одобряется вся деятельность Св[ященного] Синода на благо Церкви. Вновь и вновь, наперекор клевете наших противников о разрыве с нами отношений Восточных патриархов, последние братски лобызают нас. Так, патриарх Иерусалимский, по-

здравляя с праздником Рождества Христова председателя Синода митрополита ВЕНИАМИНА, называет его возлюбленным братом во Христе и братски просит передать его сочувственные молитвы и приветствия составляющим вместе с ним Святой и Священный Синод, преосвященным архипастырям и возлюбленным во Христе братьям и сестрам. Еще с большей теплотой и задушевностью обращается к Св[ященному] Синоду патриарх Константинопольский. Особенно же должно одобрять всех нас в нашей церковной деятельности письмо Всесвятейшего на имя м[итрополита] Сергия. В твердых и ясных выражениях Вселенский патриарх, выражая полное доверие миролюбивой деятельности Св[ященного] Синода, братски советует в нем митрополиту Сергию, получившему легализацию гражданской власти, не самоутверждаться и не обвинять другую часть Церкви без достаточных оснований в нарушении церковного мира, но на общем Соборе, общими усилиями и самоотверженной любовью укрепить единство Церкви. Причем Всесвятейший к осуществлению указанного им дела в данный момент не видит никаких препятствий и, заключая свое отеческое послание м[итрополиту] Сергию, напоминает ему о великой награде для миролюбцев и жестоком наказании для сеющих раздор. Как откликнется митрополит Сергий на определен[ный] призыв Вселенского патриарха – сказать трудно. Во всяком случае, какой-то выход из создавшегося для него затруднения найти ему необходимо. Правда, пока он молчит, но, заговорившему с патриархом первым, молчанием отделаться трудно. А из письма патриарха м[итрополиту] Сергию ясно, что последний, обращаясь к нему, рассчитывал лишь на патриаршее благословение, а отнюдь не на наставление от него о мерах и способах действий по отношению к несогласным с ним. Для митрополита Сергия, как и для всех его последователей, до сих пор казалось бесспорным, что они единственные охранители православия, и что утверждать Церковь можно только углублением вражды по отношению к несогласным «похитителям власти». И вдруг от Вселенского патриарха на свое извещение о легализации он слышит совершенно иное мнение. Для митрополита Сергия остается

теперь одно из двух: или последовать мудрому совету Вселенского патриарха и начать совместно с ним немедленную подготовку к объединенному Собору, или продолжить обдержанный и привычный путь вражды против нас и стать, таким образом, вне братских отношений с Вселенским патриархом. Здесь уже не оправдаешься, как когда-то б[ывший] п[атриарх] Тихон пытался оправдаться перед патриархом Константинопольским Григорием VII ссылкой на неправомотность Вселенского п[атриар]ха вмешиваться в дела автокефальной церкви, так как м[итрополит] Сергей первый обратился к нему. Но как бы ни действовал в дальнейшем митрополит Сергей, для нас наступил чрезвычайно важный и благоприятный момент, который и должно использовать во всем объеме. Письмо Вселенского п[атриарха] несомненно ухудшило положение м[итрополита] Сергия. Та злоба, в которой воспитывалась часть верующего народа по отношению к деятелям и деятельности обновленцев, не позволит осторожному м[итрополиту] Сергию переменить свою тактику по совету патриарха. Однако найдутся и в среде староцерковников люди искренне церковные, которые не могут отнестись безучастно к призыву Вселенского п[атриарха]. Волей-неволей в староцерковную среду проникнет новая струя «живой воды» патриаршего голоса, которая разобьет их единство мыслей и чувств. Начало этому уже положено в Ленинграде.

По сообщению Л[енинградского] Е[пархиального] У[правления] от 28 января с.г. за № 203 еп[ископ] Сергей (Зинкевич)³⁹ Детскосельский за ранней литургией в Крещение, в Николо-Морском Соборе, после прочтения воззвания, касающегося отношения к Восточным патриархам, призывающим к объединению Церкви, сказал: «Мы не сделаемся обновленцами, но мы должны найти пути к объединению Церкви». Это «должны найти», несомненно, будет звучать все громче и громче и вызывать разнородные волнения в староцерковной среде. Еще народным массам трактуемое письмо Вселенского патриарха не известно, а потому в наших интересах необходимо *широко опубликовать* его по получении из Священного Синода; необходимо разъяснить народу, что Вселенский п[атриарх] зовет «православных» к тому же, к чему неоднократно призывали и

мы. Но пока м[итрополит] Сергей будет искать ответа на письмо Вс[еленского] п[атриарха], ему еще долго придется волноваться горькими чувствами от своей «знаменитой декларации» от 16/29 июля 1927 г. Как ни замалчивали ее друзья м[итрополита] Сергия, как ни старались приостановить ее распространение, все же декларация продолжает ядовито жалить своего творца. Она явилась как бы пробным камнем, отмечающим политическую и религиозную зрелость староцерковничества, и вызвала у одних недоумение, у других растерянность, и у многих ожесточение. Кажется, не осталось ни одного уголка в СССР, где бы эта декларация, как злая бактерия, не отравила бы покой самодовольной до ее появления сергиевщины. Из массы фактов, имеющих в нашем распоряжении, приведем особо характерные, чтобы убедиться на них, что таит в себе для м[итрополита] Сергия его декларация.

С особенной интенсивностью разорвала она единство староцерковников в Ленинграде. Друзья до декларации стали сегодня врагами. Те, кто принял ее, объявлены для народа «красными», а не принявшие считают себя «единственными хранителями неповрежденного православия». Во главе вторых стоит еп[ископ] Димитрий (Любимов)⁴⁰ и еп[ископ] Сергей Нарвский⁴¹, а [первых] – Николай (Ярушевич)⁴², и сейчас идет между ними жестокая борьба с обычными для них запрещениями. Конечно, первые, опираясь на м[итрополита] Сергия, в репрессиях к противникам действуют со всею решимостью, хотя на вторых наказание не производит никакого впечатления. Как «убежденные стоятели за чистую веру», они тоже подыскали «адаманта благочестия» м[итрополита] Иосифа (Петровых)⁴³, проживающего в Ростове Ярославском, и установили с ним каноническую связь. Так на арену церковной жизни снова выходит один из «запасных заместителей Местоблюстителя Патриаршего престола»⁴⁴. Окрыленные поддержкой народа и проникнутые «высокой целью» просвещения неразумных, они перешли в решительное наступление на «красных сергиевцев». И, как наступающие, имеют уже победные трофеи: они взяли Кафедральный Собор тихоновцев – храм Воскресения на Крови. Естественно, такой успех противников декларации внес

сильное брожение в тихоновские церкви: всюду идет борьба, и хотя большинство церквей – сергиевских, но отдельные двадцатки уже начали запрещать почитать м[итрополита] Сергия и за неподчинение изгонять духовенство. Такое же расхождение в староцерковных рядах наблюдается и в уездах Ленинградской епархии. Последователям м[итрополита] Сергия при защите от нападающих приходится уверять народ, что они «не обновленцы». Так, в сознании известной части староцерковников принято декларацию рассматривать как переход к обновленчеству. В тех же целях парализации успехов не принявших сергиевской декларации благочинные призывают сельское духовенство к объединению около м[итрополита] Сергия и еп[ископа] Николая (Ярушевича), распространяя из грамоты-письма Вселенского п[атриарха] митрополиту Сергию с братией выдержки, в которых пат[риарх] признает их, якобы «хранителями древнего благочестия». Но когда их противники знакомятся с полным текстом грамоты-письма Вселенского п[атриарха] к митрополиту Сергию, то они легко поймут, в чем, по мнению п[атриарха], заключается «истинное благочестие». Оно, во всяком случае, не в фарисейской самовлюбленности и всеосуждении, а в самопожертвовании, всепрощении и напряженном устремлении к церковному миру. Наши опытные Ленинградские деятели сумеют использовать благоприятный момент староцерковной сыпучести и растерянности.

Не меньшее разделение в среду староцерковничества внесла декларация в пределы Вятской епархии. Мирно сожительствовавшие здесь доселе два тихоновские епископа Павел⁴⁵ и Виктор⁴⁶ вступили в ожесточенную схватку. Не спасает еп[ископа] Павла от поражения и его высокое звание «Члена Патриаршего Синода»: противник декларации еп[ископ] Виктор вытесняет его из вятских храмов. «Викторовщина» растет здесь с каждым днем. Победитель гордо заявляет, что с ним 25 архиереев и 60 святителей в Соловках. Напрасно еп[ископ] Павел угрожает ему запрещением и «увольнением» – еп[ископ] Виктор не смиряется. Не большое значение для успеха дало еп[ископу] Павлу и выпущенное им воззвание к вятской пастве, в котором он, ругнув всех своих церковных противников, оправдывает дек-

ларацию м[итрополита] Сергия и называет «Патриарший Синод» каноническим звеном. Его противник в «Мыслях православного христианина» думает иначе. По его словам, декларация есть явная для всех измена вечной истине, и по своей гибельности не меньшая, а большая, чем ересь и раскол. Патриаршая Церковь теперь приспособляется на служение интересам не только чуждым ей, но даже совершенно несовместным с ее Божественной и духовной свободой. Тяжелое оскорбление религиозному чувству покрывает мрачной тенью всю декларацию и делает ее в целом неприемлемою для православного христианского сознания. По мнению автора «Мыслей», не существует никакого и патриаршего Синода, а есть только м[итрополит] Сергей, поставленный «домоуправителем» от м[итрополита] Петра, который может удалить его в любой момент, как «управителя неправедного». «Мысли» заканчиваются решительным требованием к подписавшим декларацию осознать свою ошибку, принести покаяние и получить должное от благодати Божественной разрешение в содеянном. Нет сомнения, что этой смутой в староцерковничестве воспользуются наши местные деятели, руководимые своим новым мудрым и энергичным архиепископом Василием⁴⁷, бывшим Челябинским. В Яранском викариатстве уже есть и положительные результаты: недавно присоединились два прихода – Колянурский и Богородице-Полянский. Причем в роли борца следует особо отметить неупоминанного о. диакона М. Смоленцева.

Не меньший развал декларация произвела в пределах Челябинской и Курской еп[архий]. Так, в Челябинской епархии разлагающаяся сергиевщина вырождается в автономию. Больно ударила декларация и по последователям ВВЦС. Сам глава ее, м[итрополит] Григорий⁴⁸, чтобы спасти здесь положение, прибыл в Челябинск, созвал съезд, и на нем был избран во епископы для Челябинска местный прот[оиерей] Петр Холмогорцев⁴⁹. Однако этот съезд выразил полное недоверие к авторитету м[итрополита] Григория, постановив, чтобы хиротония над прот[оиереем] Холмогорцевым была совершена м[итрополитом] Агафангелом⁵⁰. Так из многочисленных претендентов по охране Патриаршего Престола каждый не забывается в том или

ином уголке обширной СССР и даже возвышается над прочими. Как это напоминает историческую параллель со старым Никоновским расколом, где каждый расколучитель постоянно стремился возвышаться над другими и тем самым способствовал дроблению единства. Это дробление в современном староцерковничестве становится все ярче и ярче, все рельефнее выражается линия распада. Как в прежнем расколе, так и в современном, его последователи ищут главу и не находят.

Еще недавно в Курской епархии тихоновщина жила мирно. Престарелый ее руководитель м[итрополит] Назарий⁵¹ чрез своего помощника еп[ископа] Серафима⁵² твердо держал единство. Но вдруг помощник изменил. Декларация, по-видимому, смутила его, и он перекочевал в ВВЦС и оторвал с собою четыре уезда – Белгородский, Грайворонский, Новооскольский и Корочанский. Мирное житие нарушено. М[итрополит] Назарий запрещает слушника и иже с ним в священнослужении, но, видя, что эта мера не помогает, «ласково» отменил свое распоряжение, заявив, что он не хочет влиять ни на чью совесть, и что каждый может поступать по ее велению.

Еще интенсивнее ищут главу староцерковники Томские. Здесь, как известно, тихоновский архиепископ Димитрий (Беликов), смущенный постоянной сменой зам[естителей] Местоблюстителя, объявил автокефалию, за что и подвергся запрещению от тогдашнего Заместителя – Угличского еп[ископа] Серафима⁵³. Растерянная паства заметалась. Посылаются делегации то к Сергию, то к Григорию. Но, как сообщает нам арх[иепископ] Сергей⁵⁴, кажется, окончательно «ревнители благочестия» еще не нашли надежной и бесспорной главы. Естественно, что при таком колебании в рядах староцерковничества ослабевает злоба к деятелям обновленчества и к идеям обновления. Рядовая верующая масса, не ищущая в Церкви ничего, кроме веры, невольно приглядывается к новому церковному течению. Даже пастыри зачастую посещают обновленческий Томский еп[архиальный] совет и архиепископа, делятся своими настроениями, недоумениями, огорчениями от епархиальной своей власти и даже принимают благословение у архиепископа. И наш энергичный архипастырь с присущей ему мудростью

умело пользуется слабостью противников. В целях объединения и информации духовенства он еженедельно, по вторникам, устраивает в Е[пархиальном] У[правлении] собрания всего городского д[уховенств]ва и временно прибывающих в Томск. На собраниях вырабатываются темы докладов, которыми очень интересуются староцерковники. По их словам, на обновленческих докладах они только и узнают истину, так как их вожди ничего не говорят им о положении церковных дел. Кажется, это общий недуг староцерковнических вождей – безмолвие о положении церкви и кипящая злоба и клевета на обновленцев. Еще местами не прекратились их прежние приемы борьбы с нами.

Фанатик-староцерковник еп[ископ] Кирилл⁵⁵ в Пензе не называет иначе обновленцев, как «живцами». Крещеных ими перекрещивает, предпочитая крещение даже бабкою, причем он заявляет, что бабка – православный человек, а обновленческий священник – еретик. Он запретил в священнослужении одного из своих благочинных – прот[оиерея] Николаева только за то, что тот на одном из собраний высказался за необходимость примирения на Соборе. Тщетно оскорбленный о. Николаев письмом взывал к благородству епископа Кирилла – он оставался непреклонен. Правда, такие действия епископа отпугнули от него более благоразумных староцерковников: они волнуются и тоже ищут «законную главу», и пока что тянутся к ВВЦС. Единый фронт прорывается и здесь. А там, где верующие хотели бы узнать истину путем публичного обмена мнений сторонами, обычно староцерковнич[еские] епископы уклоняются.

Так, в г. Лукоянове Нижегородской еп[архии], в с. Гуляеве, приглашенный на диспут епископ Серафим (Юшков)⁵⁶ категорически отказался, ссылаясь то на глухоту, то на бедность. А когда приглашавшие не унимались, епископ делегировал священника Раева, фанатика и хлыстовствующего. О. Раев всех убедил своим появлением на диспуте в том, что он отлично умеет ругаться, но что истина сама по себе не важна.

Не важна истина и для м[итрополита]-сергиевца Серафима (Александрова)⁵⁷ Тверского. Он приписывает обновленцам ка-

кую-то «красную ересь». И так, староцерковники стали для большего успеха ересь раскрашивать в цвета, и, очевидно, красный цвет – самый страшный. По крайней мере он смутил Прих[одской] совет церкви с. Емельяновки Тверской еп[архии]. Последний по этому поводу обратился за разъяснением в Синод. Синод разъяснил, но неизвестно, успокоилась ли Емельяновка.

В других местах, как, напр[имер], в Ульяновской епархии, истина доказывается проще. Еп[ископ] ВВЦС Гермоген⁵⁸, проживающий в Дворянской вол[ости], распространяет истину усиленной раздачей наград. И на эту удочку, с грустью доносит нам арх[иепископ] Иоанн⁵⁹, духовенство охотно под[д]ается. Аморальная атмосфера сгущается. Староцерковническое духовенство здесь дезорганизовано и вместе с общинами нередко никому не подчиняется. Наши деятели во главе с арх[иепископом] Иоанном самоотверженно отстаивают свои позиции, посещая и укрепляя слабые места. Терпя материальные и моральные стеснения, они все же успешно располагают свои общины к ремонту храмов. И в г. Сызрани, по докладу Е[пархиального] У[правления], обновленческий храм выгодно отличается своей белизной среди староцерковнических храмов.

С не меньшим самоотвержением трудятся наши архипастыри и пастыри, по имеющимся у нас сведениям, и в отдаленных от центра местах: в Двинске, Минусинске, Бийске, Иркутске и Нижнем Тагиле. Старец архиеп[ископ] [Верхне]-Удинский Георгий⁶⁰ проехал почти всю епархию с местнотчимым образом Богоматери и повсюду встречал радушный прием от народа. В Минусинске заметно движение в пользу обновленчества, и за последнее время присоединены там два прихода: Коладыбаский и Сальбинский.

Бийский архиепископ, объезжая епархию, привлекает к себе народ настолько, что даже староцерковники ищут бесед с ним. В Иркутске обновление стоит твердо, и только оно борется с сектантством – адвентистами, баптистами и евангелистами; ведется плановая работа с[о] староцерковниками: в результате фанатизм к обновленцам в некоторой части слабеет, и в последнее время присоединилось к Св[ященному] Синоду с. Алка

Тулузской окр. В Нижнетагильской еп[архии], помимо регулярных бесед в 2-х городских храмах и объездов епархии арх[иепископом] Серапионом⁶¹, учреждаются религиозные кружки для борьбы с сектантством, проповеди обновленческих идей, пробуждения интереса к вере и для самоспасения. Даже в Ярославской епархии – этом оплоте тихоновщины – начинается просвет. Там только что на днях в самом отдаленном углу епархии – г. Пошехонье, ныне Володар, присоединился собор к Свящ[енному] Синоду. Есть заявления о принятии в ведение Синода от отдельных священников, заявления исполнены тяжелой душевной травмы, пережитой ими в отчуждении.

Всматриваясь в лик староцерковничества, расцветиваемый сведениями о нем с мест, можно без преувеличения прийти к решительному выводу, что староцерковничество, хотя количественно и представляет огромную силу, но эта сила рыхлая, расплывающаяся в самом своем нутре. Объединяющий ее центр – м[итрополит] Сергей излучает всеми своими действиями лишь силы центробежные. Во многих случаях оторвавшихся от м[итрополита] Сергия притягивает к себе ВВЦС. Необходимо и нам сейчас быть настороже, необходимо использовать момент расслойки староцерковничества во всем объеме. Для этой цели следует в быстром порядке все директивы от Синода проводить в народные массы. Каждая епархия должна быть разбита на районы с ответственными работниками на местах. Причем, если епархия не может почему-либо своевременно информировать их по текущему церковному моменту, пусть районы обращаются непосредственно в Синод. Все работники должны быть проникнуты одной волей и одной целью – торжества обновительных церковных идей. На этом пути не должно быть ни личных интересов, ни колебаний, ни маскировки, ни тем более инертности, на что сетует Томский арх[иепископ] Сергей⁶². Смело и открыто, всюду и везде, общими усилиями, под водительством своих архипастырей, пусть каждый верный Св. Синоду ясно и отчетливо раскрывает, чего мы хотим и в чем смысл современного церковного движения. Мы слышим стоны наших самоотверженных братьев отовсюду, мы чувствуем и вместе с ними переживаем их неимоверные труды, мы

преклоняемся пред их стойкостью и мужеством, но все же имеем достаточное основание говорить: если обновление Церкви для нас есть жизнь, а смысл жизни только в движении вперед, то, забывая заднее, необходимо простираться вперед. С благословениями, только что полученными от Восточных патриархов, идите, дорогие наши сороботники, в толпу народную, организуйте активы и среди самого народа. Сообщайте нам чаще от всех ваших достижениях и неудачах, о всех движениях у инакомыслящих, высказывайте ваши мысли, мероприятия и пожелания, дабы общим разумом и волей сломить скорее упрямство и злобу вождей староцерковщины.

Председатель Св[ященного] Синода

Митрополит *Вениамин*

М.П.

Зав[едующий]

Информац[ионно][–]Организац[ионным] Отделом
Протопресвитер *П. Красотин*

Секретарь – Член Св[ященного] Синода

Профессор *С. Зарин*

10-II-[19]28 № 615

*ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 127–128 об.
Машинописный подлинник. Подписи – автографы.*

№ 5

Бюллетень № 2

10 марта 1928 г.

Единая, стойко упрямая, монолитная тихоновщина, как только перешла в петровщину, а особенно в сергиевщину, так и начала дробиться на части. Не напрасно тихоновщина при-

своила себе название староцерковников – старое всегда легко разлагается. И в настоящее время только фанатики старины да слепые физически и духовно не видят болезненного процесса, происходящего в староцерковничестве. Внутренний рак медленно, но верно разъедает «патриаршую церковь». Очевидность этого факта не требует конкретных подробных данных – их слишком много, заметим только, что из всех более или менее видных центров единодушно сообщается о внутреннем развале староцерковничества. Болезнь прогрессирует, рвутся ткани, не связанные живой жизнью и не одушевленные движением вперед. Больному рассыпающемуся организму староцерковничества, сохраняющему при всех своих громких названиях лишь «слова, а не силу» (1 Кор. IV, 19), нам следует противопоставить здоровье нашего организма: его целостность, жизненность всех его функций и стройную согласованность в действиях (Ефес. IV, 11–16; Римл. XII, 4–16; 1 Кор. XII, 25–31). Сверху донизу весь обновленческий организм и должен быть пронизан единством мысли и воли. При разных дарованиях и положении членов единого организма, а, следовательно, и при различной качественной и количественной степени их деятельности, однако не должно быть – никаких перебоев в целом. А это возможно лишь в том случае, если все члены правильно осознают: **КТО ОНИ, КАКУЮ РОЛЬ ОНИ МОГУТ И ДОЛЖНЫ ИСПОЛНЯТЬ, КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ОНИ РАСПОЛАГАЮТ И К КАКОЙ ЦЕЛИ ОНИ СТРЕМЯТСЯ.** Выпад из сознания любого члена организации хотя бы одного из названных условий, неизбежно поведет к перебоям в целом, а отсюда – к нарушению единства и удалению от цели. Чтобы этого не случилось, необходимо все практические действия членов обновленческой организации чем-то объединить и регулировать. Таким объединяющим и регулирующим началом для всех православно верующих должны быть учение о Церкви и Спасении и практическое их раскрытие на Соборах, особенно [19]23 и [19]25 гг. Однако несомненно, что для жизненного и согласованного осуществления этого начала всей организацией необходимы особые лица, как бы головы, дающие движение и правильное направление всем членам той или иной части единого

организма. Такими лицами являются у нас все члены Управлений. Становясь по своим выборным полномочиям естественными практическими исполнителями Соборных велений, однако эти лица ни в каком случае не должны вносить в общецерковную работу что-либо специфически субъективное: их воля и мысль должны, как ни у какого другого члена, регулироваться Соборами и пресекаться усилиями всех. Иначе от бывшего главы, давшего неправильный толчок всем прочим членам, произойдет расстройство во всем организме, что так живо подтверждают нам все староцерковнические вожди, начиная от бывшего патриарха Тихона и кончая митрополитом Сергием. Десять лет миновало, как бывший патриарх Тихон столкнул церковь с ее природных рельс, а с нею миллионы верующих, но еще до сих пор незаметно, чтобы его преемники вполне осознали и возвратились на забытый церковный путь. Какая же требуется осторожность в действиях от ответственных работников на ниве Божией. Только при строгом соблюдении означенных условий ответственными деятелями и возможна единая живая организационная работа в исполнительных органах. Однако эта работа не должна замыкаться в тесном кругу официальных учреждений – здесь она только формируется и шлифуется. Измеренная и взвешенная, проверенная и согласованная с принципами подлинного православия и соборным разумом, коллективная работа учреждений должна разливаться всюду широкой волной, начиная с уездных городов и сел и кончая глухой деревенькой. И не на бумаге только должна совершаться эта работа, а через живые силы, всецело захваченные и горящие идеей церковного обновления. Это не отвлеченная, а неотложная наша задача. На обязанности облеченных доверием лиц лежит долг не только самим гореть и светить, но подыскать и сплотить в мощную духовную армию все живые церковные силы, приобщить их к своей церковно-обновительной деятельности и зарядить их энергией, а чрез них окружающую и дремлющую среду. Естественно, что такими живыми силами должны быть все наши пастыри, которые часто не проявляют соответствующей деятельности только потому, что не захвачены работой и не охвачены организацией;

затем следуют приходские советы, которые, к сожалению, за немногими счастливыми исключениями, стоят далеко не на своем месте, а между тем, по идее, они должны быть лучшими людьми общины, ближайшими сотрудниками своих пастырей и деятельными осведомителями общин о церковной жизни. На советы поэтому должно быть обращено самое серьезное внимание; их следовало бы избирать при особо торжественной обстановке: в городах – в присутствии правящего епископа или лица, от него уполномоченного, а в селах – благочинного, причем избранных в совет следует точно информировать об их правах и обязанностях, а чтобы они не уклонялись от обязательных для них норм, необходимо дать им письменный наказ, утвержденный общим собранием и собственноручно скрепленный избирателями и избранными.

Исходным началом прав и обязанностей для сознательных обновленческих советов должен быть приходской устав Собора 1925 года. Осуществить все это – задача, конечно, нелегкая, но от выполнения ее всецело зависит успех нашего дела. Мы сейчас стоим как бы на мертвой точке, стабилизировались. Удовлетвориться таким положением дела невозможно, так как условия для нашей работы благоприятствуют нам как никогда: староцерковничество в настоящий момент своего еще небывалого распада повелительно само заставляет нас двигаться вперед и расширяться. А для этого нам необходимо прежде всего выявить свой подлинный обновленческий облик, искаженный для масс нашими идеологическими противниками, с одной стороны, а с другой – нередко затемняемый и самими обновленцами, усиливающимися представить обновленческое движение неопределенными чертами, а иногда даже отождествляющими его с староцерковничеством. В нашей работе должно быть все ясно, четко и точно; в ней недопустима ни сбивчивость, ни неопределенность. Всякому вопрошающему о нашем уповании мы обязаны давать твердый и согласованный ответ, а этого пока еще, к сожалению, нет. По крайней мере, в прошлом бывали такие случаи, когда наши деятели на одной и той же беседе, по одному и тому же предмету, говорили разное. Так, в одном из губернских городов, после часовой речи Члена Свя-

щенного Синода на тему «О сущности и смысле обновления» выступил наш местный епископ и заявил, что между обновленцами и староцерковниками нет разницы. В ответ на такое заявление епископа поднялся шум и выкрики: так зачем же отделились от нас и почему называетесь обновленцами.

Нужно ли удивляться, что успех обновленчества в этой епархии при таком архиерее не продвинулся ни на один шаг. Здесь все по-старому; об обновленчестве и обновленцах наши противники имеют самое превратное представление. В действительности же обновленческое движение ни в чем не совпадает с идеологией староцерковничества, даже не исключая и таких пунктов, где наблюдается, по-видимому, полная тождественность. Ветхозаветное учение было органически связано с новозаветным: последнее в первом скрывалось, во втором – раскрывалось. Однако ревнители буквы и закона остались глухи к Новому завету – духа и силы – и совершенно извратили самые ветхозаветные основы. Из буквы и закона они усвоили внешнюю их проявляемость и во внешних подвигах полагали все свое благочестие. Наше современное староцерковничество превратило новозаветное учение тоже в букву и закон: оно является хранителем действительного⁶³ православия и не заботится об его действенности. Староцерковничество все содержит на словах, но почти ничем не живет на деле. Все у них пронизано буквой, а дух едва теплится. Недаром они так любят говорить о канонах, в которых кроме догматико-моральных истин несомненно нужен евангельский дух. Основоположник Нового Завета Христос дал непререкаемо ясные принципы для взаимоотношений между своими последователями. Все эти принципы пронизаны возвышенной моралью взаимного самоотверженного служения и смирения и особенно для больших. Во что же староцерковнические главки превратили эти принципы на деле, несмотря на сугубо монашеское смирение на бумаге? Апостол Павел, практический организатор церковной жизни, указал как на идеал организации для ее членов – строиться по принципу свободы (от буквы и закона) в любовно-братском единении больших и малых между собою. Есть ли что-либо подобное у староцерковников? Царство Мое не от

мира сего, – говорил Христос, староцерковнические вожди превратили это Царство и по внешней и по внутренней структуре в мир сей. Служение всем и смирение перед всеми они заменили властью и правом над всеми, а богатству духа противопоставили богатство внешних форм. Консервируя все церковное творчество далекого прошлого до буквенного воспроизведения на практике, если оно выгодно, а если оно не выгодно, отбрасывая и извращая его, староцерковничество не признает творчества как права церкви для нашего времени и тем самым как бы возвело в закон атрофию духовных дарований. Вот основные, хотя и далеко не исчерпанные черты староцерковнического облика, так непохожего на наше обновленческое движение: этот облик и может быть восполнен нашими деятелями на местах материалами Соборов [19]23 и [19]25 гг., пленумов и внутривластной борьбы самого староцерковничества. И там, где наши деятели выявляют свой подлинный обновленческий лик, определенно и точно формулируя свою идеологию, там, где строится организация церковной жизни по принципам евангельским, заметны и значительные успехи. Из имеющегося в нашем распоряжении хотя и довольно скудного информационного материала с мест все же видно, что на местах все более и более сознается необходимость организационной и плановой работы в церковном строительстве. Помимо целого ряда съездов – епархиальных, викариальных и благочиннических – во многих епархиях епископы, являясь душой церковного строительства в своем кафедральном городе, в то же время усердно посещают самые отдаленные уголки епархий. Среди материальных лишений, а подчас и оскорблений, они своей стойкостью, мужеством и терпением не только поддерживают падающих духом пастырей, зажатых широко сомкнутым кольцом староцерковников, но невольно располагают к себе и последних. За епископом, а иногда и совместно с ним, выезжают в опасные для обновленчества места и его деятельные сотрудники – члены Управлений, Благовестники и Миссионеры. В этом отношении заслуживают внимания труды Северо-Кавказского митрополита ПЕТРА⁶⁴, его викарного архиепископа Сальского СЕРГИЯ⁶⁵ и Митрополитанского Благове-

стника протоиерея КИРЕЕВА, архиепископа Таганрогского АЛЕКСАНДРА⁶⁶ и протоиереев ГРАНОВСКОГО и ЖЕЖЕЛЕНКО, архиепископа Вятского ВАСИЛИЯ⁶⁷ и епископа Уржумского ИННОКЕНТИЯ⁶⁸, викария той же епархии, архиепископа Ульяновского ИОАННА⁶⁹ и протоиерея г. Сызрани той же епархии о. РАСТОРГУЕВА⁷⁰.

Мы не говорим о других – таких тружеников у нас много, но назвали только их по поступившим от епархий материалам. Но особенного внимания по своей плановности заслуживают организационные работы в епархиях – Ленинградской, Вологодской, Томской и Иркутской.

Обновленческие работники Ленинграда приступили к организации наличных обновленческих мирянских сил, ими созываются районные собрания по благочиниям, создаются надлежащие кадры уполномоченных 20-к, проверяется состав 20-к для создания действительного обновленческого ядра. Наряду с этим совершаются показательные богослужения на русском языке, после коих обсуждается перевод молитв и песнопений на русский язык в братском собрании духовенства, а таким образом подготавливается выработка коллективным разумом типа перевода литургии на русский язык. В ближайшем будущем в областном масштабе намечается съезд всех активных работников. Духовенство здесь настолько уже организовано в общей работе, что эта организация переходит и во взаимную материальную помощь. Из среды духовенства выделены лучшие проповедники для районов города. Все эти мероприятия ставят и староцерковников в более нормальные отношения к обновленцам: всюду заметно, по годичным отчетам приходов, улучшение нашего дела (заключающий доклад Л[енинградского] Е[пархиального] У[правления] от 23 февраля с.г. за № 387).

В Вологде организационная работа охватывает и благочиннические округа. В каждом благочинии выделены наиболее активные работники из духовенства и даже мирян, имеются окружные миссионеры и один уездный. Всему духовенству даны подробные руководственные указания [относительно] ведения пастырской работы, вводится в богослужение русский язык, общая исповедь, служатся в сельских часовнях всенощ-

ные и литургия с исповедью и причащением присутствующих, ведутся по разным церковным вопросам беседы и в храмах, и в деревнях прихода (рапорт от 24 февраля [19]28 г. за № 282).

В Томске практикуется среди духовенства еженедельное собрание для обмена мыслями по церковным вопросам, доклады раза 2–3 в месяц на тему церковной борьбы; по храмам – воскресное чтение после акафистов, по селам – во многих пунктах служатся акафисты и произносятся проповеди, а в одном из районов епархии благочинный делает информационные доклады в храмах и частных домах. Миряне, по преимуществу женщины, вовлекаются в миссионерские кружки, члены благочиннических советов участвуют в информационных докладах, а в селам, по собственному почину, миряне-ревнители пропагандируют идеи обновления.

В Иркутске соборная община организована так, что является образцовой для всей епархии. Возглавляемая архиепископом Илией⁷¹, она охватывает все стороны церковной жизни: организационную, просветительную, благотворительную и хозяйственно-экономическую. В сфере организационной прилагаются все усилия к вовлечению в общину новых членов, причем ставится цель взаимно близкого их ознакомления между собой и тесной моральной идейной связи, чтобы при храме были не холодные и равнодушные друг к другу прихожане или посетители, безразличные к его судьбам, а тесно связанные союзом христианской любви общинники – братья и сестры во Христе. Всякие недоразумения, раздорничество, разлагательские тенденции, политика личных симпатий и антипатий решительно пресекаются здоровым общественным мнением самой общины. Жизненным центром общины является сестричество, на котором лежит забота и инициатива по просвещению, организации общественного пения, благотворительности, распространению идей обновления и привитие к общине стремления к христианской дисциплинированной самодеятельности. В сфере просветительной обращено внимание на всестороннее религиозное нравственное развитие общинников. Для этой цели ведутся беседы при соборном храме по воскресениям, вторникам и четвергам. Они охватывают не только течения современной цер-

ковной жизни с выяснением их идеологии, но касаются вопросов защиты православия, каноники, основ религиозной философии, психологии и этики. Все эти беседы преследуют одну общую цель – подготовить кадры слушателей, которые бы могли специально усвоить обновленческую идеологию и явились бы сознательными работниками народной миссии. В сфере хозяйственной – поставлена цель всемерного благоустройства собора, как главного показательного пункта для всей епархии. Практически эта цель осуществляется – самообложением общины и приглашением к добровольным пожертвованиям всех приходских общин епархии. И, наконец, в сфере благотворительной не только ставится цель, но и осуществляется усиленный отклик на нужды трудящихся и обремененных, бедных, несчастных и больных. Следует заметить, что идея благотворительности развита в Ленинграде, Таганроге, Владивостоке и др. И помимо своей общей значимости несомненно является сильнейшим средством к привлечению внимания масс к обновленческому церковному течению.

Заканчивая обзор церковной деятельности по епархиям, Информационно-Организационный Отдел сознает, что не дал нужной, полной и общей картины обновительного движения, но это не его вина. Скучно откликаются места на его призыв о присылке материала: есть целые области, не говоря о епархиях, которые, по-видимому, не считают нужным информировать Отдел об их работе. Отдел благодарит исправных тружеников и приглашает забывших его исполнять свой долг для общей пользы. И еще одно замечание по поводу некоторых ответов на вопросы Отдела: правдивость оценки Отделом деятельности и деятелей на местах всецело зависит от их информации; дидактический тон бюллетеней обуславливается самой их сущностью, выводы из фактов также неизбежны, иначе это будут не бюллетени, а сухие протоколы; в бюллетенях до сих пор не помещаются сведения о сектантстве, старообрядцах и не дается юридических указаний на разные случаи, но эти требования должны быть обращены к отделам – Миссионерскому и Юридическому. Нам следует всецело обратить свое внимание на нашу работу: внутреннюю организованность деятелей и дея-

сании настоящего бюллетеня имелись сведения лишь из 13 епархий. Не воображая, а реально изображая факты, по необходимости приходится давать местам части вместо целого. Однако и по этим частям можно судить о качестве, характере и жизненности в направлении как церковно-обновленческого строительства на местах, так и о настроении деятелей. Во всех сообщениях чувствуется глубокое сознание идейной правоты обновительного дела и движение живого духа в церковном строительстве. Всюду устремление вперед, нигде нет застоя. Разнообразятся методы и формы в работах, намечаются общие принципы к внутренней жизненной спайке.

Особенно бодрый, правильный, мощно звучащий тон по-прежнему дается деятелями Ленинграда. Жизнь здесь кипит и углубляется в организационно-плановую работу. Спаянные строгой дисциплиной, сознанием высокого долга и побуждаемые распрями староцерковнических вождей, наши деятели коллективным трудом дают точные руководящие указания как в оценке сергиевщины и ее новых ответвлений, так и в отношении к правящим органам – клира и церковных советов-двадцаток. Для последних изданы правила об их правах и обязанностях – об отношении к настоятелю, причту, хозяйству, финансовым нуждам церковных организаций, взаимопомощи приходам и реформизму. Много во всех этих материалах весьма ценного, но поскольку они подлежат еще санкции Епархиального съезда, а в настоящее время отшлифовываются активными деятелями всей Северо-Западной Митрополитанской области, приходится временно воздержаться от выписок из них. Можно надеяться, что проработанные всей областью проекты в будущем послужат образцом для всех епархий, так как в основу их положены правильные принципы. Так, в отношении к правящим органам ставится целью «изжить старый взгляд на них как на начальство и приучить видеть в них выразителей творческой соборной мысли, одинаково предохраняющей церковь как от заскоков вперед, так и застоя в традициях». Настоятелю отдается первенствующая роль в приходском строительстве, но в непрерывном постоянном контакте и совете с членами двадцаток и клиром. Для большей связи между общи-

нами полагается в основу материальная и моральная взаимопомощь. В реформизме вменяется в обязанность мирянам, руководимым пастырем-настоятелем, на все проявления индивидуального творчества, особенно в области богослужения, испрашивать благословения официального органа. При такой обширной творческой работе Ленинградского центра его деятели не оставляют без внимания и объединяемые им епархии. Для согласованной работы в епархиях они распределили между собой заведывание ими и, кроме письменных сношений, выезжают в епархии лично. Естественно, что живой идеологический центр приводит в движение и его части.

Новый Архипастырь Новгородской епархии архиепископ Павел (Раевский), непосредственно связанный службой с Ленинградским Митрополитанским Управлением, также широко ставит епархиальную организационную работу. Руководимым им Е[пархиальным] У[правлением] даны указания по епархиям – 1) о создании мощных коллективов при Синодских храмах, 2) по организации в общинах ревнителей благоустройства храмов и кладбищ, защите обновленчества, христианской благотворительности и т.д. Повсюду в епархии намечена миссионерско-просветительная работа, обращено внимание и на борьбу с сектантством. В целях объединения членов коллективов и укрепления связи между ними и духовенством и для вовлечения мирян в работу по церковному строительству устраиваются общие собрания и организуются торжественные богослужения. В самом Новгороде по воскресным дням ведутся информационно-организационные беседы, чередуясь с беседами апологетического и церковно-исторического характера.

Самоотверженно трудится в Пскове арх[иепископ] ВАСИЛИЙ⁷³. В новом году он выпустил 6 номеров бюллетеней с подробным описанием не только местной жизни церковной, но и иноепархиальной, и весьма полезную листовку на тему «Местоблюститель пред соборной правдой». С 22 по 24 февраля им проведен уездный съезд в Холмско-Горопецком районе, привлечший деловитостью докладов (современное положение церковной действительности, соборность, как единственно правильный путь церковного строительства, о задачах совре-

менного пастырства) массу верующих. Авторитет архиеп[ископа] Василия стоит высоко в г. Пскове. Благовестнические труды его оцениваются даже противниками. В прощальное воскресение в переполненном Соборе было немало староцерковников, некоторые из них открыто просили у архипастыря прощения за клеветы на него по наговорам других.

Заслуживают внимания труды Череповецкого Еп[архиального] Управления. Архиепископ Николай (Платонов)⁷⁴ Лужский, дважды посетивший в феврале-месяце епархию, окрылил своею энергией местных деятелей. В результате там обращено серьезное внимание на просветительно-организационную работу среди народа, в частности: на осознанность верующими своей веры, на их активное участие в церковном строительстве в согласии с пастырями, на частое Евхаристическое единение и нравственное обновление и возвышение жизни пастырей и мирян. Новый Архипастырь, арх[иепископ] Александр⁷⁵, прибывший на кафедру из Ленинграда 3 марта, в своем приветственном слове также всех призвал к честной, смелой, настойчивой обновительной работе по прояснению народноцерковного сознания. Арх[иепископ] АЛЕКСАНДР прежде был здесь законоучитель гимназии. Бывшие ученики очень приветливо приняли почтенного старца. С нового года и здесь выпускаются бюллетени, очень содержательные по своим руководящим указаниям для епархии.

Более отсталые по успехам епархии в Сев[еро]-Западном округе – это Усть-Сысольская и Архангельская, однако можно надеяться, что и здесь заминка в работах произошла по причинам случайным: в первой продолжительное время отсутствовал епископ, а во второй наоборот – происходила частая смена их.

В бодрящих тонах и красках дается сводка о церковной деятельности Сибирским областным Митрополитанским Церковным Управлением. По всей Сибири с большим успехом прошли епархиальные съезды. Соборность здесь пустила глубокие корни: все епископы избраны на епархиальных съездах, вследствие чего многие из епископов органически срослись с духовенством и народом. В более устойчивых приходах предоставляется право выбора и священнослужителей. Интенсивна и

просветительно-миссионерская работа. Помимо живой и неустанной проповеди читаются доклады и лекции, ведутся беседы и диспуты, привлекающие массу народа и староцерковников. Просветительная работа в некоторых местах превращается в новую обновленческую школу для религиозного образования (Иркутск, Томск и др.). Для этой же цели широко распространяются журналы, брошюры и листовки. В наиболее зараженных сектантством местах организуются пастырско-миссионерские курсы, которыми руководит окружной миссионер. Словом, обновленчество здесь монолитно и дружно. У всех деятелей добрая настроенность и надежда на рост обновленчества. Зато лик тихоновщины здесь многообразен. Вот ее главные толки: сергиевщина, григорьевщина, автокефалисты, анархисты, нераскаянные (признающие только б[ывшего] п[атриарха] Тихона) и блуждающие. Очевидно, говорит автор сводки, кочующие цыгане становятся образцом для тихоновщины. По статистическим данным сибирские храмы распределились по разным группировкам в таких цифрах: синодальных 669, тихоновских 1000, григорьевских 200, автокефальных 40–60, анархистских 280. В полном согласии со сводкой СОМЦУ даются сведения и из епархий Сибири: Верхне-Удинской и Бийской. К Верхне-Удинскому старцу арх[иепископу] Гавриилу⁷⁶ ходят Никодимы⁷⁷ от староцерковников с плачем о своем тяжелом положении и возмущаются произволом действий своих духовных вождей, а многие из мирян начинают прозревать и здраво судить об обновленцах.

В г. Бийске в целях борьбы с тихоновщиной всюду устраиваются чтения и доклады с широким выявлением распада тихоновщины и детальным ознакомлением населения со всеми мероприятиями Св[ященного] Синода и Митроп[олитанского] Управления. В целях просвещения паствы введено чтение и толкование Слова Божия, сопровождается оно пением молитв и канонов. Строго наблюдает Бийская обновленческая семья за дисциплиной как пастырей Церкви, так и ответственных обновленческих работников. Все грубо нарушающие требования дисциплины после неуспешного братского увещания снимаются с работы. Так был отстранен с должности благочинного

прот[оиерей] А. Красин, а потом и совсем с пастырской работы в епархии. В жизнь приходов проводятся здесь начала братской солидарности, в то время как в тихоновских приходах вся церковная жизнь строится пастырями с подручными монахами и монашками. В видах ознакомления тихоновщины с обновленческой идеологией в епархии ведется строго организованная работа по распространению в староцерковнической среде современной обновленческой литературы и не безуспешно: в Е[пархиальное] У[правление] стали заходить тихоновские иереи за справками адреса Св[ященного] Синода и Синодального «Вестника». Е[пархиальным] У[правлением] намечаются по окончании посевных работ краткосрочные просветительно-обновленческие курсы для клира и мирян.

Обращено Е[пархиальным] У[правлением] серьезное внимание на борьбу с неверием и сектантством, причем для большей успешности в этой борьбе по селам, зараженным неверием и сектантством, организованы чтения, беседы и доклады апологетического и противосектантского характера.

Деловитая организационно-просветительная работа идет и по всей Кавказской области. Стойка по-прежнему Кубань. Зорко следят здесь многочисленные благовестники за деятельностью своих противников. Малейшее идеологическое колебание верующих взыскивает с их стороны быстрые, энергичные и умелые мероприятия. Немало помогают успеху кубанцев и сами староцерковники своими странными и фанатичными действиями. Ревнуя, по-своему, по вере, Краснодарский староцерковнический епископ Феофил⁷⁸ накануне Богоявления распорядился прокипятить воду, приготовленную для водоосвящения. Верующие, простецы сердцем, почувствовали все неверие и кощунство своего архипастыря: с плачем и возмущением они оставили свои храмы и пошли в синодальные за освященной водой. Так Богоявление своеобразно настроило на обновление блюстителя строгого православия епископа Феофила. Не менее оригинально – там же, в станице Новопокровской, верные чада епископа в тот же праздник освятили иконы, участвовавшие в общем крестном ходу с обновленцами: сначала их покропила грязной перчаткой монашка, а потом, до наведения освяще-

ния икон, они были свалены в кучу на полу храма. Таковы просветительные труды староцерковников на Кубани. И так приятно становится на душе, когда читаешь сообщения о неутомимых трудах по просвещению наших деятелей, об их борьбе за истинное православие. Вот, напр[имер], в том же округе, в Сальском викариатстве, созываются и съезжаются все наши пастыри, избирают опытных особых благовестников по одному на три прихода. А миссионер области, протоиерей С. Киреев, снабжает всех участников съезда руководственными текстами Св[ященного] Писания для борьбы с сектантством.

Тот же резкий контраст в приемах по просвещению и вообще церковному строительству между нашими и староцерковническими деятелями наблюдается и в Уральской области, особенно в епархиях Нижнетагильской, Тюменской, Кунгурской и Челябинской. Охватывая душепопечением своих пасомых, наши пастыри в то же время нередко посещают отдаленные уголки своих обширных епархий, не окормляя священством; они умело и ревностно ограждают православие от натиска сектантов и старообрядцев. Староцерковники же, где выгодно для них, заключают с последними союз для защиты своего православия (Н[ижний] Тагил). Потому-то, вероятно, переходящие к нам от староцерковников, зная по опыту сущность их православия, становятся сразу ревностными апологетами обновленчества (Кунгур).

Такое странное содружество староцерковников с неправославными в отстаивании своего православия в СССР все же отстает от фанатизма их заграничных братьев. Там при более тесной спайке с инославными (католичеством, протестантством, англиканством и т.п.) староцерковники, борясь с обновленцами, все еще играют в политику. Вот что сообщает об этом нам Северо-Американский митрополит Иоанн⁷⁹. Православными здесь считаются только те, кто за восстановление монархии в СССР, и так как на царский трон там имеются два претендента – Николай и Кирилл, то, смотря по симпатиям к тому или другому, ставится и проба на православие. У каждой стороны есть даже свой самостоятельный епископ. Николаевцев возглавляет митрополит Платон⁸⁰, кирилловцев – архиепископ

Аполлинарий⁸¹. Если наши староцерковники меркой православия считают того или иного заместителя Патриаршего местоблюстителя, то там, как следует из самодержавной конституции, такой меркой является князь. Раз князь блюститель православия, то и методы борьбы здесь чисто политические, правда, они не оригинальны: переплетаются знакомые нам мотивы, только недавно оставленные у нас ставшими политически лояльными староцерковниками, но все же как-то странны эти мотивы, когда они повторяются в Америке. С целью отвлечения верующих от обновленческих храмов, особенно от Собора в Нью-Йорке, православно верующие эмигранты кричат подобно нашим «московским бабушкам»: «Не ходите к обновленцам: у них вместо кадила курение папирос, вместо хоругвей – красное знамя с серпом и молотом, вместо образа Спасителя – Ленин» и т.п. И простодушные, оказывается, они есть и в Америке, по словам митрополита Иоанна, верят бабьим сказкам. Однако все подобные выпады многочисленных титулованных и сиятельных вельмож церковного и гражданского ведомств, взысканных милостями умершего политико-общественного строя, нисколько не смущают митрополита Иоанна. Осторожно и в то же время умело и энергично он охраняет и защищает интересы православия вверенной ему Сев[еро]-Американск[ой] Православной Церковной Миссии. Ему удалось достигнуть крупных успехов в борьбе а противниками: Нью-Йоркским судом утверждены за митрополитом Иоанном купчие на все миссийские Церкви. Но все же до полной победы над противником еще далеко: он гибок и изобретателен. Много также мудрости и терпения требуется от нашего духовного главы. Пять лет он бьется, окруженный недоброжелателями, и если никакие их козни до сих пор не сокрушили его духа, то можно надеяться, что при достигнутых им определенных успехах за это время, окончательная победа останется за ним.

Отмечая положительные стороны и успехи в работе по епархиям, воздавая должное трудоспособности, настойчивой энергии, выносливости и самоотвержению наших деятелей, мы не хотим этим сказать, что у нас везде и во всем благополучно. Нет, в некоторых епархиях, особенно центральных, зажим об-

новленчества настолько еще крепок, что для преодоления его требуются невероятные усилия и длительное время. Но мы твердо уверены, что при стойкости на местах наших обновленческих деятелей, при развитии плановой и методичной работы, при братской солидарности и при саморасползающейся тихоновщине, успех за нами обеспечен.

Председатель Св[ященного] Синода

Митрополит *Вениамин*

Зав[едующий]

Информац[ионно][–]Организац[ионным] Отделом

Протопресвитер *П. Красотин*

Секретарь – Член Св[ященного] Синода

Профессор *С. Зарин*

№ 1265*

М.П.

ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 388–389 об. Машинописный подлинник. Подписи – автографы.

---

¹ Имеется в виду *Вениамин (Василий Антонович Муратовский)* (1856–1930) – архиерей Российской Православной Церкви, деятель обновленчества. Родился в Казанской губернии. Окончил Казанскую духовную академию (1896). В том же году пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1897 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. Архиепископ (1915). Занимал ряд архиерейских кафедр. В 1922 г. присоединился к обновленчеству. После выхода на свободу Патриарха Тихона (1923) принес покаяние, однако вскоре вновь уклонился в раскол. С 1923 г. обновленческий «митрополит». С 1925 г. до своей кончины – председатель обновленческого Священного синода.

---

* Даты не указано, но документ находится среди материалов к протоколу заседаний МЕУ от 03.05.28.

- ² *Сергей Михайлович Зарин* (1875–1936) – профессор, деятель обновленчества. Родился в Тамбовской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1899). В 1910–1918 гг. – экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания и Нового Завета. В 1922 г. уклонился в обновленчество. С 1924 г. профессор и проректор обновленческой Московской Богословской академии. Член Президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого Священного синода. Редактор «Вестника Священного Синода Православной Российской Церкви». Умер в Москве.
- ³ Имеется в виду *Александр Иванович Введенский* (1889–1946) – один из лидеров обновленческого движения, бывший протоиерей Российской Православной Церкви. Родился в г. Витебске. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1912). В 1914 г. экстерном сдал экзамены за полный курс Санкт-Петербургской духовной академии, был рукоположен во священника. В 1915–1923 гг. служил в петроградской церкви во имя святых Захарии и Елисаветы. После Февральской революции стал одним из основателей «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян». Приветствовал Октябрьскую революцию. 19 мая 1922 г. вошел в состав обновленческого ВЦУ. С августа 1923 г. постоянный член обновленческого Священного синода. С 1924 г. обновленческий «митрополит». «Настоятель» храма Христа Спасителя (до 1931). В 1932–1934 гг. возглавлял обновленческую Московскую богословскую академию. С 1936 г. «настоятель» храма Пимена Великого в Москве. С апреля 1940 г. «заместитель первоиерарха», с октября 1941 г. «первоиерарх Московский и всех Православных церквей в СССР». Умер в Москве вне общения с Православной Церковью.
- ⁴ Имеется в виду *Петр Сергеев* (1879 – после 1937) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Окончил Новгородскую духовную семинарию, историко-филологический факультет Юрьевского университета, педагогический факультет Воронежского университета. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. Возведен в сан «архиепископа» (1923), занимал ряд обновленческих епископских кафедр. В 1925 г. возведен в сан «митрополита». С 1927 г. – «митрополит» Ростовский и Казанский. С 1928 г. – «митрополит» Ростовский, управляющий Северо-Кавказской «митрополией». С 1934 г. – «митрополит» Азово-Черноморский. В 1937 г. уволен за штат, дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁵ См. примеч. № 1.

- ⁶ Имеется в виду *Николай Павлович Шумовский* (1862 – после 1937) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Окончил Киевскую духовную семинарию, юридический факультет Дерптского университета (1886), обновленческую Московскую богословскую академию (1926). С 1891 г. – священник. Уклонился в «обновленческий» раскол. В 1926 г. возведен в сан «епископа» Рязанского. С 1927 г. – «архиепископ». Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. В 1930 г. арестован, приговорен к 3-м годам ссылки. В 1935 г. исключен из списков обновленческого епископата, в 1937 г. восстановлен в рядах обновленческих иерархов в качестве заштатного архиерея. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁷ Имеется в виду *Серафим (Сергей Семенович Руженцев)* (1876–1935) – архиерей Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1900), Санкт-Петербургский Археологический институт. В 1901 г. рукоположен во священника. В 1915 г. принял монашеский постриг, архимандрит. В 1919 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. В октябре 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол, возведен в сан «архиепископа». «Митрополит» (1924). Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. С июня 1927 г. «митрополит» Ленинградский и всея Северо-Западной области. Скончался в Ленинграде.
- ⁸ Имеется в виду *Сергий (Сергей Иванович Танаевский)* (1874 – после 1935) – протоиерей Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Родился в г. Казани. Окончил Уфимскую духовную семинарию, Казанскую (?) духовную академию. Уклонился в «обновленческий» раскол. В марте 1927 г. назначен управляющим Новгородской епархией, в том же году возведен в сан «архиепископа». В 1936 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁹ Имеется в виду *Палладий (Петр Петрович Бельтюков)* (1872–1933) – священник Российской Православной Церкви. Окончил учительский институт в Нижнем Новгороде. С 1920 (1921?) г. – священник. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. В 1927 г. принял монашество и возведен в сан «архимандрита». С 1927 г. викарный «епископ» Новгородской епархии. С 1931 г. – «архиепископ». С 1932 г. на покое. Умер без покаяния.
- ¹⁰ СОМЦУ – Сибирское обновленческое митрополитанское церковное управление.
- ¹¹ Имеется в виду так называемая Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), учрежденная в октябре 1921 г. на псев-

дособоре сторонников автокефалии. Во главе новообразованной структуры встал запрещенный в священнослужении протоиерей Василий Липковский, «архиерейская хиротония» которого была совершена вопреки всем каноническим правилам Православной Церкви. К концу 1930-х годов духовенство УАПЦ в ходе борьбы с «украинским национализмом» было в большинстве своем репрессировано. Во время немецкой оккупации УАПЦ возобновила свою деятельность на территории Украины.

- ¹² Имеется в виду *Анатолий (Феодот Андреевич Соколов)* (1865–1942) – архиерей Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Родился в Могилевской губернии. Окончил Гомельскую духовную семинарию, рукоположен во священника (1887). В 1914 г., овдовев, принял монашеский постриг. Архимандрит (1915). В 1919 г. хиротонисан во епископа Енотаевского, викария Астраханской епархии. В июле 1922 г. уклонился в обновленчество. «Архиепископ» (1924). В 1927 г. стал обновленческим «митрополитом Крымским». С 1935 г. управлял Костромской епархией. Умер без покаяния.
- ¹³ Имеется в виду *Афанасий (Александр Антонович Малинин)* (1884–1939) – архиерей Российской Православной Церкви. Окончил Казанскую духовную академию (1908). В 1909 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха. Архимандрит (1913). В 1920 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. В 1923 г. назначен на Спасское викариатство Казанской епархии. Архиепископ (1929). Архиепископ Казанский и Свияжский (1930), Ташкентский (1933), Саратовский (1933–1935). Уволен на покой, арестован, скончался в ссылке.
- ¹⁴ *Павел Николаевич Красотин* (1879–1957) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий протопресвитер. Родился в Ярославской губернии. После окончания Ярославской духовной семинарии был рукоположен во священника. Окончил Московскую духовную академию (1919). В 1922 г. примкнул к обновленчеству. В августе 1923 г. вошел в состав обновленческого Священного Синода. Служил в Москве в Храме Христа Спасителя, после разрушения храма был переведен в Новосибирск, куда в 1936 г. переехала и его семья.
- ¹⁵ Имеется в виду *Сергий (Иван Николаевич Страгородский)* (1867–1944) – архиерей Российской Православной Церкви, Патриарх Московский и всея Руси. Родился в г. Арзамасе Нижегородской губернии в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1890). Магистр богословия (1895). В 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария

Санкт-Петербургской епархии. С 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1911 г. член Святейшего Синода. Архиепископ Владимирский и Шуйский (1917). Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., председатель отдела о церковном суде. Митрополит (1917). После революции неоднократно арестовывался, находился в тюремном заключении. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол, в 1923 г. принес покаяние. Митрополит Нижегородский (1924). С декабря 1925 г. – Заместитель Патриаршего Местоблестителя. Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский (1934). С 1937 г. – Патриарший Местоблеститель, с 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси.

В документе обновленческого Синода упомянута так называемая Декларация митрополита Сергия 1927 г., его послание от 16 (19) июля, с выражением безусловной лояльности Церкви советскому государству.

¹⁶ Очевидно, имеется в виду Временный Высший церковный совет (ВВЦС) – коллегиальный орган последователей григорианского раскола.

¹⁷ Имеется в виду *Виссарион (Василий Павлович Зорнин (Зорин))* (1878–1937) – видный деятель «григорианского» раскола, председатель Временного Высшего церковного совета. Родился в Пензенской губернии. Окончил Казанскую духовную академию (1902). В 1899 г. принял монашество, в 1901 г. рукоположен во иерея. Занимался преподавательской деятельностью, был ректором нескольких духовных семинарий. В 1923 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В конце 1925 г. уклонился в «григорианский» раскол, став одним из его активных деятелей. В июне 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским), в декабре того же года вернулся в раскол. В сане «архиепископа» возглавил григорианскую Ульяновскую епархию. В 1928 г. занял пост председателя ВВЦС, с 1929 г. «митрополит» Ярославский. В 1933 г. удален от управления епархией и председательства в ВВЦС. Арестован в 1937 г. Расстрелян на Бутовском полигоне.

¹⁸ Имеется в виду *Дмитрий (Дмитрий Никанорович Беликов)* (1852–1932) – архиерей Российской Православной Церкви, деятель «григорианского» раскола. Родился в Симбирской губернии. Окончил Казанскую духовную академию (1878). Профессор богословия Томского университета (1889). Протоиерей (1895). В 1920 г. хиротонисан во епископа Омского, с возведением в сан архиепископа, с 1923 г. архиепископ Томский. В марте 1927 г. обя-

- вил Томскую епархию автокефальной. Был запрещен в служении, после чего примкнул к «григорианскому» расколу. Член ВВЦС (1928), в том же году провозглашен «митрополитом» Томским. Скончался вне общения с патриаршей Церковью.
- ¹⁹ Очевидно, имеется в виду *Василий (Вениамин Сергеевич Преображенский)* (1876–1945) – архiereй Российской Православной Церкви. Родился в г. Кинешме Костромской губернии. Окончил Киевскую духовную академию (1900). В 1920 г. рукоположен в иерея, принял монашеский постриг. В 1921 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1926 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии, в 1927 г. назначен епископом Ивановским, но не смог вступить в управление епархией. Неоднократно находился в ссылках и заключении, не принял Декларацию митрополита Сергия (Страгородского). Последний раз был арестован в 1943 г., умер в ссылке. Канонизирован Русской Православной Церковью (2000).
- ²⁰ Имеется в виду *Иринарх (Иринарх Дамианович Синеоков-Андреевский)* (1871–1933) – архiereй Российской Православной Церкви. Родился в г. Екатеринославе. Окончил Киевскую духовную академию (1897), в том же году рукоположен во священника. В 1917 г. хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. Епископ Великоустюжский и Усть-Вымский (1925–1927). Епископ Якутский и Вилюйский (1928–1930). Архиепископ Пермский и Соликамский (1930–1933). Арестован в декабре 1931 г. Умер в заключении.
- ²¹ Имеется в виду *Иоанникий (Иван Никанорович Сперанский)* (1885–1969) – архiereй Российской Православной Церкви. Родился в Новгородской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1911). В 1918 г. принял монашеский постриг. В 1923 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1923–1924 гг. временно управлял Новгородской епархией. В 1926–1927 гг. в заключении. В 1931 г. уволен на покой. В 1934–1939 гг. в заключении. В 1948 г. назначен на Красноярскую кафедру, викарием Новосибирской епархии. С 1956 г. жил на покое в Кицканском (Кишиневская епархия), а затем в Псково-Печерском монастырях.
- ²² Имеется в виду *Методий (Павел Петрович Сидоров-Абрамкин)* (1883–1939) – архiereй Российской Православной Церкви. Родился в г. Рязани. Окончил Киевскую духовную академию. Преподавал в духовных школах, после закрытия их большевиками в 1918 г. служил сельским священником. После смерти жены принял монашество (1921). В 1924 г. хиротонисан во епи-

- скопа Раненбургского, викария Тамбовской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. С 1933 г. – епископ Пятигорский. Архиепископ (1936). В 1937 г. арестован. Расстрелян.
- ²³ Имеется в виду *Глеб (Василий Никитич Покровский)* (1881–1937) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в Московской губернии. По окончании Калужской духовной семинарии рукоположен во священника (1904). Учился в Московской духовной академии (1917–1921). В 1923 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. Активно боролся с обновленчеством. В 1925 г. арестован, под давлением следствия подписал составленное в ГПУ обращение к верующим с признанием фактов нарушения советского законодательства (1925). Отбывал срок заключения в Соловецком лагере (1926–1928). Епископ Соликамский, викарий Пермской епархии (1932). Епископ Пермский (1933). Архиепископ (1934). В 1936 г. приговорен к 10 годам ИТЛ, в 1937 г. предъявлено новое обвинение. Расстрелян.
- ²⁴ Имеется в виду *Борис (Петр Алексеевич Соколов)* (1865–1928) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в Калужской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1893 г. священник, в 1907 г. пострижен в монашество. Архимандрит (1914). В 1919 г. хиротонисан во епископа Юрьевского, викария Владимирской епархии. В 1923 г. был назначен на Рязанскую и Зарайскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Активный борец с обновленчеством в Рязанской епархии. Неоднократно арестовывался, находился в заключении и ссылках. Скончался в подмосковном поселке Перловка после тяжелой болезни.
- ²⁵ Имеется в виду *Киприан (Константин Станиславович Комаровский)* (1876–1937) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в г. Самарканде. Окончил Казанскую духовную академию (1899), где на последнем курсе принял монашество. Архимандрит (1906). В 1911 г. хиротонисан во епископа Семипалатинского, викария Омской епархии. Уклонялся в «обновленческий раскол», в 1923 г. принес покаяние. Епископ Владивостокский и Приморский (1925). Архиепископ (1927). Неоднократно арестовывался, находился в ссылках и заключении. После 1927 г. занимал ряд епископских кафедр. С 1934 г. архиепископ Вятский и Слободской. Вновь арестован в 1937 г., расстрелян.
- ²⁶ Имеется в виду *Храповицкий Алексей Павлович Антоний)* (1863–1936) – архиерей Российской Православной Церкви, митрополит. Родился в Новгородской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1885). Ректор Московской

- духовной академии (1891), Казанской духовной академии (1894). В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. Член Государственного совета (1906–1907). Член Святейшего Синода (1912–1916). Архиепископ Харьковский и Ахтырский (1914). Зам. председателя Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., один из трех кандидатов на патриаршество. Митрополит Киевский и Галицкий (1918). Почетный председатель Высшего временного церковного управления Юго-Востока России (1919). С 1920 г. в эмиграции. Возглавил Высшее церковное управление за границей. Председатель Всеамериканского Карловацкого церковного собора (1921). Умер в г. Сремски-Карловци, Югославия.
- ²⁷ Имеется в виду *Николай Евгеньевич Марков (Марков 2-й)* (1866–1945) – политический деятель, публицист. Окончил институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге (1888). Один из лидеров «Союза русского народа» (1909–1917). Депутат III и IV Государственной думы. С 1920 г. в эмиграции.
- ²⁸ *Павел Николаевич Милюков* (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист. Окончил Московский университет (1882). Один из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). С 1907 г. председатель ее ЦК. Депутат III и IV Государственной думы. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства (март–май 1917). С 1918 г. в эмиграции.
- ²⁹ Имеется в виду *Евлогий (Василий Семенович Георгиевский)* (1868–1946) – архиерей Русской Православной Церкви, митрополит. Родился в Тульской губернии. Окончил Московскую духовную академию (1892). В 1895 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. Архиепископ (1912). Член II и III Государственной думы. Архиепископ Волынский и Житомирский (1914). С 1920 г. в эмиграции. С 1921 г. управляющий русскими приходами в Западной Европе. Митрополит (1922). Инициатор создания и ректор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1925–1946). В 1926 г. окончательно порывает с Архиерейским Синодом РПЦЗ («карловчане»), до 1930 г. остается в юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского). В 1931 г. переходит в юрисдикцию Константинопольской патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской патриархией.
- ³⁰ Имеется в виду *Владимир Николаевич Коковцов* (1853–1943) – русский государственный деятель. Министр финансов

- (1904–1905; 1906–1914). Председатель Совета министров Российской империи (1911–1914). С 1918 г. в эмиграции во Франции. Как и большая часть парижской эмиграции, поддерживал митрополита Евлогия (Георгиевского).
- ³¹ Имеется в виду *Иоанн (Иван Андреевич Поммер)* (1876–1934) – архиерей Русской Православной Церкви, предстоятель Латвийской православной церкви. Родился в Лифляндской губернии. Окончил Киевскую духовную академию (1904). В 1903 г. принял монашество. Иеромонах (1904). В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. С 1920 г. на кафедре архиепископа Рижского и всея Латвии. Активно защищал интересы Русской Православной Церкви в Латвии. Был убит на своей пригородной даче. Канонизирован РПЦ (2001).
- ³² *Николай Федорович Платонов* (1889–1942) – бывший протоиерей Российской Православной Церкви, деятель обновленчества. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1914). С 1915 г. служил священником в Андреевском соборе. В 1923 г. примкнул к обновленчеству. С 1926 г. обновленческий «архиепископ» Гдовский, член Священного синода. В 1925–1934 гг. профессор обновленческого Ленинградского Богословского института. С 1934 г. – «митрополит» Ленинградский. В 1938 г. снял сан и отрекся от веры. Умер в блокадном Ленинграде.
- ³³ *Александр Павлович Эндека* (1874 – после 1932) – священник Российской Православной Церкви, деятель обновленчества. Окончил Таврическую духовную семинарию. С 1903 г. – священник. В 1922 г. примкнул к обновленчеству. В 1930 г. был арестован в Москве вместе с членами своей общины, выслан в Казахстан на три года. Жил в г. Петропавловске. В 1933 г. вновь арестован, дело прекращено. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ³⁴ *Павел Васильевич Раевский* (1877–1940) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1902). В том же году рукоположен во священника. В 1922–1923 гг. примкнул к обновленчеству. С 1923 г. член Ленинградского епархиального управления. С 1927 г. – обновленческий «епископ» Кронштадтский. Ректор Ленинградского богословского института (1925–1927). В конце 1927 г. возведен в сан «архиепископа», занимал несколько обновленческих кафедр. «Митрополит» Ярославский (1936). В 1938 г. уволен за штат, скончался в 1940 г.
- ³⁵ Примеч. № 3.

- ³⁶ Имеется в виду *Петр Федорович Блинов* (1893–1938) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Родился в Томской губернии. До 1915 г. служил диаконом в Томске. В 1916 г. рукоположен во иерея, назначен полковым священником. В мае 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. Организатор «Сибирской Живой церкви» и «Сибирского церковного управления». Присвоил себе титул «митрополит Томский и Сибирский», а вскоре «митрополит всея Сибири» (1922). Избран «деловым председателем» всероссийского обновленческого собора 1923 г. Был постоянным членом обновленческого Священного синода. Присутствовал на всероссийском обновленческом соборе 1925 г. В 1935–1938 гг. носил титул «митрополит Минский». Арестован весной 1938 г. Расстрелян.
- ³⁷ Имеется в виду *Василий Ильич Некрасов* (1868 – после 1935) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Окончил Московскую духовную академию (1903). Был рукоположен во священника и служил в Твери. В 1922–1923 гг. примкнул к обновленцам. С 1926 г. обновленческий «епископ», затем «архиепископ» Челябинский. «Архиепископ» Вятский и Слободской (1927). «Митрополит» Новгородский и Старорусский (1929), «митрополит» Челябинский (1931). Арестован в мае 1935 г., приговорен к 10 годам ИТЛ. В марте 1936 г. отправлен из Златоустовской тюрьмы этапом в Ухтпечлаг НКВД. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ³⁸ См. примеч. № 3.
- ³⁹ *Сергий (Стефан Иванович Зинкевич)* (1885–1938) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в г. Сестрорецке, Санкт-Петербургской губернии. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1912). В 1921 г. рукоположен во священника. В 1926 г. пострижен в монашество. В 1927 г. хиротонисан во епископа Детскосельского, викария Ленинградской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. В 1934 г. арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1937 г. в заключении предьявлено новое обвинение. Расстрелян.
- ⁴⁰ *Дмитрий (Дмитрий Гаврилович Любимов)* (1857–1935) – архиерей Российской Православной Церкви, один из активных деятелей «иосифлянского» движения. Родился в Санкт-Петербургской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1882). Рукоположен во священника (1886). В 1922 г. арестован, три года находился в ссылке, после чего вернулся в Ленинград. В 1926 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии. Находился в оппозиции митрополиту

Сергию (Страгородскому), став ближайшим сподвижником митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), после ареста которого в 1928 г. фактически возглавил «иосифлянское» движение. Принадлежал к радикальному крылу иосифлян. В 1929 г. арестован, приговорен к 10 годам тюремного заключения. К 1931 г. приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет тюремного заключения. Умер в тюрьме.

⁴¹ *Сергий (Иван Прохорович Дружинин)* (1863–1937) – архиеп-рей Русской Православной Церкви, один из лидеров «иосифлян-ского» движения. Родился в Тверской губернии. Получил домаш-нее образование. В 1894 г. пострижен в монашество. Архимандрит (1915). В 1924 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Ле-нинградской епархии. Выступил против Декларации митрополита Сергия (Страгородского). В декабре 1927 г. вместе с епископом Дмитрием (Любимовым) подписал акт отделения от митрополита Сергия. Стал одним из руководителей «иосифлянского» движения. В 1930 г. арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы, с октября 1935 г. находился в ссылке. Вновь арестован в 1937 г. Рас-стрелян.

⁴² *Николай (Борис Дорофеевич Ярушевич)* (1892–1961) – ар-хиерей Русской Православной Церкви, митрополит. Родился в г. Ковно. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1914). С 1919 г. – архимандрит, наместник Александро-Невской лавры. В 1922 г. хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. Активно противостоял обновленческому расколу. С октября 1922 г. по февраль 1923 г. возглавлял «Петро-градскую автокефалию». В феврале 1923 г. выслан в Зырянский край, вернулся в Ленинград в 1926 г. С 1935 г. – архиепископ Пе-тергофский. Митрополит Киевский и Галицкий (1941). С 1944 г. – митрополит Крутицкий, управляющий Московской епархией. Ми-трополит Крутицкий и Коломенский (1947). Доктор богословия (1949). Председатель Отдела внешних церковных сношений (1946–1960). Скончался в Москве.

⁴³ *Иосиф (Иван Семенович Петровых)* (1872–1937) – архие-рей Российской Православной Церкви, лидер «иосифлянского» движения. Родился в Новгородской губернии. Окончил Москов-скую духовную академию (1899). В 1901 г. пострижен в монаше-ство, рукоположен во иеромонаха. Архимандрит (1904). В 1909 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епар-хии. С 1920 г. архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. Во время ареста правящих иерархов управлял Ярослав-ской и Новгородской епархиями. В 1926 г. назначен митрополитом

Ленинградским. Не приняв Декларации 1927 г., подписал акт об отходе от заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), возглавив особое церковное течение, именуемое в литературе «иосифлянством». В 1929 г. арестован и выслан в Казахстан. В 1930 г. вновь арестован и приговорен к 5 годам ИТЛ, замененных ссылкой. Последний раз арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁴⁴ В 1925 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в своем «завещании» перед арестом указал митрополита Иосифа, как третьего кандидата в исполняющие обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

⁴⁵ Имеется в виду *Павел (Павел Петрович Борисовский)* (1867–1938) – архиерей Российской Православной Церкви, митрополит. Родился во Владимирской губернии. Окончил Московскую духовную академию (1892). В 1908 г. возведен в сан протоиерея, в 1915 г., овдовев, принял монашеский постриг. В 1916 г. хиротонисан во епископа Суздальского, викария Владимирской епархии. В 1921 г. назначен епископом Вятским и Слободским. Неоднократно арестовывался и высылался. Архиепископ (1926). Подписал Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г., член Временного Патриаршего Священного Синода. Митрополит Ярославский и Ростовский (1932) (на кафедре с 1929 г.). Последний раз арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁴⁶ Имеется в виду *Виктор (Константин Александрович Островидов)* (1875–1934) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в Саратовской губернии. Окончил Казанскую духовную академию (1903). В том же году пострижен в монашество и возведен в сан иеромонаха. В 1920 г. хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. Неоднократно арестовывался, находился в заключении и ссылках. Занимал ряд епископских кафедр. В 1926–1927 гг. епископ Ижевский и Воткинский. Не принял Декларацию 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского), утвердил постановление Воткинской епископии о прекращении епархией молитвенно-канонического общения с митрополитом Сергием (Страгородским) и единомышленными ему епископами. Запрещен в служении Синодом митрополита Сергия. В 1928 г. арестован, находился в Соловецком лагере. В 1931 г. приговорен к ссылке в Северный край, которая была продлена в 1933 г. Скончался в ссылке. Канонизирован РПЦ (2000).

⁴⁷ См. примеч. № 37.

⁴⁸ Имеется в виду *Григорий (Гавриил Иулианович (Ульянович) Яцковский)* (1866–1932) – архиерей Российской Православ-

ной Церкви, архиепископ. Один из основателей и руководителей «григорианского» раскола. Родился в Подольской губернии. Окончил Киевскую духовную академию (1894). В 1908 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии, до 1917 г. занимал еще несколько епископских кафедр. Епископ Екатеринбургский и Ирбитский (1917). Архиепископ (1922). Находился в заключении (1922–1925). В декабре 1925 г. возглавил самочинный Временный высший церковный совет (ВВЦС), став одним из инициаторов раскола, по его имени получившего название – «григорианский». Был возведен в «митрополиты Свердловские и Уральские» (1927). В 1928 г. оставил пост председателя ВВЦС по состоянию здоровья. Умер в Свердловске (Екатеринбурге) вне общения с Церковью.

⁴⁹ *Петр Георгиевич Холмогорцев* (1871–1937) – протоиерей Российской Православной Церкви, один из лидеров «григорианского» раскола. Родился в Челябинске. Окончил Оренбургскую духовную семинарию (1893), в том же году рукоположен во священника. Протоиерей (1912). Обновленчества не принял, в 1925 г. присоединился к григорианам. В 1927 г. в Москве хиротонисан во «епископа» Челябинского. В 1932 г. переехал в Свердловск, возведен в сан «архиепископа». После смерти основателя раскола Григория (Яцковского) занял его кафедру. «Митрополит» (1937). Арестован в 1937 г. Расстрелян.

⁵⁰ Имеется в виду *Агафангел (Александр Лаврентьевич Преображенский)* (1854–1928) – архиерей Российской Православной Церкви, митрополит. Родился в Тульской губернии. Окончил Московскую духовную академию (1881). В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1893 г. – епископ Тобольский и Сибирский, с 1897 г. – Рижский и Митавский. Архиепископ (1904). С 1910 г. – архиепископ Виленский и Литовский, с 1913 г. – Ярославский и Ростовский. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Митрополит (1917). С 1918 г. член Высшего Церковного Совета. После ареста патриарха Тихона (1922) временно принял от него патриаршие права и обязанности. Вскоре был заключен под домашний арест в Ярославле, затем переведен в тюремную камеру. В 1923–1926 гг. – в ссылке и тюремном заключении. Согласно завещательному распоряжению Патриарха Тихона от 7 января 1925 г. – второй кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего престола. В мае 1926 г. ради церковного мира отказался от прав на местоблюстительство. Умер в Ярославле. Канонизирован РПЦ (2000).

- ⁵¹ Имеется в виду *Назарий (Николай Яковлевич Кириллов)* (1850–1928) – архиерей Российской Православной Церкви, митрополит. Родился в г. Новочеркасске. Окончил Киевскую духовную академию (1880). В 1892 г. пострижен в монашество, архимандрит. В 1893 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. Архиепископ (1909). С 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский. Митрополит (1921). В 1923 г. уволен на покой, в 1925 г. вновь назначен митрополитом Курским и Обоянским. По одним данным, в 1927 г. Арестован и находился в заключении на Соловках, по другим – вышел на покой в феврале 1928 г.
- ⁵² Имеется в виду *Серафим (Дмитрий Игнатенко)* (?–1929) – архиерей Православной Российской Церкви, деятель «григорианского» раскола. Бывший законоучитель Симферопольской мужской гимназии. В 1926 г. хиротонисан во епископа Новооскольского, викария Курской епархии. В 1927 г., после Декларации митрополита Сергия (Страгородского) уклонился в «григорианский» раскол. В расколе «епископ» Белгородский.
- ⁵³ Имеется в виду *Серафим (Семен Николаевич Самойлович)* (1881–1937) – архиерей Российской Православной церкви. Родился в г. Миргороде Полтавской губернии. Окончил Полтавскую духовную семинарию (1902). Занимался миссионерской деятельностью. В 1905 г. пострижен в монашество, иеромонах (1906). Архимандрит (1916). В 1920 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. Архиепископ (1924). В 1926–1927 гг. несколько месяцев занимал должность заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). С 1929 г. – в лагерях и ссылках. В 1937 г., когда находился в лагере, было предъявлено новое обвинение. Расстрелян. Канонизирован РПЦ (2000).
- ⁵⁴ Имеется в виду *Сергий (Сергей Павлович Дмитриевский)* (1872–1937) – протоиерей Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Родился в Рязанской губернии. Окончил Казанскую духовную академию (1898), в том же году рукоположен во священника. Протоиерей (1913). В 1922 г. примкнул к обновленчеству. «Епископ» (1922), «архиепископ» Томский (1924). Арестован в 1937 г. Расстрелян.
- ⁵⁵ Имеется в виду *Кирилл (Виктор Иванович Соколов)* (1883–1937) – архиерей Российской Православной Церкви. Родился в Москве. Окончил Московскую духовную академию (1911), во время учебы пострижен в монашество. Архимандрит (1917). В 1921 г. хиротонисан во епископа Феодосийского, викария Екатеринослав-

- ской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. С сентября 1927 г., будучи викарным епископом Краснослободским, управлял Пензенской епархией. С августа 1928 г. епископ Пензенский. С 1931 г. в заключении. Расстрелян.
- ⁵⁶ Имеется в виду *Серафим (Владимир Иванович Юшков)* (1864–1952) – архиерей Российской Православной Церкви, отец известного историка С.В. Юшкова. Родился в Нижегородской губернии. Окончил духовную семинарию (1886). Рукоположен во священника (1887). В 1924 г. хиротонисан во епископа Саранского, викария Пензенской епархии. С 1925 г. епископ Лукояновский, викарий Нижегородской епархии. Епископ Кузнецкий (1929). В 1935 г. уволен на покой.
- ⁵⁷ *Серафим (Дмитрий Александрович Александров)* (1867–1937) – архиерей Российской Православной церкви, митрополит. Родился в Симбирской губернии. Окончил Саратовскую духовную семинарию. В 1891 г. рукоположен во священника. Занимался миссионерской деятельностью. В 1914 г. хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. Занимал ряд епископских кафедр. С 1919 г. епископ Тверской и Кашинский. Архиепископ (1922). Митрополит (1924). Неоднократно арестовывался. С 1927 г. постоянный член Временного Патриаршего Синода при митрополите Сергии (Страгородском). Митрополит Саратовский (1928). Митрополит Казанский и Свияжский (1933). В ноябре 1936 г. уволен на покой, через несколько дней арестован, приговорен к 3 годам ссылки. В 1937 г. вновь арестован. Расстрелян.
- ⁵⁸ Имеется в виду *Гермоген (Кузьмин)* (? – после 1943) – архимандрит Российской Православной Церкви, григорианский «епископ» Бунинский. В 1943 г. после покаяния вернулся в Патриаршую Церковь.
- ⁵⁹ Имеется в виду *Иоанн (Иван Васильевич Никольский)* (1864–1848) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Родился в Симбирской губернии. Окончил Симбирскую духовную семинарию (1886) и принял священство. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. «Архиепископ» (1924). До 1937 г. управлял Ульяновской епархией. В 1937 г. арестован. Расстрелян.
- ⁶⁰ Имеется в виду *Георгий Георгиевский* (1858 – после 1927) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «епископ». Учился в Иркутской духовной семинарии. Священник и благочинный Иркутской епархии. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. С 1924 г. «епископ» Троицко-Савский и Селенгинский, викарий Верхне-Удинской епархии.

- ⁶¹ Имеется в виду *Серрапион (Симеон Иванович Сперанцев)* (1898 – после 1935) – иеромонах, обновленческий «архиепископ». Окончил Олонецкую духовную семинарию. В 1921 г. принял монашество, рукоположен во иеромонаха. С 1922 г. в «обновленческом» расколе. Занимал несколько «епископских» кафедр. В 1926–1929 гг. «архиепископ» Нижне-Тагильский и Верхотурский. С 1933 г. за штатом.
- ⁶² См. примеч. № 54.
- ⁶³ В данном контексте «действительное», в отличие от «действительного», следует понимать как – «формальное», «обрядовое».
- ⁶⁴ См. примеч. № 4.
- ⁶⁵ Имеется в виду *Сергий Шубин* (1871? – после 1938) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Учился в учительской семинарии, проходил миссионерские курсы. Священник (1898). В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. С мая 1926 г. «епископ» Сальский, викарий Ставропольской епархии. Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. «Архиепископ» (1929). В 1938 г. окончательно уволен за штат. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁶⁶ Имеется в виду *Александр Тихонович Шубин* (1894–1937) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Окончил Александровскую (Владикавказскую) духовную семинарию. В 1916–1917 гг. служил полковым священником. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. С ноября 1924 г. – «епископ» Таганрогский. Архиепископ (1926). Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. «Митрополит» (1937). В 1937 г. арестован. Расстрелян.
- ⁶⁷ См. примеч. № 26.
- ⁶⁸ Имеется в виду *Иннокентий-Георгий Григорьевич Копейкин* (1872 – после 1936) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Родился в Башкирии. Окончил Благовещенскую учительскую семинарию (1891). С 1901 г. – священник. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. С февраля 1927 г. – «епископ» Уржумский. «Архиепископ» (1930). В 1937 г. приговорен к 8 годам лишения свободы. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁶⁹ См. примеч. № 59.
- ⁷⁰ Очевидно, имеется в виду будущий обновленческий «архиепископ» *Андрей (Андрей Иванович Рассторгуев)* (1894–1970). Окончил Симбирскую духовную семинарию, с 1914 по 1917 г. учился в Московской духовной академии. Священствовал в Сим-

- бирской епархии. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. В 1928 г. рукоположен во «епископа». С 1929 г. «епископ» Сызранский, викарий Самарской (Куйбышевской) епархии. Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. «Архиепископ» (1931). В 1941–1942 гг. – в заключении. В 1943 г. принес покаяние и был принят в Патриаршую Церковь в сане протоиерея.
- ⁷¹ Имеется в виду *Илья Фокин* (1879 – после 1935) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Окончил Казанскую духовную академию. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. В 1926–1928 гг. «архиепископ» Иркутский. С 1935 г. – «архиепископ» Сталинградский. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁷² С.А. Добров – обновленческий «архидиакон», член обновленческого Священного синода.
- ⁷³ Речь, скорее всего, идет о В.И. Некрасове. См. примеч. № 37.
- ⁷⁴ См. примеч. № 32.
- ⁷⁵ Имеется в виду *Александр Владимирович Лебедев* (1869 – после 1935) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Окончил Московскую духовную академию (1895). Был настоятелем нескольких храмов и членом Новгородской консистории. В 1922 г. уклонился в «обновленческий» раскол. Занимал ряд обновленческих епископских кафедр. В 1928–1930 гг. – архиепископ Череповецкий. В 1935 г. уволен на покой. Дальнейшая судьба неизвестна.
- ⁷⁶ Имеется в виду *Гавриил Асташевский* (1861–1933) – священник Российской Православной Церкви, обновленческий «архиепископ». Окончил Иркутскую духовную семинарию, служил священником в Иркутской епархии. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. «Архиепископ» Верхне-Удинский (1923). С 1924 г. – «архиепископ» Бурят-Монгольский. В 1928 г. уволен на покой.
- ⁷⁷ Проводится параллель с евангельским сюжетом о тайном посещении Христа одним из иудейских учителей Никодимом (Иоанн. III, 1–21).
- ⁷⁸ Имеется в виду *Феофил (Гавриил Сергеевич Богоявленский)* (1886–1933) – архиерей Российской Православной Церкви. Окончил Московскую духовную академию (1911). Во время учебы пострижен в монашество и возведен в сан иеромонаха. Архимандрит (1914). В 1920 г. хиротонисан во епископа Новоторжского, викария Тверской епархии. Неоднократно арестовывался, был в ссылке и заключении. С 1927 г. епископ Кубанский и Черномор-

- ский. Архиепископ (1931). Последний раз арестован в 1933 г. Расстрелян.
- ⁷⁹ Имеется в виду *Иоанн (Иван Саввич Кедровский)* (1879–1934) – протоиерей Российской Православной Церкви, обновленческий «митрополит». Родился в Херсонской губернии. Служил приходским священником в Америке. Примкнул к обновленчеству. На обновленческом соборе 1923 г. был «рукоположен» во «епископа». В том же году возведен в сан «архиепископа», а затем «митрополита» и отправлен иностранным отделом обновленческого ВЦУ в Америку, где объявил себя главой всей Северо-Американской епархии. Долгие годы вел борьбу за овладение церковным имуществом в США. Скончался в Нью-Йорке.
- ⁸⁰ Имеется в виду *Платон (Порфирий Федорович Рождественский)* (1866–1934) – архиерей Российской Православной Церкви, митрополит. Родился в Курской губернии. Окончил Курскую духовную семинарию (1886). Рукоположен во иерея (1887). Окончил Киевскую духовную академию (1895). С 1902 г. ректор Киевской духовной академии. В 1902 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. Архиепископ (1907). Занимал ряд архиерейских кафедр. Митрополит (1917). В 1920 г. эмигрировал в США. В 1922 г. утвержден Американским Церковным Собором митрополитом всея Америки и Канады. Указом Патриарха Тихона назначен управляющим Алеутской и Североамериканской епархией. С 1924 г. вне общения с Московским Патриархатом. В 1933 г. объявил Американскую церковь автономной.
- ⁸¹ Имеется в виду *Аполлинарий (Андрей Васильевич Кошевой)* (1874–1933) – архиерей Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Родился в Полтавской губернии. Пострижен в монашество во время учебы на миссионерских курсах (1898). Окончил Киевскую духовную академию (1905). Архимандрит (1911). В 1917 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1920 г. в эмиграции. В 1923 г. переехал в США. Епископ Сан-Францисский (1924). В феврале 1927 г. был уволен митрополитом Платоном (Рождественским) от управления Сан-Францисской епархией. Архиерейский Синод РПЦЗ признал это увольнение неканоничным и назначил Аполлинария временно управляющим новосозданной Североамериканской епархией РПЦЗ. Архиепископ (1929).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

Статьи

<i>Белякова Е.В.</i> Новые тексты в составе Кормчих на рубеже XVI–XVII вв.	6
<i>Морохин А.В.</i> Иоасаф (Заболотский), епископ Нижегородский и Алатырский (1782–1783)	31
<i>Смирнова И.Ю.</i> Митрополит Филарет (Дроздов) и его ранние контакты с протестантскими миссионерами	39
<i>Безилеева Н.Ю.</i> Особенности миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Японии в конце XIX – начале XX в. на примере служения архиепископов Николая (Касаткина) и Андроника (Никольского)	79
<i>Зима В.Ф.</i> Русская Православная Церковь во время голода 1921–1922 гг. в Советской России	94
<i>Курляндский И.А.</i> Протоиерей Иоанн Гаврилович Вениаминов (1856–1947) – внук святителя Иннокентия (Вениаминова) и духовник императрицы Марии Федоровны (Обстоятельства биографии)	126

Публикации документов

- Лобанова И.В.* «Нам нужен Патриарх...» (Документы Отдела о высшем церковном управлении Поместного собора 1917–1918 гг.) 161
- Лобанов В.В.* «Дезорганизация и внутренняя анархия в “тихоновщине” растет...» (Информационные бюллетени обновленческого Священного синода о внутрицерковной жизни в 1927–1928 гг.) 192

Научное издание

Церковь в истории России

Сборник 10

Редактор
О.А. Пруцкова

Компьютерная верстка
Л.П. Андриановой

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Подписано в печать 20.10.15. Формат 60×84/16. Заказ № .
Тираж 300 экз. 16 п.л. 12,48 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 95000 – книги, брошюры